LEMAK JANOS
Monongohela CiTi
PO

СВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

LEMAK JANOS
Monongohela CiTi PO

Историческая повѣсть.

LEMAK JANOS
Monongohela CiTi
PO

LEMAK JANOS
Monongohela CiTi
PO

КНИГОПЕЧАТНЯ ВАРѲОЛОМЕЯ ІЕГЕРА ВЪ УНГВАРѢ.
1902.

LEMAK JANOS

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Моравскій князь Ростиславъ, проводивъ пословъ, вратился въ свѣтлицу, гдѣ оставались еще близкіе къ князю лехи — знатные бояре.

— Эхъ, чтобъ только мои послы дармо не ѣздили, и развязатися мнѣ съ этими нѣмцами навсегда, — сказалъ онъ съ гнѣвомъ, стукнувъ кулакомъ по дубовому столу, — добра намъ отъ нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей не ожидати! Знаю я ихъ! еще когда Людовикъ-король помогалъ мнѣ заняти княжество на мѣсто дяди моего Моймѣра, — я ужь тогда видѣлъ, что они думаютъ, какъ-бы моравянъ держати въ своихъ рукахъ!

— Ну, отъ короля Людовика я освободился, когда семь лѣтъ тому назадъ прогналъ его войско, — продолжалъ князь, послѣ короткаго молчанія, — но ещебы мнѣ избавитися отъ этихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, пользы отъ нихъ моравянамъ никакой нѣтъ, а сколько ихъ набралось, да сколько нѣмцевъ за ними таскается, а за кого они стоятъ? за своего короля

Людовика, да за своего архіепископа зальцбургскаго, который доноситъ королю, что у насъ дѣлается. А что пользы отъ этихъ проповѣдниковъ?

— Да какая польза, — съ усмѣшкой отозвался одинъ лехъ, — народъ ихъ не понимаетъ, ни того, что они говорятъ, ни того, о чемъ молятся, только знаютъ они, что уничтожати священныя липы, да усердно собирати съ народа десятины и доходы.

Много разъ князь бесѣдовалъ съ лехами и жупанами (областными князьями) о нѣмецкихъ проповѣдникахъ христіанства въ его княжествѣ. То, что онъ теперь сказалъ, говорилъ онъ и прежде неоднократно.

Теперь онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, направленный противъ этихъ, непріятныхъ ему, проповѣдниковъ, онъ рѣшилъ нанести имъ ударъ, — не силой военнаго оружія, изгнанія, избіенія, а мирнымъ способомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дати своему народу христіанскую вѣру на его родномъ языкѣ.

— Не смущайся, княже, — сказалъ лехъ, — послы привезутъ вѣсти хорошія; мнѣ сказывалъ одинъ болгаринъ, который соль привезъ къ намъ въ Велеградъ, что у нихъ христіанская вѣра проповѣдуется греками такъ, что народъ все понимаетъ, и вѣру хорошую проповѣдуютъ; а греки, которые здѣсь торгуютъ, не разъ говорили, что у нихъ, у патріарха, всегда найдутся хорошіе священники, знающіе славян-

скій языкъ, такъ какъ въ ихъ царствѣ много славянъ, и по Дунаю и дальше, даже въ Царьградѣ.

— Да такъ-то, такъ! — задумчиво отвѣтилъ князь, — можетъ быти, греки намъ помогутъ и съ франками потягатися, — продолжалъ онъ, подумавъ немного... поколотити ихъ. Франки сговорились противъ насъ съ болгарами, а слыхалъ я, что греки не очень-то въ дружбѣ съ болгарами, да и франковъ не любятъ. Лучше съ греками быти одной вѣры, чѣмъ съ нѣмцами, — заключилъ онъ рѣшительно.

— И то правда, — отозвался лехъ Свитиміръ, молча слушавшій рѣчь князя, — я слыхалъ отъ торговыхъ людей, что и вѣра греческая лучше нѣмецкой.

II.

Ростиславъ былъ могучимъ моравскимъ княземъ. Его княжество Велико-Моравское въ половинѣ IX вѣка было очень обширное. Еще ни разу Моравское княжество не было такъ велико, какъ тогда. Кромѣ предѣловъ нынѣшней Моравіи, оно захватывало сѣверную окраину Паннонiи, земли къ сѣверу отъ Дуная, сѣверозападную часть Угріи, межлу Дунаемъ и рѣкою Гропомъ и далѣе къ востоку, т. е. теперешнюю Моравію, Силезію и пограничныя земли Австріи и Венгріи. Его столица Велеградъ въ то время (въ IX в.) была

однимъ изъ выдающихся славянскихъ городовъ *). Рѣка Морава служила воднымъ путемъ сообщенія съ Дунаемъ, а по Дунаю и съ другими странами. Торговля въ Велеградѣ была значительно по тому времени, развита, — можно было встрѣтити евреевъ, торговавшихъ даже рабами, грековъ съ драгоцѣнными товарами византійскаго производства, армянъ, болгаръ й другихъ. Вообще, городъ этотъ настолько выдѣлялся среди другихъ городовъ Моравской равнины, что моравяне называли его »Веліимъ градомъ«.

Хотя Ростиславъ получилъ княжескую власть при помощи своихъ сосѣдей нѣмцевъ, свергнувъ дядю своего Моймира, основателя Велико-Моравскаго княжества, однако, онъ не питалъ благоволенія къ нимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ противился имъ и силою оружія давалъ имъ отпоръ въ своей странѣ.

Германцы вступили въ Моравію на правахъ политическаго господства еще при Карлѣ Великомъ. Въ 796 году франкскій король, Карлъ Великій, въ союзѣ съ моравами началъ борьбу съ аварами, которые безпокоили съ юго-востока и предѣлы франкскаго короля и моравовъ. Въ то время моравяне и чехи раздѣлены были между нѣсколькими отдѣльными своими князьями и общинными союзами, и внутри сраны велась борьба между отдѣльными князьями изъ-за преобладанія. По-

*) Древній Велеградъ разрушенъ во время нашествія угровъ. Нынѣшній Градишъ основанъ на развалинахъ древняго Велеграда въ 1258 году.

этому славянскіе народы, соприкасавшіеся съ предѣлами германцевъ, т. е. чехи и моравы, не могли оказати сопротивленія завоевательнымъ стремленіямъ франкскаго короля, который одолѣвъ аваровъ, простеръ свою политическую власть и на Моравію и Богемію. Славяне, управляясь своими князьями, должны были подчинитися верховному господству маркграфа короля Карла, платити дань и обязатися военной службой. Въ 803 году князья сѣверной (надъ-дунайской) Моравіи на сеймѣ въ Регенсбургѣ признали господство франкскаго короля и обязывались военной службой и уплатой дани. Съ того времени собственно и начинается движеніе съ запада въ эти славянскія страны германскаго элемента, преимущественно — проповѣдниковъ христіанства и распространителей латинщины.

Карлъ Великій прежде всего позаботился о проповѣди христіанства среди этихъ славянскихъ народовъ. Это имѣло свои политическія выгоды, какъ увидимъ далѣе. Онъ учредилъ Зальцбургское архіепископство и архіепископу Арно поручилъ сѣяніе христіанской вѣры въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ. Нива для дѣятельности западныхъ миссіонеровъ открывалась обширная. Но они должны были трудитися не даромъ. Карлъ Великій дарилъ архіепископу треьтю часть доходовъ со всѣхъ земель, которыя его заботами будутъ пріобрѣтены христіанской вѣрѣ, и кромѣ того въ пользу духовенства собиралась еще десятина, изъ которой архіепископу полагалась четвертая часть.

Германскимъ миссіонерамъ выгодно было трудится, и они двинулись въ страну свободно, и обосновывались тамъ на правахъ господства, не столько имѣя въ виду безкорыстное служеніе проповѣди христіанской вѣры, сколько матеріальныя выгоды. Зальбургская архіепископія пользовалась не только десятиной, но еще и вновь завоеванными землями, которыя она обрабатывала или подвластными ей людьми или отдавала въ арендное пользованіе мѣстному населенію за опредѣленный оброкъ. Баварское духовенство заботилось главнымъ образомъ о сборѣ десятины и всякихъ доходовъ.

Уже въ то время, когда Моравія была поручена пастырскому попеченію зальцбургскаго архіепископа, Алкуинъ писалъ послѣднему наставительное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выражается: »будь проповѣдникомъ благочестія, а не сборщикомъ десятины«, и указываетъ на саксовъ, недружелюбно относившихся къ христіанству вслѣдствіе слишкомъ усерднаго сбора десятины западными распространителями христіанства.

Христіанская проповѣдь служила для нѣмецкихъ проповѣдниковъ вѣры не только просвѣщеніемъ славянъ-язычниковъ евангельскимъ свѣтомъ, но и проводникомъ преобладанія пришлыхъ германцевъ въ славянской землѣ и звеновъ политической зависимости отъ франковъ. Въ то время среди западнаго духовенства достаточно развита была идея подчиненія свѣтской

власти интересамъ духовенства, а также и стремленіе быти не только пастырями, но и руководителями въ свѣтскихъ дѣлахъ. Съ такими-же цѣлями дѣйствовало духовенство и въ Моравіи, и въ Чехіи. »Моравяне — хотятъ или не хотятъ — но будутъ покорены нѣмецкой державѣ«, — писало впослѣдствіи папѣ нѣмецкое духовенство. Моравяне тогда были раздѣлены на мелкія владѣнія, не объединенныя одной властью, поэтому, какъ мы уже сказали, не могли оказати сильнаго отпора своимъ непрошеннымъ просвѣтителямъ. Кромѣ того, на сторонѣ германцевъ было преимущество военной организаціи — часто одни и тѣ же лица были и миссіонерами и воинами, распространявшими христіанство съ оружіемъ въ рукахъ — было превосходство системы управленія и болѣе высокое культурное развитіе.

Нѣмецкіе миссіонеры не всегда мирно распространяли христіанство: они часто мирное оружіе слова Божія замѣняли оружіемъ стальнымъ и съ мечемъ въ рукахъ заставляли непокорныхъ принимати крещеніе и насильно предавали уничтоженію священныя рощи язычниковъ. Въ современныхъ хроникахъ подъ 818 годомъ записано о крещеніи всѣхъ моравянъ, но это извѣстіе, какъ можно судити по другимъ историческимъ источникамъ, далеко невѣрно. Очень можетъ быти, что германскіе миссіонеры, подобно тому, какъ это дѣлалось въ другихъ странахъ, силою сгоняли народъ и

крестили цѣлыми толпами. Такое крещеніе нисколько не дѣлало славянъ-язычниковъ христіанами. Нѣмецкіе миссіонеры мало сообразовались или даже не обращали вниманія на внутреннюю сторону христіанской проповѣди и на убѣжденія тѣхъ, къ кому проповѣдь относилась, а больше признавали обрядъ крещенія достаточнымъ фактомъ утвержденія христіанства. Потому-то можетъ быти, представители западныхъ проповѣдниковъ въ Моравіи и заявляли торжественно о крещеніи всѣхъ моравянъ.

Въ Римѣ очень были довольны проповѣдью христіанства въ Моравіи. Папа Евгеній II 829 году позаботился наградити тѣхъ, которые »съ большимъ успѣхомъ«, какъ выражается хроникеръ того времени, проповѣдывали христіанство въ Моравіи. Папа, очевидно, не зналъ понимаютъ-ли моравяне своихъ проповѣдниковъ, съ »большимъ успѣхомъ« распространяющихъ христіанскую вѣру, и понимаютъ-ли хотя отчасти то богослуженіе, которое для нихъ, тоже вѣроятно »съ большимъ усердіемъ«, совершается? Латинское духовенство мало знало мѣстный языкъ, а богослуженіе совершало на латинскомъ языкѣ, на этомъ же языкѣ читало народу евангеліе; другой письменности, кромѣ латинской, не знало.

Насколько на славянъ могло дѣйствовати такое богослуженіе, насколько оно могло развивати религіозныя чувства, не трудно представити себѣ. Несомнѣнно,

внѣшняя сторона латинскаго богослуженія, насколько она отличалась торжественностью, привлекала новичковъ-славянъ, но это могло быти до тѣхъ поръ, пока эта внѣшность, повтвряемая однимъ и тѣмъ-же порядкомъ, не теряла интереса для новообращенныхъ христіанъ.

Латинскіе проповѣдники мало имѣли успѣха среди моравскихъ и чешскихъ славянъ. Свидѣтельство подъ 818 г. хроникера о томъ, что вся Моравія приняла крещеніе, не что иное, какъ преувеличеніе или просто основывается на фактѣ крещенія народа принудительной силой, какъ раньше мы замѣтили. Что латинскіе проповѣдники мало имѣли успѣха, хотя и доносили папѣ »о большихъ своихъ успѣхахъ«, можно судити на основаніи замѣчанія Майнцскаго собора, бывшаго въ 852 г., о »грубомъ христіанствѣ« моравскаго народа, а въ народномъ эпосѣ, относящемся къ этой эпохѣ, представляются далеко не благопріятныя для нѣмецкихъ проповѣдниковъ народныя чувства.

Какъ уже было замѣчено раньше, моравяне были въ началѣ IX в. въ политическомъ подчиненіи сначала монархіи Карла Великаго, а затѣмъ баварскому королю. Людовикъ Нѣмецкій, сынъ Людовика Благочестиваго, былъ, такъ сказати, главою Моравской земли. Моравяне платили ему дань, ѣздили на созывавшіеся имъ сеймы. Но моравяне недовольны были нѣмецкимъ господствомъ и стремились къ независимости. Король

въ 843 году долженъ былъ идти войною на моравянъ, возставшихъ противъ нѣмцевъ, и смирити ихъ.

Маркграфу восточной марки (пограничной области) поручено было зорко слѣдити за тѣмъ, что дѣлается въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ.

Въ то время изъ всѣхъ моравскихъ князей и леховъ (старшинъ) особенно пріобрѣлъ политическую мощь и силу князь Моймиръ Эго былъ первый моравскій князь выступившій на объединеніе подъ своей властью моравскаго народа. Въ первое время всѣ усилія его направлены были къ тому, чтобы покорностью императору и добрыми отношеніями съ своими нѣмецкими сосѣдями сохранити миръ и тѣмъ укрѣпити свое положеніе. Онъ не принималъ никакого участія въ войнахъ нѣмцевъ съ хорватами (818—823 г.) и съ болгарами (827—828 г.) Онъ и положилъ начало могуществу моравскаго княжества, которое особенно усилилось при его наслѣдникахъ.

Около 830 г. онъ вступилъ въ борьбу съ другимъ княземъ Прибиной, княжившимъ въ Нитранской области, между Дунаемъ и Грономъ. Моймиръ изгналъ Прибину и подчинилъ своей власти его область. Прибина бѣжалъ къ маркграфу восточной марки Ратбоду и просилъ у него защиты и содѣйствія.

Радботъ принялъ Прибину дружелюбно и оказалъ свое покровительство. Прибина крестился и получилъ отъ короля Людовика Нѣмецкаго областъ въ Нижней

Панноніи на рѣкѣ Салѣ, въ окрестностяхъ Блатенскаго озера. Эта милость изгнанному Моравскому князю имѣла свои политическіе расчеты. Коробь Людовикъ, конечно, понималъ, что ему невыгодно имѣти сосѣдомъ сильнаго князя Мойміра, и, несомнѣнно, желалъ противоставити ему другого славянскаго князя. Мойміръ своей дѣятельностью и энергіей сталъ вызывати опасенія короля. Милость и покровительство, оказанныя Прибинѣ, очень раздражили Мойміра противъ нѣмцевъ. Онъ рѣшительно возсталъ противъ нихъ. Тогда Людовикъ Нѣмецкій въ 846 году предпринялъ походъ въ Моравію. Мойміръ не имѣлъ столько военной силы, чтобы противитися королю, да къ тому еще у него и внутреннихъ враговъ было немало, что давало въ борьбѣ перевѣсъ на сторону короля. Мойміръ былъ свергнутъ и на его мѣсто посаженъ былъ княземъ Ростиславъ, племянникъ его, который, можетъ быти, самъ помогалъ королю противъ своего дяди.

Ростиславъ и есть тотъ самый князь, который, какъ мы видѣли въ началѣ главы, такъ непріязненно отзывался о своихъ покровителяхъ нѣмцахъ и послалъ даже пословъ въ Константинополь.

Людовикъ Нѣмецкій ошибся въ своихъ разсчетахъ о покорности князя Ростислава и его преданности. Князь Ростиславъ старался освободитися отъ зависимости и подчиненія королю. Франки такимъ образомъ сами себѣ приготовили рѣшительнаго противника и

мужественнаго борца за интересы своего народа. Ростиславъ понималъ, что ему предстоитъ неизбѣжная борьба съ нѣмцами и постепенно готовился къ ней. Онъ искалъ себѣ союзниковъ у сосѣднихъ народовъ, особенно хотѣлъ привлечи на свою сторону болгаръ.

Людовикъ Нѣмецкій въ 855 году предпринялъ походъ въ Моравію, но на этотъ разъ неудачно. Моравскій князь, какъ видно изъ повѣствованія фульдскаго лѣтописца, не только выгналъ непріятеля изъ своихъ предѣловъ, но даже вторгся въ его пограничную область и разрушилъ нѣсколько укрѣпленій. Ростиславъ дѣйствовалъ очень осторожно и съ военнымъ искусствомъ. Онъ завлекъ короля въ глубъ страны, засѣлъ со своимъ войскомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, который нѣмцы безуспѣшно пытались взяти. Выждавъ удобный моментъ Моравскій князь самъ напалъ на лагеръ противника, и хотя король отразилъ моравянъ, даже, можетъ быти, съ урономъ для нападавшихъ, но увидѣлъ, что ему на этотъ разъ успѣха нечего ожидати и повернулъ назалъ. Ростиславъ преслѣдовалъ врага до самой Баварской границы, поражалъ его, а перейдя границу, на правомъ берегу Дуная произвелъ большія опустошенія.

Небезъинтересно, какъ объ этомъ событіи, неблагопріятномъ для нѣмецкаго короля, повѣствуетъ фульдскій монахъ, придворный лѣтописецъ, очевидно, сочувствующій королю.

»Осенью 855 года, — пишетъ онъ, — король Людовикъ повелъ свое войско противъ Ростислава, князя моравянъ, который возсталъ противъ нѣмецкаго господства. Король сражался съ малымъ успѣхомъ и возвратился назадъ безъ побѣды, такъ какъ онъ предпочелъ лучше предоставити противника самому себѣ, который, какъ разсказываютъ, оградилъ себя сильными окопами, чѣмъ подвергати народъ большимъ опасностямъ. Однако же Людовикъ опустошилъ большую часть страны и отбилъ нападенія непріятеля на нѣмецкій лагерь, нанеся ему большой уронъ. Но все-таки моравяне достигли преимущества, ибо когда король двинулся въ обратной путь, то Ростиславъ преслѣдовалъ его и разрушилъ большую часть пограничныхъ укрѣпленій на Дунаѣ«.

Этотъ успѣхъ Ростислава въ борьбѣ съ нѣмецкимъ господствомъ имѣлъ важныя послѣдствія для княжества. Моравія пріобрѣла значительную политическую свободу. Но добрые сосѣди ея — германцы не забывали этого княжества и продолжали заботитися о возможно большемъ распространеніи своего вліянія на славянъ. Этому содѣйствовало латинское духовенство...

Людовикъ готовился къ войнѣ съ своимъ противникомъ княземъ Моравскимъ. Его самолюбіе не позволяло ему спокойно переносити свое пораженіе и видѣти независимость Моравіи. Но несмотря на ободряющія молитвы и благословеніе зальцбургскаго архіе-

пископа, онъ не рѣшался прямо вступити въ борьбу съ сильнымъ Моравскимъ княземъ. Латинское духовенство, просвѣщавшее тогда славянъ христіанской вѣрой, доносило королю, что князъ Ростиславъ не дремлетъ, а энергія, дѣятельность и рѣшительность его указывали, что борьба съ нимъ не такъ легка.

Людовикъ ввѣрилъ въ слѣдующемъ году, т. 856 г., управленіе восточной маркой своему старшему сыну Карломану, вмѣсто Радбора. Король этимъ способомъ надѣялся обезпечити свои границы со стороны славянъ, ставшихъ, кажется, на сторону Моравскаго князя. Кромѣ того, онъ заключилъ союзъ съ болгарами, въ силу котораго ханъ болгарскій обязывался къ нападенію на моравскихъ славянъ; а въ славянскихъ земляхъ онъ раздавалъ монастырямъ и духовнымъ лицамъ большія владѣнія. Впрочемъ, самъ король въ то время занятъ былъ войной въ западной половинѣ своей монархіи, мечталъ о западно-франкской коронѣ и потому желалъ такими способами обезпечити себя съ востока.

Моравскій князь имѣлъ время усилится и даже успѣлъ привлечи на свою сторону сосѣднихъ славянъ — чешскихъ и полабскихъ, также недовольныхъ нѣмецкимъ господствомъ и нѣмецкими миссіонерами и готовыхъ возстати противъ нихъ при первой возможности.

Карломанъ оказался даже пріятелемъ Ростиславу. Ему хотѣлось поскорѣе владѣти баварской короной,

которую носилъ его отецъ. А отецъ, по видимому, обѣщалъ еще долго держати на своей головѣ эту корону и та жизненная дорога отца, которая ведетъ къ могилѣ, по всей вѣроятности, казалась Карломану еще не короткой. Сынъ, впрочемъ, былъ догадливый. Отецъ его въ то время поднялъ оружіе противъ брата своего Карла Лысаго и добивался западно-франкской короны. Для Карломана очевидно было, что надо дѣлати, т. е. пойти той-же дорогой. Для подмоги онъ заключилъ союзъ съ Ростиславомъ и выдалъ ему давнишняго врага его Прибину.

Чтобы на дальнѣйшее время не безпокоити себя особой князя Прибины, Ростиславъ приказалъ отправити его въ ссылку подальше, откуда назадъ не возвращаются, — на тотъ свѣтъ.

Карломанъ не достигъ своей цѣли, — а для Ростислава это имѣло роковыя послѣдствія. Въ 861 году Карломанъ вступилъ въ борьбу съ отцомъ. Кончилось тѣмъ, что Карломанъ примирился съ отцомъ, былъ сначала лишенъ управленія восточной маркой (областью), но потомъ, въ 864 году, тайно бѣжалъ въ свои прежнія владѣнія, и отецъ вынужденъ былъ возстановити его въ прежней власти.

Ростиславъ не принималъ участія въ этой борьбѣ сына съ отцомъ. Онъ, по всей вѣроятности, не надѣялся на успѣхъ Карломана или, просто, не желалъ подавати поводъ къ раздору съ королемъ. Къ тому

еще у него было не мало и внутреннихъ заботъ. Тѣмъ не менѣе противъ него и моравянъ собиралась на западѣ грозная туча.

Король Людовикъ, усмиривъ сына, рѣшилъ, наконецъ двинутися съ оружіемъ противъ Моравскаго князя, который не только не повиновался королю, но служилъ еще опорой для возмутившагося противъ него сына и вообще всѣмъ недовольнымъ. Король особенно надѣялся на помощь болгаръ.

Какъ видно, Ростиславъ со своими моравянами долженъ былъ вести упорную борьбу за независимость со своими сосѣдями — германцами, отъ которыхъ хотя и приходили просвѣтители христіанской вѣры, но несли съ собой славянамъ не свободу, а подчиненіе. Самъ Ростиславъ и его дворъ были уже христіанами. Къ этому времени относится отправленіе пословъ въ Царьградъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Восемьсотъ шестьдесятъ второй годъ принесъ Царьграду пріятную новость. Новость эта особенно была пріятна послѣ еще не совсѣмъ пережитыхъ огор-

ченій, прошлаго года по церковнымъ дѣламъ и послѣ неудовольствій, какія причинилъ въ томъ году притязаніями своими Римъ.

Съ этой пріятной новостью въ одинъ изъ трехсотъ шестидесяти пяти дней этого года, — но въ какой, именно, подлинно неизвѣстно — въ семь часовъ утра спѣшилъ во дворецъ, для обычнаго доклада императору, Логоѳетъ Дрома — высшій чиновникъ въ византійскомъ государствѣ и приближенное лицо императора. Онъ завѣдывалъ и управлялъ государственными почтами и потому получалъ всѣ свѣдѣнія и новости, прибывшія изъ провинцій и изъ-за границы, и всѣ вѣсти о замѣчательныхъ событіяхъ: о приготовленіяхъ и нашествіяхъ непріятелей, дѣйствіяхъ стратеговъ (военачальниковъ), въѣздѣ и выѣздѣ иностранныхъ пословъ и т. п. По своимъ обязанностямъ онъ ежедневно являлся ко Двору съ докладомъ о событіяхъ и распоряженіяхъ по внутреннымъ и внѣшнымъ дѣламъ имперіи.

Послѣ заутрени, на разсвѣтѣ, въ первомъ часу дня, по тогдашнему счету (т. е. въ 7 часу утра по нашему счету времени) великій папій открылъ дворцовыя залы, куда стали собиратися чиновники по обязанностямъ службы или для докладовъ государю. Всѣ эти лица раньше открытія Дворца собрались въ ипподромѣ, — такъ называлась особая пристройка, прилегавшая къ большому дворцу.

Логоѳетъ Дрома въ ипподромѣ предварительно надѣлъ одежду изъ роскошной матеріи, вышитую золотомъ — скарамантій (вродѣ туники) и направился въ залы дворца. Здѣсь, въ залахъ называемыхъ Юстиніана и Лавзіакъ, собрались гражданскіе и военное чины и сидѣли на опредѣленныхъ, по рангу, мѣстахъ, въ ожиданіи, когда пригласятъ ихъ въ залъ — Хризотриклинъ для высочайшаго пріема. Логоѳетъ занялъ свое мѣсто въ залѣ Асикритіи.

Высочайшаго пріема пришлось ожидати неодолго.

Скоро очередное недѣльные китониты принесли изъ царской ризницы царскій скарамантій, въ который имѣлъ облачитися императоръ предъ выходомъ изъ своего кабинета въ Золотую палату, и положили его въ Золотой палатѣ на скамейку передъ серебрянными дверьми, ведшими въ кабинетъ государя.

Первый часъ дня (т. е. въ семь часовъ по нашему времени) приближался къ концу. Примикирій діэтаріевъ (начальникъ придворной стражи) подошелъ къ серебрянымъ дверамъ, ведущимъ изъ южной камеры Хризотриклина (Золотой палаты) въ кабинетъ императора, и трижды ударилъ въ дверь.

Дверь раскрылась и хитониты внесли царскій скарамантій въ кабинетъ императора.

Императоръ облачился и сейчасъ вышелъ въ Хри-

зотриклинъ, направился къ восточной конхѣ и сталъ молитися предъ стоявшей здѣсь иконой Христа Спасителя.

Императоръ сѣлъ на золоченное кресло стоявшее направо отъ трона и обратившись къ Папію сказалъ:

— Логоѳета!

Папій тотчасъ вышелъ въ сосѣднюю залу — Лавзіанъ и приказалъ адмиссіоналію сходити въ залъ Асикритій и доложити Логоѳету Дрома, что государь требуетъ его для доклада.

Логоѳетъ, сопровождаемый адмиссіоналіемъ до Лавзіака, а отсюда папіемъ, прошелъ чрезъ Трипетонъ въ Золотую заду — Хризотриклинъ. Онъ палъ ницъ, и поклонился императору, и затѣмъ подошелъ къ нему для доклада.

Онъ доложилъ, что отъ Моравскаго славянскаго князя Ростислава прибыли въ Царьградъ послы и просятъ прислати имъ наставниковъ христіанской вѣры.

— Послы говорятъ, докладывалъ Логоѳетъ, что въ странѣ ихъ христіанская вѣра давно проповѣдуется франками, и князь ихъ христіанинъ, но и князь и народъ недоволны своими наставниками, и просятъ такихъ проповѣдниковъ, которые научали бы вѣрѣ на понятномъ для народа языкѣ.

Императоръ сталъ подробно распрашивати о Моравскомъ княжествѣ и его границахъ, о военной силѣ

князя и о томъ, какія въ Моравіи были и есть проповѣдники, при чемъ узналъ, что въ столицѣ моравскаго княжества и по рѣкамъ Моравѣ и Дунаю, есть заѣзжіе греки по торговымъ дѣламъ.

Логоѳетъ сообщалъ императору все, что онъ успѣлъ раньше узнати отъ пословъ, и спросилъ, когда государю угодно будетъ приняти пословъ и съ какой торжественностью надо ихъ приняти.

Логоѳетъ, выйдя изъ Хризотриклина, сообщилъ придворнымъ чинамъ о славянскихъ послахъ и предстоящемъ церемоніальномъ пріемѣ ихъ во дворцѣ и ожидалъ конца пріемнаго времени, такъ какъ въ Хризотриклинѣ направился Препозитъ по поводу предстоящихъ придворныхъ церемоній.

Въ концѣ 3 часа по византійскому счету (9 по нашему счету), императоръ приказалъ Папію сдѣлать »отпускъ« и направился во внутренніе покои дворца.

Папій взялъ дверные ключи и, побрякивая ими, прошелъ чрезъ зали, гдѣ находились разные чины. На звукъ ключей явился Силенціарій и обращаясь къ собранію, пригласилъ расходитися.

— Повелите! — сказалъ онъ.

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и начали выходити. Пріѣздъ Моравскихъ пословъ служилъ темой для разговоровъ. Вспомнили о другихъ славянахъ. Военные обратили вниманіе на близость границъ болгарской и

моравской и что, пожалуй, моравскій князь могъ бы оказати помощь въ случаѣ, если бы болгары, какъ прежде, стали нападати ва имперію.

II.

Славянъ въ Царьградѣ боялись. Очень памятны были грекамъ сила, мужество и отвага славянъ, не разъ уже наводившихъ ужасъ на столицу имперіи. Въ то время славяне все болѣе и болѣе захватывали земли имперіи и все ближе придвигали къ Константинополю линію своей осѣдлости. Уже въ VI вѣкѣ славянамъ принадлежала земля за Дунаемъ и Балканами, далѣе на югъ до Солуня. Во второй половинѣ VII вѣка болгары, вмѣстѣ съ задунайскими славянами, до того завладѣли Балканскимъ полуостровомъ, что императоръ византійскій Константинъ Погонатъ платилъ имъ дань.

„По множеству грѣховъ нашихъ, — пишетъ греческій лѣтописецъ Ѳеофанъ, — онъ (императоръ) долженъ былъ обязатися, къ великому стыду римскаго племени, платити болгарамъ ежегодную дань. И было дивомъ какъ для далекихъ, такъ и для близкихъ странъ, что люди, которые подчинили себѣ племена вселенной, отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга, теперь одолены были мерзкимъ новоявшимся народомъ“.

А этотъ »мерзкій« славянскій народъ, эти »варвары«, какъ ихъ называли греки, своимъ мужествомъ

и отвагой одолѣвали гордыхъ лишь прошлымъ и слабодушныхъ грековъ, и сами хотѣли властвовати, сами любили свободу. Извѣстенъ отвѣтъ князя славянъ дунайскихъ Доврата посламъ Аварскаго хана, требовавшаго покорности и дани.

— Кто человѣкъ тотъ, живущій на землѣ и обогрѣваемый лучами солнца, который покоритъ нашу силу? Мы привыкли сами надъ другими властвовати, а не поддаватися другимъ, и это нашъ завѣтъ, доколѣ на свѣтѣ будетъ война и мечъ.

Еще не забыли греки того погрома, какой произвели болгары въ началѣ описываемаго вѣка! Въ теченіе всего времени отъ 813 года до 850 года греки всегда со страхомъ посматривали на Забалканскую равнину, какъ стали они потомъ боязливо посматривати на Днѣпръ. А было отчего боязливо смотрѣти на эту равнину. Въ 811 году болгары съ задунайскими славянами нанесли такое пораженіе грекамъ, что навели ужасъ на столицу и сосѣднія провинціи. Императоръ Никифоръ выступилъ тогда съ войскомъ, но онъ самъ и его сановники, и стратеги, погибли. »Погибъ въ тотъ день цвѣтъ христіанъ. Пропали императорскія, украшенія все оружіе. Не дай Богъ христіанамъ видѣти когда такой день!« — говоритъ одинъ греческій бытописатель. Отрубленную голову Никифора князь болгарскій Крумъ показывалъ приходившимъ къ нему отъ разныхъ народовъ посѣтителямъ, потомъ выложилъ черепъ серебъ-

ромъ и сдѣлалъ чашу, изъ которой пили на торжественныхъ пирахъ вожди славянскіе. Крумъ пошелъ далѣе. Болгары проникли въ Македонію и Ѳракію. Города сдавались имъ безъ боя. Новый императоръ Михаилъ, собралъ много войка, вызвалъ даже сторожевые отряды съ границы Сиріи. 22-го іюня 813 года Крумъ одержалъ великую побѣду подъ Адріанополемъ, а затѣмъ двинулся къ столицѣ и обложилъ ее. На лугу, у Золотыхъ воротъ Константинополя, онъ совершилъ языческое жертвоприношеніе въ виду всѣхъ жителей столицы. Онъ закололъ въ жертвѣ множество людей и животныхъ, а послѣ такой жертвы омочилъ ноги въ морѣ, исполняя этимъ обрядъ омовенія, и окропилъ свое войско водою. Онъ повелъ осаду города, но не надѣясь взяти городъ, вступилъ съ греками въ переговоры. »Льстивые«-же греки (какъ ихъ называетъ нашъ лѣтописецъ Несторъ) хитростью хотѣли погубити этого героя. Для заключенія условія Крумъ выѣхалъ безоружный къ загородной церкви св. Безсребренниковъ съ четырьмя спутниками, сошелъ съ коня, сѣлъ на землю и вступилъ въ переговоры съ уполномоченными греческаго императора. Племянникъ его держалъ коня. Вдругъ изъ засады выскочили воины. Крумъ, однако, успѣлъ вскочити на коня и убѣжати, его спутники погибли. Болгары пришли въ ярость. Все, что было внѣ города: церкви, дома, суда — все было разрушено и сожжено. Плѣнныхъ задушили. Съ большой добычей

возвратились болгары за Балканы. Крумъ захватилъ Адріанополь и всѣхъ жителей, около 10,000, переселилъ въ задунайскую Болгарію. Спустя нѣкоторое время, онъ опять готовился къ походу на Царьградъ, собралъ большое войско и призвалъ войска отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, устроилъ даже стѣнобитныя, камнеметательныя и огнеметательныя башни, заготовилъ для своего военнаго скарба до 5,000 телѣгъ, кованныхъ желѣзомъ. Греки готовились къ защитѣ, — какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Крумъ умеръ въ четвергъ на страстной недѣлѣ скоропостижно, — отъ прилива крови.

Славяне вообще превосходили грековъ своихъ мужествомъ, военной отвагой и военнымъ искусствомъ. Сами греки отзывались съ похвалой о военномъ искусствѣ славянъ.

— Это народъ искусный въ стрѣльбѣ изъ лука,— отзывался однажды солунскій военачальникъ о сосѣднихъ славянахъ.

Всего опаснѣе для грековъ казалось то, что за передовыми, ближайшими къ границѣ, славянскими княжествами еще гдѣ-то надвигаются славянскія племена. Дунай занятъ славянами, побережье Чернаго моря тоже, — и къ западу и сѣверу. Напора славянъ всегда можно было ожидати, какъ это вскорѣ показали грекамъ смѣлые набѣги руссовъ.

Греки отлично понимали, что имъ не одолѣти

славянъ въ открытой войнѣ, но надо было какъ-нибудь обезопасити себя отъ этого народа. Лучшимъ средствомъ къ тому они признавали просвѣщеніе славянъ христіанской вѣрой. Въ сущности, славяне по природѣ своей не отличались такой суровой жестокостью, какъ германцы, и христіанство скоро смягчало ихъ нравы и воинскій пылъ. Это замѣчали и сами греки.

— Съ тѣхъ поръ, какъ купель крещенія сочетала скиѳовъ (славянъ) съ христіанскимъ народомъ, — говоритъ одинъ византійскій повѣствователь, — и млеко благочестія потекло для обоихъ, прекратилось разореніе городовъ, потерялъ силу губительный мечъ, и водводилось мирное общеніе.

И такъ, греки всегда были довольны, когда славяне обращались въ христіанство, не только потому, что христіянское чувство грековъ торжествовало побѣду надъ язычествомъ, но и потому еще, что христіанство служило для нихъ-же защитой отъ этого народа, у котораго еще бурлила дикая и смѣлая отвага, не дававшая ему, такъ сказати, сидѣти спокойно дома.

Въ описываемое время христіанство имѣло уже значительный успѣхъ въ Болгарскомъ княжествѣ. Болгарскій князь Борисъ обнаруживалъ склонность къ принятію христіанства. Онъ былъ раньше упорнымъ язычникомъ, но потомъ сталъ внимати находившемуся въ плѣну монаху Ѳеодору, просвѣщавшему его свѣтомъ

христіанской проповѣди. Обобенно имѣла на него вліяніе сестра его, около того времени возвратившаяся изъ Константинополя, гдѣ она была съдѣтства въ плѣну и воспитывалась при дворѣ. Уже въ 858 году Борисъ, при заключеніи мира съ греками, обнаруживалъ желаніе приняти крещеніе отъ грековъ, нужёнъ былъ только могучій словомъ и искусный въ проповѣданіи слова Божія человѣкъ, чтобы окончательно склонити князя приняти христіанскую вѣру. Въ Константинополѣ объ этомъ знали и желали окончательнаго торжества христіанства въ Болгаріи.

III.

Византійскій дворъ готовился поразити моравскихъ пословъ своимъ блескомъ и величіемъ, чтобы внушити »варварамъ« должное уваженіе.

Въ назначенный для торжественнаго пріема день залы дворца заблаговременно наполнились военными, гражданскими и придворными чинами въ блестящихъ, расшитыхъ золотомъ »скарамангіяхъ«; на нѣкоторыхъ были вышиты орлы и львы.

При византійскомъ дворѣ этикетъ и порядокъ былъ строгій и опредѣленный. Всѣ чины, въ ожиданіи выхода императора, въ залѣ занимали опредѣленныя мѣста, соотвѣтственно чину и служебному положенію.

Четыре гвардейскихъ отряда, именно: »школы« съ доместикомъ школъ во главѣ, »экскувиты«, »число

съ друнгаріемъ этого отряда или виглы и »иканаты« со своимъ доместикомъ (начальникомъ) составляли стражу дворца. Ихъ роскошные наряды и блестящее оружіе способны были обратити на себя завистливое вниманіе храбрыхъ »славянскихъ варваровъ».

Послы прибыли во дворецъ верхомъ на лошадяхъ. Молодой императоръ Михаилъ III вышелъ въ Хризотриклинъ (такъ называемый Золотой залъ), и сѣлъ на »Соломоновомъ тронѣ«. Онъ одѣтъ былъ въ порфировый плащъ съ золотой обшивкой, украшенной драгоцѣнными камнями, а на головѣ имѣлъ корону называвшуюся »кесарикій«, украшенную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Почетная стража заняла мѣсто за подвижной завѣсой. При выходѣ императора пѣвчіе двухъ хоровъ привѣтствовали его особыми хвалебными пѣснями.

Логоѳетъ Дрома встрѣтилъ во дворцѣ пословъ и спросилъ о ихъ здоровьѣ. Онъ предварительно далъ имъ наставленіе, что они должны дѣлати и какъ кланятися императору. Пословъ ввели въ Хризотриклинъ подъ руки.

Какъ только вошли послы, — они молча пали ницъ и поклонились императору. Пораженные блескомъ и величественной картиной всего собранія, послы не успѣли посмотрѣти на всѣ четыре стороны, какъ тотчасъ ихъ вывели. Этимъ закончился торжественный пріемъ пословъ.

При входѣ и выходѣ пословъ игралъ органъ.

Затѣмъ пословъ водили по многочисленнымъ заламъ дворца, расположеннымъ въ рядъ. Между прочимъ, въ портикѣ пріемнаго зала, въ такъ называемомъ »Орологіи«, имъ показали часы, съ водянымъ механизмомъ, производившіе бой чрезъ опредѣленные промежутки времени. Въ послѣдней комнатѣ посламъ предложили сѣсти. Сюда императоръ прислалъ имъ подарки, состоявшіе изъ роскошныхъ матерій и готоваго платья.

Послѣ этого пословъ пригласили въ столовую къ императорскому столу. Они сѣдили за отдѣльнымъ столомъ. Царь сидѣлъ за особымъ столомъ подъ балдахимомъ.

Въ промежутки, когда приносили блюда, пѣлъ хоръ, а во время ѣды игралъ органъ

Императоръ поднялся со своего мѣста. Въ это время посламъ поднесли подарки. Изъ столовой пословъ пригласили въ другую комнату, — сюда императоръ прислалъ имъ розовой воды и благовонныхъ мазей. Вымывшись въ вазахъ и вытершись роскошными полотенцами послы помазались благовонными мазями.

Послѣ небольшого отдыха, пословъ опять провели чрезъ множество комнатъ и вывели изъ дворца. Они верхомъ на лошадяхъ отправились къ себѣ.

Чрезъ нѣкоторое время императоръ принималъ

еще разъ моравскихъ пословъ — уже въ обыкновенной аудіенціи. Онъ бесѣдовалъ съ ними чрезъ переводчика. На этой аудіенціи присуствовали также приближенные императора и въ числѣ ихъ — Константинъ-философъ, мужъ ученый, благочестивой жизни, знавшій славянскій языкъ (онъ недавно возвратился изъ своей миссіонерской поѣздки въ далекое Хазарское царство, — изъ степей, прилегающихъ къ Каспійскому морю).

Моравскіе послы, говоря о цѣли своего прибытія въ Царьградъ, между прочимъ, сказали:

— Люди наши отверглись поганства и держимъ мы теперь законъ христіанскій; но не имѣемъ учителя, который сказалъ бы намъ истинную вѣру христіанскую на нашемъ языкѣ. И такъ, пришли къ намъ такого учителя... Ибо отъ васъ добрый законъ исходитъ на всѣ стороны, — прибавилъ одинъ изъ нихъ съ дипломатической вѣжливостью.

— Прибыли къ намъ многіе учители христіанскіе изъ волоховъ (итальянцевъ), грековъ, нѣмцевъ и учатъ насъ различно, а мы люди простые и не имѣемъ никого, кто бы насъ наставилъ на истину и понятно научилъ насъ.

Императоръ обратился къ Константину-философу:

— Слышалъ, философъ, эту рѣчь? Знаю, — ты не такъ здоровъ, но этого дѣла никто другой не мо-

жетъ сдѣлати, какъ ты... Возьми брата твоего игумена Меѳодія и идите. Вы солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ послявянски.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ первой половинѣ IX вѣка друнгаріемъ, т. е. военнымъ командиромъ или помощникомъ стратега (военачальника) въ Солунской области былъ нѣкто Левъ,— человѣкъ знатнаго происхожденія, состоятельный, имѣвшій даже связи въ столицѣ — Константинополѣ и, какъ кажется, даже при Дворѣ.

Онъ былъ женатъ. Говорятъ, что онъ женатъ былъ на славянкѣ по имени Маріи. Очень можетъ быти. Въ то время славянъ много было въ Солунской области, деревни ихъ были недалеко отъ города. Славяне давно уже проникли въ эту область и поселились тамъ даже съ нѣкоторымъ правомъ хозяевъ. Еще въ VI и VII вѣкѣ эти славяне заявляли тамъ свое преимущественное положеніе, осаждали даже городъ Солунь нѣсколько разъ. Въ VII вѣкѣ приливъ славянъ въ эту область усилился, такъ что элементъ ихъ среди греческаго населенія былъ довольно замѣтенъ. Они способствовали торговлѣ Солуня и служили посредниками между греческими купцами, болгарами и вообще задu-

найскими (прибалканскими) славянами. Среди славянъ этой области христіанство было уже распространено, и въ то время встрѣтити христіанина въ средѣ славянъ было нерѣдкостью Греки входили въ близкія сношенія съ славянами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если какая-нибудь хорошая славянка могла сдѣлатися женою греческаго военнаго начальника.

Супруги по своимъ достоинствамъ и качествамъ, принадлежали къ числу тѣхъ немногихъ, про которыхъ можно сказати, по пословицѣ, что »отъ добраго корня исходитъ и добрая отрасль«. Хотя эта пословица не всегда оправдывается на свѣтѣ, но относительно той супружеской четы она вполнѣ вѣрна.

На радость родителямъ, Богъ даровалъ имъ двухъ мальчиковъ, — впрочемъ, не только на радость родителямъ, но и цѣлыхъ народовъ, какъ увидимъ дальше.

Старшаго звали Меѳодіемъ, а младшаго Константиномъ.

Въ которомъ году каждый изъ нихъ родился, о томъ не сохранилось точныхъ указавій. Въ то отдаленное время не было записей о рожденіи и крещеніи, по разнымъ-же разсказамъ лицъ, писавшихъ о нихъ, трудно опредѣлити годы ихъ рожденія. Кажется, Кириллъ родился въ 827 году.

Оба мальчика были даровиты и способны. Господь не обидѣлъ ихъ ни умомъ, ни добрымъ характеромъ. А доброе воспитаніе, которое они получили подъ ро-

дительскимъ кровомъ, добрые примѣры благочестивой жизни въ семьѣ укрѣпили въ нихъ природныя нравственныя качества. Извѣстно всѣмъ, что дѣтскіе годы очень крѣпко запечатлѣваются въ памяти и добрыя сѣмена, посѣянныя въ юныхъ душахъ, даютъ добрый плодъ въ пору зрѣлаго возраста. Памятуя это, родители заботились, чтобы, пока ихъ дѣти находятся подъ родительскимъ присмотромъ, посѣяти въ ихъ душахъ добрыя сѣмена.

Меѳодій былъ сосредоточенный, серьезный мальчикъ. Онъ обладалъ той чертой характера, которая вообще ставитъ человѣка ближе къ практической жизни. Онъ отличался твердымъ и настойчивымъ характеромъ, способнымъ руководити другими и взвѣшивати обстоятельства, прежде чѣмъ, рѣшитися на что-либо. Кажется, онъ обнаруживалъ склонность идти по дорогѣ своего отца — вступити также на военное поприще. Стройный, красивый, смѣлый и серьезный, какъ о немъ повѣтствуютъ письменные памятники, и со связями родителей при дворѣ, онъ, повидомимому, стоялъ на пути къ военнымъ почестямъ въ рядахъ византійской арміи. Впрочемъ, въ зрѣломъ возрастѣ не всегда бываетъ такъ, какъ можно предугадывати по склонностямъ и способностямъ въ дѣтскомъ возрастѣ или, вѣрнѣе, не совсѣмъ бываетъ такъ. Такъ впослѣдствіи случилось и съ Меѳодіемъ.

Младшій Константинъ былъ тоже очень способный

и даровитый мальчикъ, немножко порѣзвѣе своего брата, но также серьезенъ, какъ и тотъ. Въ немъ замѣтна была большая способность къ быстрому усвоенію языковъ. Славянскій говоръ онъ усваивалъ безъ труда и съ дѣтской любознательностью, какая замѣтна въ способныхъ дѣтяхъ, интересующихся многимъ окружающимъ ихъ.

Еще въ младенчествѣ своемъ Константинъ обращалъ на себя вниманіе той маленькой дѣтской смѣтливостью, которая такъ восторгаетъ близкихъ къ нимъ. Сохранилось преданіе, что когда мати отдала ребенка кормилицѣ, онъ не хотѣлъ питатися ея молокомъ, а только материнскимъ.

Семи лѣтъ дѣтей посадили за науку. Дѣти охотно принялись за ученіе, которое они полюбили, и учились усердно. Константинъ возбуждалъ удивленіе и учителей, и сотоварищей своимъ свѣтлымъ умомъ и особенно своей необыкновенный памятью.

Родители сами располагали своихъ дѣтей къ наукѣ и старались заинтересовати ихъ книгами и развити въ нихъ любознательность.

У грековъ въ обычаѣ было дѣтямъ своимъ пріискивати жениховъ и невѣстъ заранѣе и даже обручати дѣтей еще въ юномъ ихъ возрастѣ. Бывали случаи, что дѣтей обручали съ семи лѣтъ. Въ то время ходили разсказы о томъ, какъ молодой императоръ Ѳеофилъ выбралъ себѣ невѣсту. Мати царя, Евфросинія,

собрала во дворецъ одинадцать красивѣйшихъ дѣвицъ, выставила ихъ въ Золотой Залѣ дворца, а сыну своему вручила перстень и предложила ему дати его той дѣвушкѣ, которая ему понравится. Изъ всѣхъ дѣвицъ молодому императору наиболѣе понравилась Икасія, но онъ колебался дати ей перстень.

— Не чрезъ жену-ли произошло все злое, — сказалъ Ѳеофилъ.

— Черезъ жену произошло и все доброе, — скромно отвѣтила Икасія.

Ѳеофилъ, очевидно, намекалъ на поступокъ въ раю нашей прабабушки Евы, а Икасія указывала на пришествіе въ міръ Спасителя чрезъ рожденіе отъ Дѣвы Маріи.

Царю не понравилось, что ему сразу возразила та, которую онъ намѣтилъ себѣ подругой жизни, — не будетъ-ли это непокорная жена, не станетъ-ли волю свою ставити выше воли супруга, — подумалъ царь и далъ перстень стоявшей рядомъ съ Икасіей Ѳеодорѣ. Икасія приняла монашество, основала въ Константинополѣ монастырь и въ немъ подвизалась. Ѳеофилъ женился на Ѳеодорѣ въ 831 году.

Разсказы объ этомъ съ разными прикрасами, какъ это всегда бываетъ, ходили повсюду, особенно въ тѣхъ городахъ, которые имѣли частыя сношенія со столицей. Разсказывали объ этомъ и въ городѣ Солуни, и можетъ быти, въ домѣ друнгарія Льва, — онъ, какъ

мы раньше сказали, имѣлъ связи въ столицѣ при Дворѣ. Можетъ быти, родители Константина и Меѳодія говорили тогда и о своихъ дѣтяхъ, о ихъ будущности, о ихъ невѣстахъ, которыхъ, можетъ быти, рекомендовалъ самъ стратегъ. Однажды, подъ вліяніемъ всѣхъ такихъ разсказовъ, Константинъ (ему было уже семь-восемь лѣтъ) видѣлъ сонъ и разсказалъ его своимъ родителямъ.

— Стратегъ собралъ всѣхъ дѣвушекъ нашего города и сказалъ мнѣ: выбери одну изъ нихъ себѣ въ жены; я-же, осмотрѣвъ всѣхъ, замѣтилъ одну, красивѣе всѣхъ другихъ, блиставшую золотыми монистами, бисеромъ и украшеніями; ее звали Софіей (т. е. мудростью); ее-то я и выбралъ.

Родители объяснили мальчику, что въ ученіи и заключается мудрость, которую прежде всего надо избрати. Впослѣдствіи, когда Константинъ, дѣйствительно, избралъ себѣ мудрость, сдѣлался ученымъ и »мудрымъ«, близкіе къ его родителямъ люди вспомнили, что еще въ дѣтствѣ ему было предуказаніе на его великую будущность.

Скоро Константинъ настолько усердно принялся за ученіе и книги настолько стали увлекати его, что онъ забросилъ даже забавы и игры.

Въ то время въ лучшихъ школахъ дѣтей развлекали, въ качествѣ педагогической мѣры и гимнастическихъ упражненій, соколиной охотой. Контантинъ тоже

принималъ участіе вмѣстѣ съ товарищами въ этой охотѣ. Разсказываютъ, что однажды на охотѣ Константинъ, заигравшись со своими сверстниками, потерялъ своего любимаго кречета. Два дня онъ плакалъ по своемъ любимцѣ. Наконецъ успокоился именно той мыслью, что не стоитъ возитися съ забавами, которыя причиняютъ огорченія, и принялся поусерднѣе за книжку.

— Что за жизнь, что вмѣсто радости одни только печали выступаютъ! Отъ сего дня иной — лучшій путь себѣ изберу. Не погублю дней своихъ въ житейской суетѣ, — сказалъ онъ, и принялся заучивати стихотворныя и другія произведенія св. Григорія Богослова. Благочестивые люди, памятующіе о промыслѣ Божіемъ даже во всѣхъ мелкихъ случаяхъ жизни человѣка, спустя много времени послѣ дѣтскихъ годовъ Константина, когда уже онъ послужилъ и Богу и людямъ, писали, что не самъ кречетъ улетѣлъ, а вѣтеръ его унесъ, по повелѣнію Божію, такъ какъ Господу не угодно было, чтобы Константинъ предавался житейскимъ забавамъ: какъ нѣкогда оленемъ св. Плакида, такъ и Константина кречетомъ хотѣлъ Господь уловити себѣ на служеніе.

Творенія св. Григорія Богослова юный Константинъ изучалъ очень усердно, хотя тогда многое изъ твореній этого великаго отца церкви было ему непонятно. Любознательный Константинъ обращался къ учителямъ

за объясненіемъ непонятнаго, но по всей вѣроятности, въ своемъ городѣ не находилъ такихъ учителей, которые могли бы удовлетворити его любознательности.

Возвышенныя, глубокомысленныя и полныя духовнаго восторга и поэзіи творенія Григорія Богослова производили глубокое впечатлѣніе на юнаго ученика. Онъ заучивалъ ихъ наизусть. Разсказываютъ, что въ своей комнатѣ Константинъ написалъ на стѣнѣ такую молитву св. Григорію:

»Святитель Божій, Григорій! ты былъ тѣломъ человѣкъ, а духомъ ангелъ! Уста твои прославили Бога похвалами, какъ уста серафимовъ, ученія твои просвѣтили вселенную. Молю тебя, пріими и меня, принадлежащаго къ тебѣ, съ вѣрою и любовью, и будь мнѣ учитель и просвѣтитель!«

Когда Константину было четырнадцатъ лѣтъ, а Меѳодію немного болѣе, отецъ ихъ Левъ заболѣлъ. Мати очень безпокоилась о судьбѣ своихъ дѣтей. Дѣти подавали большія надежды своими успѣхами въ школѣ, но въ родномъ городѣ не было такихъ школъ и такихъ учителей, которые могли бы дати имъ дальнѣйшее развитіе. Особенно озабочивалъ родителей младшій Константинъ.

— Ни о чемъ я такъ не печалюсь, какъ объ этомъ мальчикѣ, — сказала однажды мати, озабоченная болѣзнью мужа и неизвѣтнымъ ея исходомъ.

— Я имѣю надежду, что Богъ дастъ ему отца и устроителя, — успокоивалъ жену Левъ.

Онъ падѣялся на Θеоктиста Логоθета при константинопольскомъ Дворѣ.

II.

Послѣ смерти Льва, Логоθетъ Θеоктистъ, занимавшій при дворѣ очень видный постъ и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на дѣла въ малолѣтство императора, позаботился устроити Меθодія и Константина. Благодаря его заботамъ, Меθодій, хотя, былъ еще очень молодъ, назначенъ былъ правителемъ одной области въ Θессаліи, населенной славянами. Можетъ быти такое назначеніе основано было на тѣхъ расчетахъ, что Меθодій зналъ славянскій языкъ, а такъ какъ правительству приходилось немало тягатися съ славянами, чтобы привести ихъ къ покорности и подчиненію Имперіи, и такъ какъ славяне часто возставили противъ корыстныхъ греческихъ начальниковъ, вольновались, грозили разгромомъ городовъ, то, естественно, Логоθетъ Θеоктистъ настоялъ на назначеніи начальникомъ области человѣка, хотя молодого, но честнаго, благороднаго, знающаго народный языкъ той страны, которою онъ долженъ былъ управляти. Меθодій оправдалъ надежды Логоθета. Въ короткое время онъ пріобрѣлъ всеобщую признательность народа за справедливость, кротость, соединенную съ мудрой строгостью, и близкое отношеніе къ народнымъ нуждамъ. Вмѣстѣ съ административными заботами, онъ соединялъ также и заботу о христіанскомъ просвѣщеніи славянъ своей области.

Константинъ въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ поступилъ въ высшую школу въ Константинополѣ.

Недавно передъ тѣмъ открытая школа пользовалась попеченіемъ императора Ѳеофила и Варды, брата императрицы. Среди учителей особенно отличались своей ученостью двое: Левъ, прозванный философомъ, знатокъ поэзіи, риторики, философіи, математики, и Фотій, впослѣдствіи знаменитый патріархъ константинопольскій, — мужъ высокой учености, знатокъ отечественной словесности, исторіи, философіи, особенно богословія. Его учености удивлялись современники Его постоянно окружали ученики, даже на улицѣ. Когда онъ выходилъ изъ Дворца, толпа учениковъ дожидали его, чтобы сопровождати и бесѣдовати съ нимъ по пути. Онъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе своихъ учениковъ, особенно просвѣщамъ ихъ философіей и богословіемъ.

Константинъ учился въ этой школѣ очень усердно Онъ изучалъ грамматику, діалектику, ариѳметику, геометрію. риторику, астропомію, музыку и »всѣ прочія эллинскія художества«, какъ повѣствуется въ одномъ его жизнеописаніи, особенно изучалъ философію и настолько глубоко усвоилъ эту науку, что впослѣдствіи получилъ названіе философа.

Занимаясь науками, Константинъ проводилъ скромную жизнь, отличался кроткимъ и спокойнымъ нравомъ и тѣми высокими качествами души, которыя направляютъ умъ человѣка къ небесному и возвышаютъ

душу надъ водоворотомъ земной жизни. Его скоро полюбили и наставники и лица, принимавшія близкое участіе въ процвѣтаніи школы, какимъ былъ дядя императрицы Варда.

Особенно полюбили и уважали его Логоѳетъ Ѳеоктистъ и Фотій. Послѣдній удостоилъ его своихъ близкихъ дружественныхъ отношеній, и дружественныя чувства сохранилъ къ нему въ теченіе всей жизни.

Логоѳетъ, принимавшій въ немъ живѣйшее участіе, хотѣлъ устроити его судьбу. Онъ открылъ ему доступъ во Дворецъ, и о немъ зналъ, а можетъ быти и учился подъ его руководствомъ юный въ то время императоръ Михаилъ Ш-й, Логоѳетъ хотѣлъ женити Константина на своей крестницѣ и этой женитьбой устроити его карьеру.

— Я полюбилъ тебя за твой умъ и красоту, — сказалъ онъ однажды Константину, — у меня есть духовная дочь, которую я воспріялъ отъ купели, — она красива, добра, богата и знатнаго рода; женись на ней, — ты можешь ожидати отъ императора большой чести, и вскорѣ можешь быть стратигомъ (военоначальникомъ).

Константинъ вовсе не имѣлъ склонности вращатися въ честолюбивомъ придворномъ кругу, а тѣмъ болѣе не имѣлъ склонности военной службѣ, хотя она считалась почетной. Его влекло къ скромной жизни, къ уедитенію и просвѣщенію ума. Этотъ путь онъ намѣтилъ себѣ еще раньше.

— Предлагаемое тобою — отвѣтилъ Константинъ Логоѳету, — велико для того, кто имѣетъ въ немъ нужду, я же, кромѣ ученія, ничего не желаю. Просвѣтивъ имъ свои разумъ, хочу искати болѣе важнаго, чѣмъ всѣ почести и богатства.

Константинъ принялъ священническій санъ и занялъ должность хартофилакса и библіотекаря патріаршей библіотеки при храмѣ св. Софіи, — должность скромную, но почетную. Онъ посвятилъ себя наукѣ.

Впрочемъ, Константинъ скоро оставилъ эту должность, и даже выѣхалъ изъ Константинополя по какимъ-то причинамъ. Спустя полгода онъ возвратился въ столицу, и занялъ должность учителя философіи въ томъ же высшемъ училищѣ, въ которомъ самъ прошелъ курсъ наукъ. Съ этого времени утвердилось за нимъ званіе философа. Ему было въ то время не болѣе 24 лѣтъ.

На этомъ ученомъ поприщѣ начинается громкая извѣстность Константина. Онъ пріобрѣлъ извѣстность не только какъ философъ, но и какъ богословъ и искусный защитникъ ученія православной церкви.

Надо замѣтити, — въ описываемое время еще не улеглись споры о почитаніи иконъ. Болѣе ста лѣтъ волновалъ восточную церковь вопросъ о почитаніи иконъ, вызванный въ 726 году эдиктомъ императора Льва III Исаврійянина, въ которомъ воспрещалось религіозное почитаніе св. иконъ. Много пострадало епи-

скоповъ и другихъ благочестивыхъ христіанъ за почитаніе иконъ вопреки императорскимъ запрещеніямъ. Въ 832 г. императоръ Ѳеофилъ, по примѣру прежнихъ императоровъ, безусловно запретилъ почитаніе иконъ, даже приказалъ вездѣ уничтожити надписи »святой«. На сторонѣ имератора былъ патріархъ Іоаннъ Грамматикъ, принадлежавшій къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. По настоянію императора Ѳеофила, онъ даже проклялъ всѣхъ иконописцевъ. Послѣдній эдиктъ вызвалъ волненія. Люди благочестивые и богобоязненные продолжали почитати иконы. Особенно на защиту св. иконъ выступили монахи. Послѣ смерти императора, императрица-вдова Ѳеодора, устроивъ поминки по мужѣ, первымъ дѣломъ озаботилась возвратити свободу иконопочитанія. 19 февраля 852 г. созванъ былъ Ѳеодорой соборъ, на которомъ возстановлено было возникшее по древнему благочестію христіанъ почитаніе иконъ. Этотъ соборъ происходилъ въ то время, когда, вѣроятно, Константинъ былъ въ Царьградѣ. Споры еще не прекратились, многіе противники иконопочитанія не успокаивались. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Іоаннъ Грамматикъ, сосланный въ заточеніе въ монастырь. Гордый своей ученостью, онъ заявлялъ;

— Меня изгнали насиліемъ, но не могли одолѣти преніемъ.

Такія рѣчи бывшаго патріарха смущали многихъ.

Истина утверждается не насиліемъ, а духовнымъ оружіемъ, доводами.

Надо было показати предъ всѣми, что православные имѣютъ на своей сторонѣ неопровержимыя доказательства въ пользу почитанія св. иконъ, что всѣ противники могутъ быти поражены оружіемъ православныхъ. Для столичнаго общества рѣчи Іоанна были небезразличными, для многихъ служили соблазномъ. Надо было пресѣчи этотъ соблазнъ. Какимъ способомъ? Рѣшено было назначити публичное состязаніе съ Іоанномъ о почитаніи св. иконъ. Защита православнаго ученія поручена сыла Константину. Порученіе это показываетъ, насколько тогда Константинъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ ученый и искусный богословъ.

Разсказываютъ, что когда старикъ Іоаннъ увидалъ молодого Константина, выступающаго противъ него въ публичномъ преніи, то сказалъ окружающимъ, съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства:

— Всѣ вы не стоите моего подножія, и могу-ли я съ вами состязатися?

Константинъ отвѣтилъ ему на это:

— И ты, и мы одинаково созданы изъ земли, а душу имѣемъ отъ Бога. Глядя на землю, изъ которой мы созданы, будемъ говорити безъ гордости.

— Скажи мнѣ, юноша, — задалъ вопросъ Іоаннъ, — отчего мы не кланяемся разобранному кресту, не лобызаемъ его, когда онъ разобранъ на части, вы-же не

стыдитесь почитати икону даже тогда, когда она писана только до персей?

— Крестъ состоитъ изъ четырехъ частей — отвѣчалъ Константинъ, если не достаетъ хотя бы одной части, то нѣтъ изображенія креста; икона же только лицемъ своимъ изображаетъ образъ того, въ честь кого написана, и всякій, смотрящій на икону, видитъ не лице льва или рыси, но того, кто изображенъ.

Іоаннъ (или Анній, какъ его еще называли) продолжалъ:

— Мы покланяемся кресту и такому, на которомъ нѣтъ никакой надписи, — если же нѣтъ надписи на иконѣ, не написано, кого она изображаетъ, то такой иконы не чествуете вы?

— Всякій крестъ, — возразилъ Константинъ, — имѣетъ одинъ видъ, видъ креста Христова, а иконы не изображаютъ одного образа, и потому надобно надписью означити чей образъ на ней.

— Богъ сказалъ чрезъ Моисея: не сотвори себѣ ни всякаго подобія, какъ-же вы творите подобіе и поклоняетесь ему? — продолжалъ Іоаннъ.

Противъ этого Константинъ возразилъ:

— Если-бы Господь сказалъ: не сотвори себѣ никакого подобія, то ты былъ бы правъ, но Онъ сказалъ: ни всякаго подобія, т. е. недостойнаго.

Старикъ Іоаннъ увидѣлъ, что ему невозможно про-

должати преніе, не посрамляя себя, замочалъ. Побѣда осталась на сторонѣ Константина и снискала ему большую славу.

Насколько можно предполагати, онъ, спустя нѣкоторое время, былъ въ своей родной области или въ сосѣднихъ съ нею областяхъ, населенныхъ славянами. Въ этой области, среди славянъ, онъ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и наставлялъ и укрѣплялъ въ вѣрѣ тѣхъ, которые уже были крещены, а многихъ привелъ въ православную вѣру изъ язычества. Здѣсь онъ ближе ознакомился съ славянами, болѣе усвоилъ ихъ языкъ, что такъ пригодилось ему въ дальнѣйшей дѣятельности среди славянскихъ племенъ. Вскорѣ открылось для Константина широкое поприще для дѣятельности на пользу христіанской вѣры.

III.

Въ Малой Азіи пограничныя области Византійской имперіи заняли сарацины — мусульмане, грозившіе искорененіемъ христіанства въ тѣхъ областяхъ, которыя они захватывали. Много христіанъ отъ нихъ пострадало за твердость своей вѣры. Когда, напр., взятъ былъ городъ Аморія (въ 833—842 г.), всѣ жители были избиты, 42 именитыхъ воина уведены были въ плѣнъ въ г. Багдадъ, гдѣ заключены были въ тюрьму; здѣсь ученые мусульмане хотѣли обратити ихъ въ исламъ, но попытки были напрасны: всѣ они остались

тверды въ вѣрѣ, семь лѣтъ томились въ тюрьмѣ и были замучены, 6-го марта 845 года. Но среди мусульманскихъ вельможъ были такіе, которые принимали ученыхъ христіанъ и оказывалали имъ покровительство. Особенно этимъ отличались багдадскіе халифы, окружавшіе себя учеными людьми и заботившіеся о процвѣтаніи наукъ въ своемъ городѣ. Одинъ изъ халифовъ просилъ даже императора прислати къ нему Льва философа, который былъ учителемъ въ высшей константинопольской школѣ. Въ описываемое время среди мусульманъ возникали разные споры о коранѣ и разсужденія о христіанской вѣрѣ. При дворѣ халифа, современника императора Михаила III, разные ученые споры вызывали большое оживленіе, а такъ какъ при дворѣ были и христіане, то вопросы о преимуществѣ той или другой вѣры и нападки на христіанское вѣроученіе выступали нерѣдко съ большой силой. Ученые мусульмане знакомы были и съ евангельскимъ ученіемъ Христа. Особенно недоумѣвали мусульмане о христіанской вѣрѣ во св. Троицу, — непостижимая тайна Божества вызывала хулу со стороны однихъ мусульманъ и ученое любопытство со стороны болѣе серьезныхъ. Можетъ быти эти послѣдніе, заинтересованные догматомъ о святой Троицѣ, хотѣли получити, болѣе ясное представленіе объ этомъ христіанскомъ догматѣ. Какъ бы тамъ нибыло, — только въ 851 году въ Константинополь прибыли послы отъ халифа с

просьбой пристали ученаго мужа, который могъ-бы разъяснити имъ христіанское ученіе о св. Троицѣ и доказати имъ правоту своего ученія.

— Какъ это вы, христіане, признаете одного Бога и въ то-же время раздѣляете его на три, говоря: Отецъ, Сынъ и св. Духъ? Если можете объяснити это, то пришлите мужа, который держалъ-бы объ этомъ рѣчь и преніе съ нами?

Приближенные императора, руководившіе государственными дѣлами (императору Михаилу было тогда около 13-ти лѣтъ), поручили это важное дѣло молодому Константину философу, давъ ему на помощь нѣсколько ученыхъ.

Въ томъ городѣ, куда прибылъ Константинъ вмѣстѣ съ мусульманскими послами, глазамъ его представилась очень непріятная картина. Вездѣ на дверяхъ домовъ въ которыхъ жили христіане, изображены были различные »образы демонскіе, страшныя и гнусныя вещи«.

Хитрые старацины, съ усмѣшкой указывая на эти изображенія, спросили Константина:

— Понимаешь-ли, философъ, что это за изображенія?

Константинъ очень остроумно отвѣтилъ имъ:

— Вижу на дверяхъ демонскіе образы и полагаю, что въ домахъ этихъ живутъ христіане, и потому демоны бѣгутъ прочь отъ нихъ; а внутри тѣхъ домовъ,

гдѣ снаружи нѣтъ такихъ знаковъ, очевидно живутъ демоны.

Сарацинскіе ученые приняли греческихъ ученыхъ и однажды, послѣ обѣденаго стола, какъ тогда было въ модѣ, начали бесѣду о предметахъ вѣры. Сарацины, гордые своей ученостью, »умудренные въ книгахъ«, считали преимущество на своей сторонѣ.

Завязался споръ. Мусульмане задавали хитрые вопросы, стараясь запутати молодого грека.

— Въ вашихъ книгахъ говорится, что должно молитися за враговъ и не мстити за обиды, а вы совсѣмъ поступаете иначе и поднимаете оружіе на своихъ враговъ.

— Если въ законѣ есть двѣ заповѣди, — возразилъ Константинъ, — то кто болѣе исполняетъ законъ: тотъ-ли, кто хранитъ одну заповѣдь или кто хранитъ обѣ?

— Конечно, тотъ, кто хранитъ обѣ, — отвѣтили сарацины.

— Богъ заповѣдалъ намъ молитися за враговъ нашихъ, молитися за обижающихъ насъ, но Онъ-же сказалъ: нѣтъ большей любви, какъ если кто положитъ душу свою за ближнихъ своихъ. Ради ближнихъ своихъ, чтобы тѣлеснымъ плѣномъ не была также плѣнена и душа ихъ, мы и воюемъ.

Между прочимъ, сарацины задали Константину такой хитрый вопросъ:

— Въ нашихъ книгахъ написано, что Христосъ далъ дань за себя и за другихъ, а вы такъ недѣлаете, какъ Онъ. Платите дань за своихъ братьевъ и друзей. Мы просимъ немного, — одинъ златникъ, если будете платити за себя и за другихъ, то будемъ хранити миръ и дружбу. (Надо замѣтити, что сарацины наложили на покоренныхъ христіанъ двойную подать, которая была для нихъ очень обременительна, и стремились къ господству надъ христіанскимъ міромъ).

— Если кто, желая слѣдовати по пути своего учителя, встрѣтитъ другого который станетъ совращати его съ пути, то этотъ другой будетъ ему врагомъ или другомъ? — въ свою очередь спросилъ Константинъ.

— Врагомъ, конечно, — отвѣтили ему.

— А когда Христосъ давалъ дань, чье тогда было владычество?

— Римское.

— Итакъ, продолжалъ Константинъ, мы правы, когда платимъ дань только римскому царству (въ то время греки называли свою имперію ромейскою или римскою, такъ какъ Константинополь основанъ былъ римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ и Византійское государство составляло часть римской имперіи). Сарацины поняли сущность отвѣта и замолчали.

Объясняя сарацинамъ ученіе Христово, Константинъ говорилъ имъ:

— Ученіе нашей хрисіанской вѣры подобно глу-

бинѣ морской... Сильные умомъ благополучно переплываютъ эту глубину и возвращаются, а слабые умомъ, плывущіе на подгнившихъ корабляхъ, — иные тонутъ, другіе ослабѣютъ и не достихаютъ цѣли... Христово ученіе возводитъ отъ земли къ небу, — учитъ, что Богъ поставилъ человѣка между ангелами, которымъ онъ подобенъ духовной своей природой, и между животными, съ которыми онъ схожъ своей тѣлесной природой. Отъ человѣка зависть своей жизнью поднятися до подобія ангельскому житію, или погрузитися въ чувственную жизнь, скотоподобную.

IV.

По возвращеніи изъ дальняго путешествія къ сарацинамъ, Константинъ недолго оставался въ столицѣ, — онъ отказался отъ всѣхъ выгодъ и преимуществъ, какихъ могъ бы достигнути, благодаря своей извѣстности при Дворѣ и въ ученомъ и свѣткомъ мірѣ столицы, и бросилъ столицу. Высоко серьезный и столь благочестивый Константинъ не могъ равнодушно переносити безобразій и развращенности, какія господствовали тогда во всѣхъ слояхъ столичнаго общества. Полное равнодушіе къ религіи и небрежное отношеніе къ церкви и къ ея установленіямъ, религіозное лицемѣріе и ханжество всюду замѣтны были, начиная отъ придворныхъ сферъ и кончая толпою рабочихъ; особенно

этимъ отличались высшіе классы общества. На улицахъ столицы творитись иногда безобразія, оскорбительныя для религіи и церкви, и возмутительныя для вѣрующихъ и серьезныхъ христіанъ. Однажды придворный шутъ въ патріаршемъ облаченіи и съ нимъ толпа придворной челяди, переодѣтая въ облаченія священниковъ и діаконовъ, ходили по улицамъ съ зажженными свѣчами и съ ѳиміамомъ и пѣли пѣсни въ честь разгула и пьянства, наконецъ, на площадяхъ давали народу, на подобіе причащенія, уксусъ съ горчицей. Толпа со смѣхомъ и весельемъ сопровождала этотъ маскарадъ. Вотъ что дѣлалось тогда въ столицѣ, и каковы люди были тогда при дворѣ, а самъ императоръ, тогда еще очень молодой, больше занятъ былъ разными развлеченіями и конскими ристалищами, чѣмъ дѣлами государства; окружавшіе его люди, изъ личныхъ выгодъ, направляли могодого императора въ дурную сторону.

Могъ ли Константинъ спокойно оставатися въ этомъ столичномъ обществѣ? Могъ ли спокойно переносити всѣ безобразія, какія творились тогда? Его высоконравственная натура не мирилась съ развращенностью окружавшей его среды, — онъ и бросилъ столицу и сталъ вести уединенную жизнь.

Можетъ быти, на него подѣйствовалъ примѣръ старшаго брата Меѳодія.

Около того времени, когда Константинъ отправлялся къ сарарацинамъ, Меѳодій оставилъ должность

правителя области, которой онъ управлялъ десять лѣтъ, и, »узрѣвъ многообразіе житейской суеты, преложи земныя тьмы на небесныя мысли«, какъ выражается одинъ повѣствователь о его жизнедѣятельности. Меѳодій удалился на гору Олимпъ (около 852 г.), находящуюся въ Виѳиніи, въ Малой Азіи. Здѣсь подвизались въ Киновіи старцы-чернецы. Здѣсь около десяти лѣтъ подвизался Евѳимій солунскій, котораго, можетъ быти, зналъ Меѳодій, да олимпійскіе иноки бывали и въ г. Солуни по пути на Аѳонъ. Меѳодій принялъ здѣсь постриженіе и оставался въ качествѣ простого инока.

Сюда къ нему прибылъ и Константинъ.

Гора Олимпъ, куда удалились братья Меѳодій и Константинъ, издавна славилась подвижниками и обителями. Въ третьемъ и въ четвертомъ вѣкѣ Олимпъ уже служилъ мѣстомъ убѣжища для подвижниковъ. Во время гоненія на христіанъ при Діоклитіанѣ, въ Нѣкеѣ пострадалъ подвижникъ Олимпа Неофитъ, а при Максимиліанѣ Геріи (305—311 г.) пострадали подвизавшіяся на одномъ изъ холмовъ Олимпа три дѣвицы: Минодора, Митродора и Нимфодора. При Константинѣ Великомъ извѣстный былъ подвижникъ Олимпа Евтихіанъ, присутствовавшій на первомъ вселенскомъ соборѣ и пользовавшійся уваженіемъ императора. Въ VIII и IX вв. Олимпъ сіялъ славою св. отцовъ, подвижниковъ и отшельниковъ. Во время иконоборческихъ гоненій многіе изъ отцовъ этой горы постра-

дали за почитаніе св. иконъ *). Въ то время, когда здѣсь поселились братья, на Олимпѣ было очень много монастырей, скитовъ, пустынь и пещеръ. Кажется, Меѳодій хотѣлъ основати здѣсь свой фамильный (братскій) монастырь, на подобіе прочихъ бывшихъ тамъ фамильныхъ монастырей.

Проводя здѣсь монашескій образъ жизни, Меѳодій и Константинъ продолжали »книгамъ прилежати, книгами бесѣдовати съ Богомъ«, т. е. занимались чтеніемъ книгъ, которыми особенно богатъ былъ Полихроніевъ монастырь, основанный Ѳеофаномъ Исповѣдникомъ. Это прилежаніе книгамъ служило подготовкой для дальнѣйшей ихъ просвѣтительной дѣятельности.

Съ 858 г. они призваны были къ новой дѣятельности.

V.

Въ южной равнинѣ теперешней Россіи, отъ западнаго побережья Каспійскаго моря и устьевъ Волги, до моря Чернаго, до Днѣпра распростерлось хазарское царство. Главный Каганъ жилъ въ Итилѣ, ставкѣ при устьѣ Волги. На Дону и въ Крымскомъ полуостровѣ были подвластные ему каганы. Населеніе этого царства было смѣшанное; въ составъ его входило много сла-

*) Объ Олимпѣ и извѣстныхъ его подвижникахъ см. книгу Малышевскаго: »Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе«.

вянскихъ племенъ, обитавшихъ тогда въ южной равнинѣ того обширнаго пространства, на которомъ потомъ раскинулось Русское государство; много было и евреевъ, переселившихся сюда изъ Азіи и Византіи. Каганы предоставляли каждому народу своего царства держатися той вѣры, кому какая нравилась. Въ Крымской Хазаріи было много христіанъ, такъ какъ здѣсь съ глубокой древности были греческіе города и колоніи. Наиболѣе распространено было среди хазаръ мусульманство, наикрѣпче держалось язычество. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хазарскаго царства особенно настойчиво распространяли свою вѣру іудеи. Керченская Хазарія изъ всего хазарскаго государства была наиболѣе просвѣщенной страной, такъ какъ здѣсь уже была развита греческая цивилизація въ греческихъ колоніяхъ, и поддерживались постоянныя сношенія съ Византіей и съ Константинополемъ. Императоры византійскіе Юстиніанъ II и Копронимъ были женаты на хазаркахъ. Императоръ Ѳеофилъ, отецъ императора Михаила III, по просьбѣ хазарскаго кагана, прислалъ мастеровъ и матеріалъ для постройки крѣпости Саркелли на р. Донѣ. Сношенія хазаръ съ столицей — Константинополемъ были нерѣдки.

Въ VIII и въ IX вѣкахъ умнѣйшіе изъ хазаръ понимали уже несостоятельность язычества, а сосѣдство христіанъ служило тому, что христіанская религія распространялась тогда среди нихъ. Несомнѣнно, что хри-

стіане еще въ VIII вѣкѣ были и въ столицѣ хазарскаго царства, и самъ каганъ не ставилъ препятствій христіанской вѣрѣ.

Хазарскій ханъ, какъ о томъ повѣствуетъ одинъ древнѣйшій арабскій писатель, самъ принялъ христіанство. Однажды онъ бесѣдовалъ о христіанской вѣрѣ съ своимъ сановникомъ. Послѣдній сказалъ ему:

— О, царь! есть три народа, имѣющихъ откровенное писаніе; пошли къ нимъ, изслѣдуй, и тѣмъ, которые имѣютъ настоящую вѣру, будешь слѣдовати.

Царь послушался этого совѣта — послалъ къ христіанамъ за епископомъ.

У царя былъ еврей, ловкій, хитрый, — за словомъ въ карманъ онъ не лазилъ. Онъ началъ съ епископомъ споръ.

— Что ты скажешь о Моисеѣ и объ ученіи, ниспосланномъ чрезъ него? — предложилъ еврей вопросъ епископу.

— Моисей пророкъ, а его ученіе истинно — отвѣтилъ епископъ.

— Вотъ видишь, царь, — обратился еврей къ хану, — онъ подтвердилъ вѣрность моей религіи, а теперь спроси его, во что онъ вѣруетъ?

Царь спросилъ объ этомъ епископа.

Епископъ отвѣтилъ:

— Я говорю, что мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть Богъ Слово, и что на Него указано Богомъ въ таинственныхъ пророчествахъ.

На это еврей возразилъ:

— Онъ исповѣдуетъ то, чего я не признаю, а онъ вѣдь самъ подтвердилъ истинность моей вѣры.

Епископъ не былъ силенъ въ словопреніяхъ и хитрога еврея не могъ изобличити, а предъ царемъ не могъ доказати правоту вѣры христіанской.

Затѣмъ хазарскій каганъ послалъ къ мусульманамъ, которыхъ тогда много жило въ столицѣ Хазаріи. Были у нихъ здѣсь и кадіи. Мусульмане отправили къ царю человѣка ученаго и хитраго въ словопреніяхъ. Но еврей подослалъ ему ядъ, отчего онъ и умеръ.

Еврей сталъ склонять царя на свою сторону и, наконецъ, обратилъ его въ іудейство.

Очевидно, хазарамъ трудно было разобратися въ тѣхъ религіяхъ, которыя, такъ сказати, окружали ихъ; они имѣли предъ собой христіанство, магометанство и іудейство. Къ религіямъ они относились не безъ разбора, особенно, какъ можно полагати, тѣ изъ нихъ, которые побывали въ городахъ Крымскаго полуострова, гдѣ ознакомились съ греческой цивилизаціей и съ христіанами. Но разобратися въ томъ, которая изъ этихъ религій имѣетъ преимущества истины и которая выше, они не могли. Повидимому, они болѣе склонялись на сторону христіанства. Въ половинѣ IX вѣка, т. е. въ описываемое время, религіозныя недоумѣнія, должно быти, очень безпокоили хазарскаго хана и его прибли-

женныхъ и тревожили, такъ сказати ихъ совѣсть. За разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній они обратились въ Константинополь, по »старой дружбѣ«.

Въ 858 году въ Константинополь прибыли послы отъ хазаръ. Они просили императора Михаила III дати имъ наставника, мужа ученаго, который наставилъ-бы ихъ и доказалъ-бы превосходство христіанской религіи предъ еврейской и мусульманской.

— Мы издревле знаемъ единаго Бога, повелѣвающаго всѣмъ, — говорили послы, — и Тому мы поклоняемся, обращаясь на востокъ; иные-же у насъ еще держатся студныхъ обычаевъ. Теперь же евреи убѣждаютъ насъ приняти ихъ вѣру, а сарацины, съ другой стороны, смущаютъ насъ дарами и обѣщаніемъ мира, говорятъ, что ихъ вѣра лучше вѣры всѣхъ народовъ. Такъ какъ между нами и вами существуетъ старая дружба и такъ какъ вы — народъ великій, царство богатое получили отъ Бога, то просимъ у васъ совѣта и просимъ у васъ великаго мужа. Если онъ одержитъ верхъ надъ евреями и сарацинами, то мы примемъ вашу вѣру.

Послы объяснили, что предметомъ наибольшаго смущенія служитъ для нихъ ученіе христіанъ о св. Троицѣ. Они поклоняются одному Богу, іудеи и сарацины также поклоняются одному Богу и указываютъ на христіанъ, будто у нихъ неправая вѣра, такъ какъ они признаютъ не одного Бога. Такъ-ли это? По всему

видно, что христіане исповѣдуютъ вѣру въ одного Бога, и сами они это утверждаютъ, — какъ же это христіане св. Троицу въ Божествѣ признаютъ? Іудеи и сарацины этимъ ихъ смущаютъ, и вотъ, — говорили послы, они готовы принять христіанскую вѣру, такъ какъ по всему видно, что она лучше другихъ, но раньше желаютъ убѣдится въ томъ, правду-ли говорятъ христіане, что они одному Богу поклоняются, и какъ бы такъ поспорити съ іудеями и сарацинами, чтобы видно было, кто правъ, а кто нѣтъ, — вѣдь сарацины и іудеи правду говорятъ, когда утверждаютъ что одинъ Богъ долженъ быти и Ему одному надо кланятися!

Императоръ, посовѣтовавшись съ патріархомъ, рѣшилъ, что кромѣ Константина, едва-ли найдется кто другой, который могъ бы съ достоинствомъ поддержати честь грековъ и доказати превосходство христіанской религіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Константинъ путешествовалъ въ Малую Азію къ сарацинамъ и у нихъ велъ споръ о вѣрѣ, разъяснялъ имъ догматъ о св. Троицѣ, — онъ, очевидно, уже подготовленъ къ состязаніямъ съ представителями мусульманства, — его и послати.

При свиданіи съ Константиномъ императоръ сказалъ ему:

— Иди, философъ, къ этимъ людямъ, дай имъ отвѣтъ и объясненіе о святой Троицѣ, съ Ея помощью. Никто, думаю, не можетъ это сдѣлати такъ, какъ ты.

Императоръ при этомъ предлагалъ ему средства, необходимыя для дальняго путешествія, а также для поддержанія чести византійскаго Двора и греческой націи.

Константинъ изъявилъ полную готовность идти ради столь великаго дѣла даже безъ всякихъ средствъ.

— Если велишь Государь, — сказалъ онъ, — я радъ идти туда пѣшъ и босъ, безъ всего, какъ повелѣлъ Христосъ апостоламъ; я радъ и пострадати за вѣру Христову.

— Если-бы ты это предпринялъ самъ собой, то такой поступокъ твой былъ бы похваленъ, но ради царской державы и чести ея, иди съ почетомъ, съ царскою помощью, сказалъ ему Государь.

Въ 858 г. Константинъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ отправился въ дальнее путешествіе.

По Черному морю онъ прибылъ сначала въ г. Херсонесъ (на Таврическомъ полуостровѣ). Здѣсь былъ въ то время греческій стратигъ и епископъ. Въ этомъ городѣ онъ остановился на нѣкоторое время, чтобы ознакомится съ тѣмъ языкомъ, на которомъ ему предстояло вести бесѣду у хазарскаго кагана, сталъ изучати »жидовскую рѣчь« и ознакомлятися съ еврейскими книгами.

Прибытіе съ моря судна служило событіемъ для города и вызывало всеобщій интересъ. Любопытные спѣшили узнати, кто прибылъ, откуда, зачѣмъ, что при-

везли, что дѣлается въ чужихъ странахъ и т. п. Новости носились по городу, а если бывали въ городѣ купцы изъ далекихъ странъ, съ береговъ Днѣпра или съ Крымскаго полуострова, то городскія новости переносились и дальше, иногда съ большими прикрасами.

Скоро въ городѣ узнали, что прибылъ ученый мужъ, толковникъ христіанской вѣры, знающій и другія вѣры — іудейскую и сарацинскую. Такъ какъ въ городѣ обитали греки, славяне, евреи, и было много прибывшихъ изъ другихъ городовъ по торговымъ дѣламъ, то скоро прибывшій ученый мужъ заинтересовалъ тѣхъ лицъ, которыя относились не безразлично къ религіознымъ вопросамъ, а такихъ въ томъ городѣ было немало, такъ какъ христіанская вѣра имѣла вліяніе на обитателей всего сѣвернаго побережья Чернаго моря.

Въ этомъ городѣ къ Константину зашелъ одинъ еврей изъ самарянъ, показалъ ему свои самарянскія книги и вступилъ съ нимъ въ преніе по поводу этихъ книгъ. Константинъ попросилъ оставити ему эти книги для прочтенія. Онъ затворился въ своей комнатѣ, приступилъ съ молитвою къ изученію ихъ — и скоро уразумѣлъ ихъ. Еврей удивился, когда чрезъ непродолжительное время Константинъ сталъ свободно толковати ему его книги.

— Поистинѣ тѣмъ, которые вѣруютъ въ Христа, скоро даруется отъ Бога благодать разумѣнія! — воскликнулъ онъ.

Сынъ этого еврея, присутствовавшій при бесѣдѣ отца своего съ философомъ, принялъ христіанство.

Константинъ обрѣлъ здѣсь евангеліе и псалтирь на готскомъ языкѣ, и нашелъ человѣка, говорившаго »русскою бесѣдою«, при помощи котораго уразумѣлъ книги. Этотъ русскій человѣкъ, очевидно, былъ христіанинъ. Константинъ навѣрно бесѣдовалъ съ нимъ на славянскомъ языкѣ.

VI.

Въ городѣ хранилось преданіе о мученической кончинѣ святителя Климента, третьяго епископа г. Рима. Святитель Климентъ римскимъ императоромъ Траяномъ сосланъ былъ (въ концѣ перваго вѣка по Рож. Христ.) на сѣверное побережье Чернаго моря, — сосланъ былъ за имя Христово. Здѣсь святитель обратилъ многихъ язычниковъ въ христіанство, за что былъ преданъ мученической смерти: онъ былъ брошенъ въ море съ якоремъ на шеѣ, чтобы христіане лишены были возможности оказати почести тѣлу святителя. Семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со времени мученической кончины сего доблестнаго мужа, но память о немъ хранилась среди мѣстныхъ христіанъ. Разсказы объ этомъ переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Константинъ, можетъ быти, еще въ Царьградѣ

имѣлъ свѣдѣнія о кончинѣ римскаго святителя, въ мѣстности, гдѣ находился городъ Херсонесъ. Въ городѣ онъ началъ старательно развѣдывати у мѣстныхъ жителей обо всемъ, что касалось мученической кончины святителя Климента и тщательно изслѣдовати сохранившіеся разсказы о мѣстѣ его кончины.

Мѣстные жители не могли, впрочемъ, опредѣлити мѣста мученической смерти святителя. Разсказывали, что въ старину на мѣстѣ, гдѣ почивали мощи святителя, существовалъ храмъ, воздвигнутый руками ангеловъ, и морскимъ отливомъ открывался доступъ въ этотъ храмъ; но за грѣхи и небрежность жителей перестало являтися это чудо убыли моря и море опять вливало свои волны въ прежнія границы. Кромѣ того, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ враговъ, то мѣсто, гдѣ пребывалъ святитель, опустѣло, большая часть той страны опустошена. Храмъ тотъ разрушенъ, а гробница святителя вмѣстѣ съ тѣломъ его была погребена волнами.

Но въ чемъ не могли помочи Константину мѣстные жители, »помогъ Богъ, Который опредѣлилъ открыти своимъ вѣрнымъ, столь великое и драгоцѣнное сокровище, именно мощи святителя Климента«. Крайне опечаленный такими неопредѣленными отвѣтами мѣстныхъ жителей Константинъ обратился къ молитвѣ, чтобы то, чего онъ не могъ узнати отъ людей, было ему указано божественнымъ откровеніемъ, ради заслугъ

римскаго святителя, воспріявшаго мученическую кончину на этихъ далекихъ отъ родины »варварскихъ« берегахъ Чернаго моря.

Молитвы его были услышаны.

Объ обрѣтеніи мощей святителя Климента такъ повѣствуется въ одномъ древнемъ сказаніи (записанномъ въ XI или XII вѣкѣ).

Константинъ пригласилъ епископа того города, именемъ Георгія, вмѣстѣ съ духовенствомъ и народомъ, просити указанія свыше. Самъ онъ повѣствовалъ о страданіяхъ и чудесахъ того блаженнаго мученика, такъ что многіе стекались къ нему и искали столь драгоцѣнныя, но давно забытыя сокровища, стараясь при помощи Божіей возвратити ихъ на свѣтъ, а Константинъ и епископъ воодушевляли ихъ своими увѣщаніями.

»Въ 30-й день декабря мѣсяца, при тихомъ морѣ сѣли на корабль и пустились въ путь подъ водительствомъ Христа, именно, названный философъ съ епископомъ, съ честнымъ клиромъ и нѣкоторыми изъ народа. Плывя такимъ образомъ, съ великимъ благоговѣніемъ и упованіемъ, съ псалмопѣніемъ и молитвами, достигли они острова, на которомъ, какъ они предполагали, должно было находиться тѣло святаго мученика. Обходя островъ со всѣхъ сторонъ и освѣтивъ его свѣтильниками, они начали все болѣе и болѣе возсылати

моленія, и на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ должно было предполагати, покоились мощи, стали рыти весьма заботливо«.

»Когда они пребывали на островѣ, со священнымъ рвеніемъ уже долгое время и всецѣло довѣрилися надеждѣ на Божіе милосердіе, внезапно, по соизволенію Божію, возсіяло, подобно нѣкоторой блистательной звѣздѣ, одно изъ ребръ неоцѣненнаго мученика. При этомъ видѣ, всѣ исполнились великаго восторга, и безъ всякаго понужденія, стали еще болѣе старательно взрывати землю, такъ что чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени показалась и святая голова. Сколько вознеслось возгласовъ къ небу, сколько восхваленій и благодареній къ Богу отъ всѣхъ, со слезами, — едва-ли можно воозбразити, и еще менѣе выразити! Когда были открыты мощи, вслѣдствіе необычайно пріятнаго благоуханія, всѣми овладѣла столь великая радость, что всѣ съ большимъ ликованіемъ поздравляли другъ друга, всѣ были внѣ себя отъ радости, и считали себя какъ бы находящимися въ раю. Вскорѣ послѣ того показались мало-по-малу бывшія еще скрытыми частицы святыхъ мощей и послѣ недолгаго промежутка времени были открыти всѣ мощи«.

»Итакъ, при всеобщей чрезвычайной радости о такой милости Божіей, епископомъ было совершено тамъ же богослуженіе. Самъ святой мужъ, подняв раку со святыми мощами на свою голову, несъ ее, в

сопровожденіи всѣхъ, на корабль, а съ корабля, при пѣніи псалмовъ и хвалебныхъ пѣсней, перенесъ мощи въ загородное мѣстопребываніе епископа Георгія. Когда они приближались ко городу, вышелъ имъ на встрѣчу доблестный мужъ Никифоръ, воевода того города со многими другими мужами и, приложившись къ св. мощамъ, онъ, предшествуя св. ракѣ, съ благодарственными восхваленіями, поспѣшилъ съ радостью возвратити ее обратно въ городъ. Тамъ помолился онъ, при большомъ стеченіи народа, предъ святыми и досточтимыми мощами и разсказалъ народу таинственное ихъ обрѣтеніе. Такъ какъ уже вечерѣло, а народа собралось очень много, такъ что невозможно было двигатися впередъ, то раку поставили въ храмѣ св. Созонта, находящемся близъ города. Потомъ перенесли въ храмъ св. Леонтія. На другой день поутру собралось все населеніе города и раку со святыми мощами обнесли кругомъ города съ хвалебными пѣснями, и съ честью поставили раку въ соборѣ«.

Такъ были открыты Константиномъ мощи св. мученика, болѣе семи вѣковъ почивавшія въ бурныхъ волнахъ Евксинскаго моря, какъ называли въ древности греки Черное море.

VII.

Путь, по которому отправился Константинъ къ хазарскому хану, пролегалъ по южнымъ степямъ, къ

берегамъ Азовскаго моря, а затѣмъ далѣе чрезъ предкавказскія степи къ Каспійскому морю. Путь былъ трудный и не безопасный. Много разныхъ кочевниковъ бродило по этимъ степямъ. Не одинъ слѣлый путешественникъ сложилъ свою голову въ этихъ степяхъ за отважную попытку пройти по этому пути. Не разъ смѣлый кочевникъ на борзомъ степномъ скакунѣ пускался вдогонку за отважнымъ путешественникомъ, котораго зоркій глазъ кочевника запримѣтилъ далеко, далеко. Широко и просторно было тогда, — скачи на всѣ стороны, хоть до моря, хоть до Дона иль Днѣпра, пускай въ ходъ стрѣлу и мечъ, — никто ничего не скажетъ, пока не найдется другой такой-же смѣлый, и снесетъ тебѣ съ плечъ неспокойную голову.

Конечно, Константинъ отправился въ такой дальній и опасный путь не одинъ. Его навѣрно, сопровождали хазарскіе послы, бывшіе въ Константинополѣ.

На этомъ пути Константинъ, какъ разсказываютъ, два раза подвергался опасности. Какой-то хазарскій ханъ напалъ на христіанскій городъ и осадилъ его. Какъ разъ мимо этого мѣста пролегалъ путь херсонскихъ путешественниковъ. Константинъ узналъ объ этомъ, вступилъ съ этимъ ханомъ въ бесѣдну и нетолько достигъ личной безопасности, но даже укротилъ суровый нравъ этого кочевника, довелъ его даже до желанія приняти крещеніе. Разъ какъ-то напали угры. Появленіе ихъ было совершенно неожиданно. Констан-

тинъ былъ на молитвѣ, когда появились угры съ »волчьимъ« намѣреніемъ Дружина Константина встревожилась. Онъже, надѣясь на Бога, не испугался и не прекратилъ молитвы своей, а лишь взывалъ: »Господи помилуй!« Богъ миловалъ — обошлось благополучно. Угры познакомились съ новыми путешественниками, подружались даже съ ними, а къ Константину отнеслись съ большимъ уваженіемъ, особенно послѣ того, какъ онъ заинтересовалъ этихъ сыновъ дикихъ степей своей занимательной и получительной бесѣдой. Эти угры оказались очень любознательными собесѣдниками.

Наконецъ, послѣ долгаго и утомнительнаго путешествія, путника прибыли къ хазарскому кагану обитавшему у Кавказскихъ горъ, около Каспійскаго моря.

Приглашая къ столу, хазары спросили Константина:

— Какая твоя честь, чтобы сообразно съ нею мы могли предложити тебѣ мѣсто за столомъ?

— Мой дѣдъ, — отвѣтилъ на это Константинъ, — былъ великъ и славенъ, близокъ былъ къ Царю, но по своей волѣ отвергъ данную ему славу, былъ изгнанъ, обнищалъ въ чужой землѣ, — и здѣсь родилъ меня: я Адамовъ внукъ.

— Хорошо и вѣрно ты говоришь, — замѣтили хазары, довольные такимъ остроумнымъ отвѣтомъ,—будь у насъ гостемъ!

За столомъ каганъ, поднявъ, кубокъ, провозгласилъ:

— Пьемъ во имя Бога, создавшаго всю тварь!

Константинъ на это отвѣтилъ:

— Пью во имя Бога Единаго и Слова Его, Которымъ небеса утверждены, и Животворящаго Духа.

— Мы разсуждаемъ одинаково, хотя держимся не одного; вы славите Троицу, а мы Единаго Бога, согласно книгамъ, — сказалъ каганъ, разумѣя книги ветхаго завѣта.

Отсюда началась бесѣда о св. Троицѣ. Возражали спорили іудеи, приближенные кагана. На слѣдующій день споръ съ іудеями возобновился.

Константинъ, пользуясь свидѣтельствами хетхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи и его пришествіи, опровергъ всѣ возраженія и доводы іудеевъ. Рѣчь греческаго философа настолько была убѣдительна, что самъ каганъ, интересовавшійся споромъ, воскликнулъ въ заключеніе, обращаясь къ Константину:

— Самъ Богъ послалъ тебя сюда въ наставленіе намъ! Силенъ ты въ книгахъ, усладилъ ты насъ своими рѣчами, — и каганъ пригласилъ его еще бесѣдовати въ слѣдующій разъ, когда опять сойдутся.

Въ слѣдующій разъ религіозный споръ завязали магометане. Присутствовали при этомъ и іудеи, — и очень были довольны, когда Константинъ силою слова и правыми доводами ясно представлялъ заблужденіе и лживость магометанской религіи, и нерѣдко выражали свое настроеніе шумными восторгами, съ крикомъ даже бранили Магомета!

Одинъ язычникъ хазарянинъ, обращаясь къ іудеямъ, слишкомъ ликовавшимъ на чужой счетъ сказалъ:

— Гость этотъ опрокинулъ мусульманскую мудрость на одну сторону, а вашу на другую. Видно, одна только христіанская вѣра твердо стоитъ. Она для всѣхъ и безъ нея нѣтъ ни для кого вѣчной жизни. Богу слава во вѣки! — заключилъ онъ съ чувствомъ искренно увѣровавшаго человѣка.

— Такъ, такъ! — подхватывали другіе.

Константинъ сказалъ всѣмъ присутствовавшимъ:

— Братія, отцы и други! Богъ далъ разумъ — и кто хочетъ еще спорити, пусть выступаетъ на преніе, чтобы узнати истину, а кто послушаетъ ея, пусть крестится во имя св. Тройцы.

Въ этотъ разъ крестилось до 200 хазаръ. Каганъ позволилъ креститися всѣмъ, кто желаетъ, и самъ выразилъ намѣреніе приняти крещеніе, но хотѣлъ еще немного подумати.

Въ благодарность, каганъ предлагалъ Константину богатые подарки, но послѣдній отказался отъ всякихъ подарковъ, а вмѣсто ихъ выпросилъ у кагана свободу плѣннымъ греческимъ христіанамъ, которыхъ оказалось до 20 человѣкъ.

Обратно на родину Константинъ отправился по р. Тереку, Кубани и переправившись чрезъ Черное море на Таврическій полуостровъ, продолжалъ путь по

южному побережью Тавриды, омываемой »Гостепріимнымъ« моремъ, какъ въ глубокой древности греки прозвали Черное море.

Въ окрестностяхъ г. Фуллы, города христіанскаго, расположеннаго недалеко отъ г. Суража, стоялъ исполинскій дубъ, представлявшій чудную игру природы: ковями и вѣтвями онъ переплелся съ черешнею. Много вѣковъ прожилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, давно уже своимъ исполинскимъ ростомъ, своей громадиной привлекалъ взоры народа и внушалъ трепетъ и благоговѣнье. Своей мощью, своимъ величіемъ онъ напоминалъ народу величіе божества. Подъ его сѣнь приносилъ народъ свои религіозныя чувства и здѣсь возносилъ ихъ къ божеству. Гдѣ-же на землѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ не въ этомъ или не на этомъ великанѣ, можетъ избрати себѣ мѣсто божество, грозное и могучее, которое однимъ грохотомъ грома какой ужасъ наводитъ? Можетъ-ли иначе быти? Окрестные жители такъ и вѣровали, что въ этомъ исполинѣ обитаетъ божество и покланялись этому дубу. Старый великанъ, охвативши своими крѣпкими вѣтвями старушку черешню, — вдвоемъ они много на своемъ вѣку приняли религіозныхъ моленій окрестныхъ жителей и затѣмъ сквозь листву пропускали эти моленія, а съ ними и людское горе, къ небу, а тамъ куда они дальше шли, — Богъ одинъ знаетъ! можетъ быти, они безслѣдно пропадали въ необъятномъ воздушномъ пространствѣ, а можетъ быти

иныя, возносимыя добрымъ сердцемъ, доходили и до Того, Кто одинъ правитъ вселенной, милостивымъ окомъ взираетъ и на добрыхъ и на злыхъ, печется и о тѣхъ и о другихъ, и своимъ разумнымъ тварямъ, потерявшимъ Его но чувствующимъ, что Онъ есть, и ищущимъ Его, — посылаетъ блага земныя, своей промыслительной заботливостью не оставляетъ ихъ! Кто знаетъ? Это — тайна, вѣдомая одному Богу.

Этотъ дубъ почитался по старой памяти фулльскихъ жителей. Христіанство не искоренило еще здѣсь языческихъ суевѣрій, и въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни мѣстные христіане направлялись къ дубу и совершали здѣсь, по примѣру дѣдовъ и прадѣдовъ, различные языческіе обряды. Жители почему-то прозвали этотъ дубъ Александромъ.

Въ то время, когда Константинъ возвращался изъ Хазаріи на родину, въ Таврическомъ полуостровѣ была засуха. Давно былъ дождь. Юное жгучее солнце немилосердно сушило землю.

Въ одинъ изъ такихъ дней собралась подъ дубомъ толпа народа. Все мужчины, — женщинъ нѣтъ. Женщины не допускались къ священному дубу. Собрались для того, чтобы жертвами умилостивити небо и испросити на землю дождь. Руководилъ всѣмъ религіознымъ дѣйствіемъ старшина, которому принадлежало право жреца.

Въ то время, какъ подъ дубомъ собравшійся на-

родъ совершалъ языческіе обряды о ниспосланіи на землю дождя, приблизилось къ этой толпѣ нѣсколько новыхъ лицъ, не принадлежавшихъ къ мѣстнымъ гражданамъ. Это былъ философъ Константинъ со своими спутниками. Узнавши въ городѣ, что творятъ эти христіане, онъ направился къ тому мѣсту, чтобы увѣщаніемъ разогнати маркъ суевѣрія. Многіе изъ народа видѣли его раньша въ городѣ и знали его, какъ добраго наставника и пастыря. Философъ началъ разъяснять народу его заблужденіе. Его силная рѣчь, подкрѣпляемая чувствомъ христіанской кротости и упованія, производила неотразимое впечатлѣніе на собравшійся народъ. Подобно электрическому току, проходили по душамъ каждое слово проповѣдника и воодушевлявшія его чувства. То убѣжденіе, которое такъ поднимало духъ проповѣдника, возвышало его надъ всей толпой, проникало магическимъ токомъ въ толпу. Константинъ убѣждалъ срубити дерево.

— Чѣмъ вы думаете избѣжати вѣчнаго огня, поклоняясь дереву, вещи ничтожной, годной лишь въ огонь? — заключилъ онъ свою рѣчь.

Народъ колебался. Слишкомъ еще крѣпка была унаслѣдованная отъ отцовъ вѣра въ неприкосновенность и влеченіе священнаго дерева.

— Мы кланяемся этому дереву, — говорили ему, — не со вчерашняго дня, мы приняли это отъ отцовъ нашихъ. Отъ него мы получаемъ исполненіе всѣхъ на-

шихъ просьбъ, особенно же дождь, и какъ мы можемъ посягнути на это дерево? — никто изъ насъ не рѣшится на это, а кто дерзнетъ — умретъ на мѣстѣ.

— А мы никогда ужъ неувидимъ дождя, — замѣтили другіе.

Но рѣчь Константина имѣла свое дѣйствіе. Онъ показалъ имъ Евангеліе, которому надо поклонятися, и увѣщевалъ срубити дерево.

Старшина поклонился Евангелю, за нимъ послѣдовали и другіе.

Константинъ первый взялъ топоръ и сталъ рубити дерево. Сначала всѣ стояли въ недоумѣніи, въ стрaгѣ, — въ ожиданіи кары небесной на человѣка, дерзнувшаго рубити священній дубъ Но удары топора слѣдовали за ударами, — уже свыше тридцати ударовъ нанесъ Константинъ — и ничего. Видно всѣмъ, что дубъ покоряется своей участи. Болѣе искренніе христіане помогли Константину срубити дерево, а когда оно покорно свалилось, — всѣ уже безбоязненно приступили къ сожженію его.

Преданіе сохранилось, что въ ту же ночь Богъ послалъ дождь, къ великой радости народа. Вѣра христіанская восторжествовала.

Въ Херсонѣ Константинъ остановился на нѣкоторое время, въ домѣ архіепископа. Владыка былъ боленъ. Константинъ, изучавшій раньше, въ школѣ, врачебное искусство, видѣлъ, что почтенному старцу дни

на землѣ уже сочтены. Однажды вечеромъ послѣ ужина онъ обратился къ архіепископу съ такими словами:

— Сотвори мнѣ, отче, молутву, какъ бы мнѣ сотворилъ отецъ мой.

Бывшія съ нимъ лица подумали, что Константинъ собирается на слѣдующій день уѣхати, и спросили его объ этомъ.

Константинъ пояснилъ имъ, что не онъ отправляется безвозратно въ путь, а владыка.

На слѣдующій день престарѣлый архіепископъ умеръ.

Въ Константинополь братья привезли съ собою часть открытыхъ ими мощей св. Климета.

По возвращеніи въ Константинополь (въ 861 г.), Константинъ представилъ императору и хатріанху совершенной отчетъ о поѣздкѣ. Эта поѣздка заинтересовала всѣхъ, а удачное выполненіе ея, поднявшее среди варваровъ обаяніе греческаго имени, вызывало во столицѣ сознаніе національной гордости и всеобщее удовольсвіе. Константину предоставлено было мѣсто при церкви св. Апостоловъ, при которой находилась патріархія. Старшій братъ Меѳодій былъ тогда игуменомъ въ монастырѣ Полихронѣ, находившемся близъ Кузика, на берегу Мраморнаго моря, въ Сигріанской области. Меѳодію предлагали тогда епископскую каѳедру, но онъ отказался и предпочелъ остатися въ скромномъ положеніи игумена.

Мы уже знаемъ, что братьямъ предстоялъ новый подвигъ, — новая просвѣтительная дѣятельность. Императоръ посылалъ ихъ въ Моравію.

VIII.

На совѣщаніи по поводу просьбы моравскихъ пословъ императоръ, обращаясь къ присутствовавшему здѣсь Константину философу повторилъ:

— Этого дѣла никто другой не можетъ совершити такъ, какъ ты... Возьми брата своего игумена Меѳодія, — и идите. Ибо вы солуняне, а солуняне чисто говорятъ по-славянски.

Императоръ обѣщалъ наградити Константина, — »дати многіе дары«.

Константинъ, несмотря на слабость здоровья, соглашался послужити столь великому дѣлу, но указывалъ трудность успѣшнаго выполненія возлагаемаго на него порученія. Успѣхъ предстоявшей дѣятельности, прочность и незыблемость христіанскаго просвѣщенія моравянъ зависѣли, главнымъ образомъ, отъ того, — — есть-ли у нихъ письмена, имѣютъ-ли они книги на своемъ языкѣ? Но выяснилось, что у моравянъ, какъ и у другихъ славянъ, собственной письменности нѣтъ.

— Кто-же можетъ писати свою рѣчь на водѣ или кто пожелаетъ навлечи на себя еретическое имя?

— сказалъ Константинъ въ заключеніе своего разгора по этому вопросу. При этомъ онъ нерѣшительно высказалъ мысль объ изобрѣтеніи азбуки для славянъ.

Эта мысль была обоюдоострая: можно было ожидати неодобренія со стороны строгихъ приверженцевъ эллинскаго языка и съ нимъ эллинскаго религіознаго просвѣщенія и богослуженія, къ чему еще могли быти присоединены и политическіе разсчеты; можно было ожидати и одобренія этой мыли. Случилось послѣднее.

Императоръ Михаилъ и дядя его Варда одобрили эту мысль.

— Если ты восхощешь, — сказалъ императоръ, — то можетъ дати тебѣ это Богъ, дающій всѣмъ просимое съ вѣрою и отверзающій толкущимъ.

Еще раньше, даже до отъѣзда къ хазарамъ, Константинъ думалъ о томъ, что было бы очень важно для успѣха христіанскаго просвѣщенія славянъ, если-бы они имѣли книги на своемъ родномъ языкы. Объ азбукѣ для славянъ онъ думалъ раньше, и въ этой мыслѣ еще болѣе утвердился, когда ему пришлось встрѣчати въ готскомъ евангеліи славянскія слова (вошедшія въ готскій языкъ). Теперь предстояла надобность осуществити свою мысль.

Константинъ изобрѣлъ 38 буквъ славянскаго алфавита. 24 буквы онъ взялъ изъ греческаго алфавита, 4 буквы изъ еврейскаго, а 10 недостававшихъ для выраженія всѣхъ звуковъ славянскаго языка, изобрѣлъ

самъ, частью при помощи греческаго алфавита. Въ этомъ трудѣ помогалъ ему и братъ Меѳодій.

Такимъ образомъ появилась славянская азбука, а вмѣстѣ съ ней и книги на славянскомъ изыкѣ.

Первой заботой братьевъ былъ переводъ книгъ Св. Писанія и главнѣйшихъ богослужебныхъ на славянскій языкъ.

Въ то отдаленное время языкъ славянскій былъ настолько общій для всѣхъ славянскихъ племенъ, что славяне разныхъ племенъ могли свободно понимать другъ друга. Моравскій славянинъ могъ понимати рѣчь солунскаго славянина, болгарскаго и другихъ. Если братья Конттантинъ и Меѳодій говорили языкомъ солунскихъ славянъ и этимъ языкомъ пользовались для своего перевода книгъ, то моравскіе славяне могли свободно понимати ихъ, какъ впослѣдствіи русскіе славяне понимали богослужебныя книги, привезенныя имъ изъ Болгаріи, когда они приняли христіанство.

Императоръ щедро снабдилъ братьевъ средствами для далекаго и труднаго путешествія.

Мати, провожая своихъ сыновей, на прощаніи умоляла ихъ со слезами, чтобы въ случаѣ если кто изъ нихъ умретъ на чужбинѣ, другой, оставшійся въ живыхъ, привезъ на родину тѣло умершаго.

Добрые, покорные, любящіе свою матерь сыновья, дали обѣщаніе матери исполнити ея материнскую святую просьбу, простились съ нею... въ послѣдній разъ и отправились въ путь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Весна. Оживалась Моравская равнина. Рѣка Морава давно уже понесла вешнія воды въ широкій величественный Дунай и Дунай уже отнесъ ихъ дальше въ Черное море, гдѣ онѣ уже успѣли повстрѣчатися съ вешними водами другихъ славянскихъ рѣкъ, и вмѣстѣ покатились куда-то дальше и дальше, въ необозримую морскую ширь. Словомъ, весна въ Моравской равнинѣ давно уже началась.

Это была весна 863 года.

Въ Велеградѣ, столицѣ Моравскаго княжества, замотно большое оживленіе, какое обычно бываетъ, когда въ муравейникѣ человѣческой жизни въ какомъ-либо мѣстѣ произойдетъ что-нибудь, выходящее изъ ряда обычнаго теченія этой жизни. На улицахъ и на берегу Моравы — много народа, подлѣ княжескаго дворца тоже. Въ небольшихъ кучкахъ идутъ оживленные разговоры и толки. Одни разсказываютъ, что видѣли, другіе толкуютъ, что будетъ.

Отчего-же Велеградъ такъ всколыхался? Что за

причина тому? Не весна-ли такъ оживила его? Нѣтъ не то. Впрочемъ, — нѣтъ — весна . . . . . дѣйствительно, весна встрепенула моравянъ; но не та весна, которая наступаетъ послѣ зимы, даже послѣ суровой зимы, сплошъ окутанной на многіе мѣсяцы бѣлоснѣжнымъ покровомъ. Это совсѣмъ иная весна наступила.

Раньше еще гонцы и торговые люди принесли вѣсть, что посольство князя Ростислава, посланное въ Царьградъ годъ тому назадъ, возвращается вмѣстѣ съ наставниками и проповѣдниками вѣры, которые не только умѣють растолковати народу христіанскую вѣру на родномъ языкѣ, но и книги везутъ съ собою, — не латинскія, — нѣтъ, не такія, какія привозятъ нѣмецкіе проповѣдники, которыхъ никто не понимаетъ, и сами эти проповѣдники не понимаютъ что въ тѣхъ книгахъ написанно; — нѣтъ, не такія книги везутъ со собою греческіе проповѣдники, и такія, что каждый славянинъ можетъ понимати, что въ нихъ написано.

Такихъ книхъ еще никто не видалъ и не слыхивалъ о нихъ — ни лехи, ни самъ князь. Откуда онѣ явились? Говорятъ, греческіе проповѣдники сами написали эти книги и не тѣми знаками, какими написаны латинскіа книги и грамоты, присылаемыя князю а иными, придуманными тѣми мудрыми проповѣдниками.

Такъ разсуждали при княжескомъ дворѣ, такъ говорили въ народѣ, и прибавляли много прикрасъ. На-

родъ ждалъ греческихъ проповѣдниковъ христіанской вѣры и выходилъ навстрѣчу на берегъ рѣки Моравы.

Наконецъ, прибыли послы и греческіе просвѣтители славянъ—Константинъ и Меѳодій со своими споспѣшниками. Князь принялъ ихъ съ большимъ почетомъ, а народъ съ большой радостью и съ большой надеждой на что-то иное, на что-то новое.

Солунскіе братья передали кн. Ростиславу дары и грамоту императора Михаила. Въ грамотѣ той князь Ростиславъ читалъ:

»Богъ, хотящій всѣмъ въ разумъ придти и подвинутися на высшее совершенство, вѣдавъ твою вѣру, совершилъ нынѣ въ лѣта наши то, что явилъ книги на вашемъ языкѣ, чего долго не дано было, а только теперь, чтобы и вы причтены были къ великимъ народамъ, которые славятъ Бога на своемъ родномъ языкѣ. Итакъ, посылаемъ къ вамъ того, кому Богъ явилъ ихъ, мужа честнаго и благороднаго, весьма свѣдущаго въ книгахъ и философа. Вы примете даръ большій и честнѣйшій всякаго золота и серебра, дорогихъ камней и скоропреходящаго богатства. Постарайся съ помощю этого мужа утвердити дѣло сіе и взыскати Бога всѣмъ сердцемъ и не отринь общаго спасенія. Подвигни и другихъ на трудъ и на путь истинный, чтобы ты могъ принять награду своѣ въ вѣкъ настоящій и будущій за всѣ христіанскія души, хотящія вѣровати во Христа Бога нашего отъ нынѣ и

до скончанія міра и оставити память о себѣ послѣдующимъ родамъ, подобно царю Константину великому«.

Константинъ и Меѳодій поселились во Велеградѣ и отсюда начали свою миссіонерскую дѣятельность, проповѣдуя слово Божіе и совершая богослуженіе на понятномъ языку, они сразу увѣнчали успѣхомъ свое великое дѣло. Когда въ церквахъ вмѣсто латинскаго богослуженія раздалось славянское пѣніе, понятное уму и доступное славянину, когда вмѣсто Pater noster запѣли »Отче нашъ«, и вмѣсто непонятнаго Dominus vobiscum — благодатное »Господи помилуй«, народъ съ искреннимъ сердцемъ, душой и умомъ сталъ участвовати въ богослуженіи, — моравяне сдѣлались »вѣрующими« христіанами.

Тогда, по выраженію одного жизнеописателя св. братьевъ, «Богъ возвеселился о семъ, а діаволъ постыженъ былъ«.

Изъ Велеграда Солунскіе братья сначала посѣщали окрестныя села и деревни, а затѣмъ постепенно переносили свою просвѣтительную дѣятельность и во болѣе отдаленныя области княжества, строили храмы и совершали въ нихъ богослуженіе, особенно въ ближайшихъ къ Велеграду городахъ и селахъ.

Проповѣдывали они везцѣ, гдѣ собирался народъ и гдѣ представлялось возможнымъ. Чудная картина иной разъ раскрывалась на Моравской землѣ. Вотъ подъ открытымъ небомъ собралась толпа народа, а

среди этой толпы стоитъ на камнѣ почтенный мужъ, съ непокрытой головой съ крестомъ въ рукѣ. Мощнымъ словомъ, рѣчью увлекательной, съ чувствомъ возвышеннаго благоговѣнья, повѣствуетъ онъ народу объ истинномъ Богѣ, о Спасителѣ, зовущемъ къ Себѣ всѣхъ людей. Народъ слушаетъ съ глубокимъ вниманіемъ. Ясная, понятная рѣчь, полная силы убѣжденія проповѣдника, просвѣтляетъ умъ простолюдина, въ немъ пробуждается религіозное чувство, оно растетъ въ его сердцѣ, крѣпнетъ, — онъ уже вѣруетъ во Христа, этого добраго, кроткаго, милостиваго Искупителя рода человѣческаго, призывающаго къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Тѣ, которые раньше слышали проповѣдь о Христѣ отъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ и крестились, — тѣ укрѣпляются въ христіанской вѣрѣ. Другіе же въ величественной покорности слову Божію, тутъ-же исповѣдуютъ свою вѣру во Христа. Вотъ недалеко колодецъ... Направляются сюда, и здѣсь всѣ они принимаютъ крещеніе. Они сохранили въ памяти это событіе и называютъ этотъ колодецъ »Святой водой«. Расходятся они по домамъ, унося съ собою искреннюю вѣру во Христа, принятую убѣжденнымъ сердцемъ, какъ драгоцѣнное собственное пріобрѣтеніе, — ибо не угрозой, не приманкой или минутнымъ любопытствомъ они приняли крещеніе, а словомъ убѣжденія. Правда, въ ихъ жизни осталось много языческаго: и суевѣрій, и моленій и обрядовъ,

но нѣтъ уже той основы, на которой все это прежде покоилось, — теперь все это виситъ, какъ густой туманъ надъ землей, который все еще держится потому только, что собственной тяжестью не можетъ сразу поднятися вверхъ, нужна другая сила — нуженъ вѣтеръ, чтобы разогнати его. Такъ и здѣсь. Нужно просвѣщеніе, чтобы разогнати этотъ мракъ язычества, созидавшійся въ простой и непросвѣщенной натурѣ язычника еще съ пеленокъ. Но Богъ видитъ и добрую вѣру и добрыя сердца, и, быти можетъ, многое проститъ младенцамъ въ вѣрѣ...

Солунскіе братья старались искореняти языческія вѣрованія народной массы и научали моравянъ быти истинными христіанами, »возсылати молитвы ко Всевышнему«, »не разлучати того, кого сочеталъ самъ Богъ« (противъ языческаго многоженства) *).

II.

Съ той поры, какъ начали въ Велеградѣ свою просвѣтительную дѣятельность Солунскіе братья, одинъ

*) Въ народной памяти сохранилось много указаній и воспоминаній о просвѣтительной дѣятельности Солунскихъ братьевъ.

Въ Великомъ Междурѣчьѣ сохранилось народное преданіе, что въ одномъ городскомъ домѣ ночевали св. Константинъ и Меѳодій.

Въ 1863 году въ память тысячелѣтія Кирилла и Меѳодія этотъ домъ былъ убранъ великолѣпно. По сообщенію тамошняго декана, въ домѣ этомъ всегда жили набожные люди, и на немъ почивало Божіе благословеніе.

Въ полчаса пути отъ Междурѣчья, по направленію къ Угринову, стоятъ двѣ часовни, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ Константинъ и Меѳодій отдыхали. Въ Угрицахъ, у Домборжицъ, въ одной филіальной церкви, находился когда-то подъ проповѣдническою каѳедрою круглый камень, на которомъ, по преданію, св. братья стоя пропо-

домъ особенно привлекаетъ жителей вниманіе. О немъ говорятъ не только въ всемъ городѣ, но и дальше за городомъ, говорятъ съ любопытствомъ и удивленіемъ.

То, что дѣлается въ этомъ домѣ, раньше не видано было и не слыхано не только въ Велеградѣ, но и во всей Моравіи, и не только въ Моравіи, но и другихъ странахъ. Если-бы въ ту пору прибылъ въ Велеградъ самый образованный славянинъ, хотя-бы изъ-подъ Солуни или изъ Царьграда, или хотя-бы тотъ самый русскій, который немного раньше въ Херсонесѣ помогъ Константину-философу уразумѣти книги, писанныя готской рѣчью, — то всѣ они сказали-бы, что нигдѣ ничего подобнаго не видали и не слыхали.

Что-же такое дѣлается въ этомъ домѣ? –

На лавкахъ сидятъ юноши и подростки, присланные сюда княземъ Ростиславомъ. Впереди ихъ два мужа, — ихъ знаютъ граждане Велеграда: это — Константинъ и Меѳодій. Они показываютъ начертанные ими-же на доскахъ знаки изобрѣтенной ими славянской

вѣдывали. Въ настоящее время этого камня нѣтъ, но еще недавно его видѣли. Народное преданіе указываетъ нѣсколько колодцевъ, при которыхъ будто бы св. братья крестили моравянъ, напримѣръ, »Кириллка« въ Подивинѣ у Брецлавы, »Методка« въ Дѣдицахъ у Вышкова, »Апостолка« въ Прибицахъ у Жидлоховицъ. У Стинавы находится колодецъ, который народъ называетъ »святая вода«, — по народному преданію, при немъ Константинъ и Меѳодій крестили народъ, а теперь ежегодно, въ воскресеніе послѣ праздника Воздвиженія совершается здѣсь богослуженіе въ воспоминаніе событія, бывшаго тысячу слишкомъ лѣтъ назадъ. Сохранилось также нѣсколько крестовъ, относимыхъ народнымъ преданіемъ ко времени дѣятельности Константина и Меѳодія (ст. »Памятники Кирилло Меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи«, И Пальмова).

азбуки. За ними всѣ повторяютъ: Азъ, — Буки, — Вѣди; Глаголь, — Добро; Есть, — Земля, — Живете и т. д. При этомъ чертятъ у себя на доскахъ буквы.

Это первая славянская школа, заведенная первыми учителями славянскаго народа. „Словенскіе букари“ учатся славянской грамотѣ, учатъ азбуку; запоминаютъ названія буквы, но запоминаютъ эти названія со смысломъ.

— Азъ, Буки, Вѣди, — повторяетъ ученикъ, и видитъ не только буквы, но и понимаетъ смыслъ названій: »я книги знаю«, — выходитъ изъ этихъ названій буквъ; ясно, что если онъ научится грамотѣ, то будетъ знати книги.

— Глаголъ, Добро, — и ученикъ понимаетъ смыслъ сихъ словъ: »говори добро«.

Послѣ изученія азбуки ученики читали по »Изборнику« избранныя мѣста изъ Евангелія, переведенныя самими учителями — Константиномъ и Меѳодіемъ, а также богослужебныя книги, по мѣрѣ того, какъ эти книги переводились съ греческаго на славянскій языкъ: вечерню, утреню, часы, литургію.

Для болѣе крѣпкаго затверженія въ памяти буквъ, ученики заучивали составленное для нихъ стихотвореніе, въ которомъ начальныя буквы стиховъ слѣдуютъ въ порядкѣ славянской азбуки:

Азъ словомъ симъ молюся Богу:
Боже, всея твари Зиждителю,
Видимымъ и невидимымъ!
Господа Духа посли Живущаго,

Да вдохнетъ въ сердце ми слово,
Еже будетъ на успѣхъ всѣмъ
Живущимъ въ заповѣдяхъ Твоихъ
Зѣло бо есть свѣтильникъ жизни
Законъ Твой и свѣтъ стезямъ,
Иже ищетъ евангельска слова
И проситъ дары Твоя пріяти.
Летитъ бо нынѣ и Словенско племя,
Къ крещенію обратишася вси,
Людіи Твои нарѣщися хотяще,
Милости Твоея, Боже, просятъ зѣло.
Нынѣ мнѣ пространо слово даждь,
Отче, Сыне и пресвятый Душе!
Просящему помощи отъ Тебе;
Руцѣ бо свои горѣ воздѣю присно,
Силу пріяти и мудрость у Тебе;
Ты бо даеши достойнымъ силу.
Фараона мя злобы избави,
О, Честная, Пресвятая Тройце!
Печаль мою на радость преложи,
Цѣломудренно да начну писати
Чудеса Твоя предивная зѣло.
Шестикрылатъ силу воспріимъ
Шествую нынѣ по слѣду учителю
Имени его и дѣлу послѣдуя.
Явѣ сотворю евангельско слово,
Хвалу воздая Троицѣ въ Божествѣ,
Юже поетъ всякій возрастъ,
Юнъ и старъ. — своимъ разумомъ,
Языкъ новъ, хвалу воздая присно,
Отцу, Сыну и Пресвятому Духу,
Ему же честь и держава, и слава
Отъ всея твари и дыханія
Во вся вѣки и на вѣки. Аминь.*)

Ш.

— И что эти греки выдумали! Богопротивное дѣло выдумали пѣть въ церкви на этомъ грубомъ языкѣ! Вѣдь это ересь, великая ересь.

*) Нѣкоторые полагаютъ, что это стихотвореніе принадлежитъ Константину, епископу Прѣславскому, ученику Константина-философа, но можно допустити, по мнѣнію Малышевскаго, что ученикъ этотъ подражалъ своему великому учителю, который написалъ такое или подобное стихотвореніе, подобно тому какъ онъ осмыслилъ названіе славянскихъ буквъ.

— Ересь, отецъ мой, великая ересь!

— Во всемъ мірѣ Богъ прославляется только на латинскомъ языкѣ, — ну . . . . да еще на греческомъ можно, да на еврейскомъ. Вѣдь это оскорбленіе имени Божія — пѣть литургію на какомъ-то варварскомъ языкѣ!

— Такъ, отецъ мой, такъ, — оскорбленіе имени Божія.

— Когда я еще учился совершати мессу на священномъ латинскомъ языкѣ, такъ помню, какъ намъ архіепископъ объяснялъ, что Господь избралъ только три языка для прославленія своего святого имени: латинскій, еврейскій и греческій, — только на этихъ языкахъ слѣдуетъ воздавати славу Богу. Это еще было указано на крестѣ, когда Пилатъ на этихъ трехъ языкахъ сдѣлалъ надпись.

— Такъ, отецъ мой, такъ!

— Да еще эти греки и покаятися не хотятъ въ своемъ грѣхѣ: когда имъ наши мудрые пастыри доказывали ихъ великую ересь и судомъ Божіимъ стращали на пилатово надписаніе указывали, такъ они насъ назвали тріязычниками, пилатниками! Какая дерзость! О Господи!

— О, Господи!

Выдумали какія-то богопротивныя буквы, которыми пишутъ священныя книги . . . слова евангельскія. Вѣдь это хула на Св. Духа! Только одними латинс-

кими буквами можно начертати божественныя слова и имя Божіе. Неслыханная ересь завелясь на свѣтѣ.

— Ересь, отецъ мой, великая ересь.

— И всего хуже то, что глупые моравяне: и князь, и лехи, и жупаны, — всѣ послѣдовали за этими греками. О, они не понимаютъ, какую они ересь заводятъ, какой гнѣвъ Божій навлекаютъ на себя. Насъ уже гонятъ . . .

— Гонятъ, отецъ мой, — меня уже выгнали и мессы не дали совершити а когда я стялъ устрашати гнѣвомъ Божіимъ да королемъ нашимъ Людовикомъ, — и слушати нехотятъ, чуть не побили.

— А десятина? теперь уже не получити, весь доходъ пропалъ . . . . И въ Св. Писаніи сказано, что христіане должны давати своимъ наставникамъ въ вѣрѣ десятую часть своихъ доходовъ, а теперъ еретики завелись: ничего не даютъ . . . Пропали всѣ доходы!

— Пропали отецъ мой, пропали . . . и мнѣ ничего не дали. Еретики . . . . сущіе еретики . . .

— О, Господи, какъ ты терпишъ такихъ людей на свѣтѣ!

— О, Господи!

Такъ разсуждали между собою два латинскихъ священника, удалявшіеся изъ Моравіи въ Зальцбургъ, резиденцію архіепископа, къ епархіи котораго, какъ намъ извѣстно, причислялась Моравія.

Нѣмецкое духовенство очень враждебно отнеслось

къ миссіонерской дѣятельности Константина и Меѳодія. По мѣрѣ того, какъ слово Божіе, посѣваемое Солунскими братьями, возрастало на Моравской землѣ, нѣмецкое духовенство теряло въ глазахъ народа свое значеніе и авторитетъ. Народъ, какъ мы уже видѣли, не очень слѣдовалъ за своими нѣмецкими наставниками, и не очень покорялся ихъ пастырскому слову, теперь для нихъ наступило еще худшее время.

Нѣмецкое духовенство вступало въ пререканіе съ греческими проповѣдниками противъ славянскаго богослуженія.

— Это не прославляетъ Бога, — говорили они; — если-бы служеніе на славянскомъ языкѣ было угодно Господу, развѣ онъ не могъ-бы искони сотворити ихъ языкъ, чтобы они на немъ славили Бога? — и доказывали, будто только на трехъ языкахъ можно совершати богослуженіе, на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ.

Солунскіе братья возставали противъ такого заблужденія всею силою слова, подобно тому, какъ, по выраженію автора одного житія, Давидъ ополчался противъ иноплеменниковъ. Они называли латынянъ тріязычниками и пилатниками, такъ какъ они защищали тѣ три языка, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ.

Латинское духовенство возбуждало народъ про-

тивъ Солунскихъ братьевъ и стращало моравянъ разными наказаніями, пользуясь для того даже народными языческими суевѣріями.

Зальцбургскій архіепископъ былъ крайне встревоженъ вѣстями изъ Моравіи. Его интересамъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ. Моравія уходила изъ-подъ его архіепископской опеки. Появленіе греческихъ проповѣдниковъ онъ считалъ нарушеніемъ своихъ правъ, а успѣхъ, какой они пріобрѣли среди народа, окончательно вооружилъ его противъ нихъ и противъ князя Ростислава. Если мы вспомнимъ, какія матеріальныя выгоды предоставлены были зальцбургскому архіепископу въ Моравіи и сколько онъ извлекалъ доходовъ отсюда, если представимъ, съ какой тщательностью онъ охранялъ въ Моравіи свои интересы, что священникамъ другихъ епархій, безъ его разрѣшенія, нельзя было оставитися въ Моравіи болѣе двухъ мѣсяцевъ, то вполнѣ понятно, какъ рѣшительно онъ возсталъ противъ князя Ростислава, виновника всѣхъ для него непріятностей.

Зальцбургскій архіепископъ обратился къ папѣ и особенно, къ королю Людовику. Онъ доказывалъ королю свои права на Моравію тѣмъ, что еще Карлъ Великій предаставилъ архіепископіи моравскія области и что права эти подтверждены также королемъ германскимъ. Онъ просилъ у короля помощи и зищиты.

Зальцбургскій архіепископъ стоялъ угрозой на

границѣ Моравіи, а король Людовикъ, какъ уже намъ извѣстно, давно питалъ непріязненныя чувства къ моравскому князю и готовился къ военному походу противъ него. Теперь еще одинъ случай усилилъ эту непріязненныя чувства и послужилъ побужденіемъ для короля скорѣе двинутися на Моравію.

Противъ моравскаго князя надвигалась грозная и страшная туча съ двухъ сторонъ: со стороны короля нѣмецкаго Людовика и со стороны архіепископа зальцбургскаго. Кромѣ того, съ юго-востока угрожали болгаре, которыхъ король Людовикъ привлекъ къ союзу противъ Моравіи.

IV.

Въ августѣ мѣсяцѣ 864 года Людовикъ перешелъ Дунай съ большимъ войскомъ. Ростиславъ, какъ и прежде, не рѣшился вступити въ открытый бой съ Людовикомъ, превосходившимъ его своей ратью. Онъ укрѣпился въ городѣ Дѣвинѣ. Король осадилъ городъ. На этотъ разъ преимущество военной силы настолько было на сторонѣ нѣмцевъ, что Моравскій князь вынужденъ былъ пойти на уступки и выразити покорность королю; впрочемъ, это была только уступка предъ грозной силой: на самомъ дѣлѣ Ростиславъ и не думалъ покорятися и принимати вассальную зависимость отъ германскаго короля.

Чрезъ годъ обстоятельства измѣнились въ пользу моравскаго князя.

У германскаго короля было три сына. Отецъ въ 865 году раздѣливъ свою имперію между сыновьями, которые вступили во владѣніе своими удѣлами еще при жизни отца. Король удержалъ за собой рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ, также назначеніе епископовъ, аббатовъ, графовъ и управленіе королевскими имѣніями. Старшему сыну, Карломану, представлена была Баварія съ пограничными марками (областями) противъ славянъ и лангобардовъ. Карломанъ, который еще раньше, какъ намъ извѣстно, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ростиславомъ, оказался сосѣдомъ послѣдняго.

Этотъ раздѣлъ поселилъ раздоръ въ королевской семьѣ. Старшій сынъ не разъ оказывалъ неповиновеніе отцу, даже возставалъ противъ него. Два младшихъ сына, Людовикъ и Карлъ, посягали на жизнь отца. Этими раздорами воспользовался Ростиславъ.

Братъ Карломана, Людовикъ, возсталъ противъ отца и обратился къ Ростиславу за помощью, предлагая ему напасти на Баварію. Давно уже Ростиславъ принималъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ королемъ. У него находили себѣ пристанище всѣ, кому грозила немилость короля. Ростиславъ радъ былъ, какъ говорится подставити ногу своему давнишнему врагу — королю Людовику. Онъ принялъ сторону сына Людовика и

двинулся на Баварію, но, повидимому, не очень рѣшительно. Однако, онъ потревожилъ самого короля въ его-же предѣлахъ, и король уже не рѣшался двинутися противъ него.

Ростиславъ достигъ цѣли: онъ отстоялъ свою независимость. Но ему предстояла еще другая борьба: съ архіепископомъ зальцбургскимъ, за которымъ стоялъ папа римскій. Писалъ-ли что-либо князь папѣ по поводу своихъ церковныхъ дѣлъ, — неизвѣстно, но съ архіепископомъ зальцбургскимъ никакая сдѣлка не была возможна. Онъ рѣшительно ставилъ свои притязанія, и если сила оружія короля нѣмецкаго не доставила ему торжества, то была еще одна сила, хотя далекая отъ границъ Моравіи, но не менѣе грозная — это папа.

Въ то время папа Николай I одержалъ верхъ надъ восточной церковью въ Болгаріи, расположенной рядомъ съ Византіей, такъ сказати, подлѣ константинопольскаго патріарха. Поводомъ тому служило посольство болгарскаго князя Бориса въ Римъ. Князь боялся, что вмѣстѣ съ греческой вѣрой и съ греческой іерархіей водворится въ его княжествѣ и политическое преобладаніе Византіи. По такимъ соображеніямъ онъ послалъ къ папѣ посольство съ богатыми дарами и просилъ прислати вѣроучителей и книгъ. При этомъ онъ жаловался папѣ, что въ его княжествѣ проповѣдуютъ разногласно греки, армяне и даже жиды. Папа очень

обрадовался, не теряя времени, послалъ (въ 866 г.) князю Борису двухъ епископовъ съ латинскими книгами и письменнымъ наставленіемъ. Римскіе епископы, прибывъ въ Болгарію, обнаружили свою дѣятельность тѣмъ, что изгнали отсюда всѣхъ проповѣдниковъ, кромѣ римскихъ, повторяли миропомазаніе надъ тѣми, надъ кѣмъ оно было совершено греческими священниками, вводили обычаи и обряды римской церкви. Особенно отличался ревностью епископъ Гримоальдъ, котораго папа хотѣлъ сдѣлать архіепископомъ болгарскимъ. Но римскіе епископы (какъ это впослѣдствіи обнаружилось для болгаръ) не отличались прямотой и возвышенностью христіанскихъ чувствъ къ Болгаріи и скорѣе преслѣдовали свои личное расчеты, чѣмъ благо христіанской вѣры. Болгары вскорѣ разочаровались въ своихъ римскихъ наставникахъ, особенно сродникъ князя, Петръ, бывшій посломъ въ Римѣ. Теперь и для другой славянской страны наступила очередь папскаго вмѣшательства.

Черезъ три съ половиною года, послѣ того какъ Солунскіе братья начали свою дѣятельность въ Моравіи, отъ папы Николая I-го получилось посланіе, въ которомъ папа требовалъ ихъ къ себѣ въ Римъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Далекій путь предстоялъ моравскимъ просвѣтителямъ, и неизвѣстно было, чѣмъ могло кончится для Моравіи это путешествіе ихъ въ Римъ?

Моравія находилась въ предѣлахъ западной церкви, на которую простиралась власть папы, слѣдовательно, находилась въ предѣлахъ власти папы. Солунскіе братья чувствуя правоту своего дѣла, подчинились требованію римскаго первосвященника. Надо замѣтити здѣсь, что въ то время не произошло еще формальное отдѣленіе Западной церкви и отъ Восточной, хотя первая уже значительно отличалась отъ Восточной своими нововведеніями.

Въ 867. году Константинъ и Меѳодій отправились въ Римъ. Они взяли съ собою славянскія книги и нѣсколькихъ своихъ учениковъ, приготовленныхъ ими къ посвященію въ священническій санъ; взяли также и обрѣтенныя ими мощи святаго Климента, папы римскаго.

Съ грустью проводили ихъ князь и моравяне и

пожелали имъ скорѣйшаго возвращенія. Константину и Меѳодію тяжело было разставатися со страною, гдѣ они столько лѣтъ трудились самоотверженно и безкорыстно и гдѣ снискали любовь и уваженіе новыхъ чадъ своихъ. Они, однако, надѣялись, что разстаются съ Моравіей не надолго, обѣщали скоро возвратитися. Благословивъ князя и провожавшихъ, призвавъ Божіе благословеніе на моравянъ и ихъ страну, братья, напутствуемые добрыми пожеланіями, отправились въ путь.

Путь изъ Моравіи въ Италію пролегалъ чрезъ Паннонію и городъ Венецію.

Прибывъ въ Паннонію, братья были съ почетомъ встрѣчены княземъ Коцеломъ, до котораго дошли вѣсти о славной ихъ дѣятельности въ Моравіи и особенно о книгахъ, писанныхъ славянской рѣчью. Князь Коцелъ просилъ братьевъ остатися у него на нѣкоторое время. Возлюбилъ князь славянскія буквы, самъ научился славянской грамотѣ и завелъ у себя школу, гдѣ братья обучали грамотѣ и церковнымъ книгамъ до пятидесяти учениковъ. Кромѣ того, братья просвѣщали народъ христіанской вѣрой, и здѣсь, какъ и въ Моравіи, посѣваемыя ими сѣмена приносили обильный плодъ.

Князь Коцелъ какъ встрѣтилъ, такъ и проводилъ солунскихъ братьевъ съ почетомъ. На прощаніи князь предложилъ имъ большіе дары, но они упросили князя, вмѣсто даровъ, отпустити ради нихъ девятьсотъ плѣн-

ныхъ, томившихся въ рабствѣ. Князь настолько благоговѣлъ къ этимъ безкорыстнымъ апостоламъ въ славянской землѣ, что охотно исполнилъ ихъ просьбу. Онъ сохранилъ добрыя чувства къ нимъ и на всю жизнь.

Чрезъ земли западныхъ словенцевъ и хорватовъ прибыли св. братья въ городъ Венецію, лежащую на пути въ Римъ. Здѣсь они, кажется, намѣрены были просити граденско-венеціанскаго митрополита рукоположити ихъ учениковъ для Моравіи и Панноніи. Такъ какъ въ епархіи митрополита были истрійскіе славяне, то казалось, что братья встрѣтять полное сочувствіе со стороны митрополита и даже защиту отъ нападокъ нѣмецкихъ епископовъ. (Надо замѣти, что Венеція была подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Византіи).

Оказалось, что братья встрѣтили совсѣмъ не то, чего ожидали.

Митрополитъ, конечно, справился, знаютъ-ли ученики, предназначенные къ рукоположенію во священники, латинскій языкъ, на которомъ должны будутъ совершати литургію? Когда ему сдѣлалось извѣстнымъ, что эти славяне съ латинскимъ языкомъ незнакомы и богослуженіе будутъ совершати на родномъ языкѣ онъ нашелъ это еретическимъ нововведеніемъ, противнымъ требованію римской церкви и даже будто-бы несогласнымъ съ священнымъ писаніемъ и съ ученіемъ отцовъ церкви. На Константина и Меѳодія собралъ латинскіе епископы, іереи и монахи, какъ »вороны на сокола«.

Составили соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Виталиса Партиципаццо. На соборѣ этомъ обсуждался вопросъ о славянскомъ богослуженіи.

— Скажи намъ, человѣкъ, — обратились отцы собора къ Константину-философу: — зачѣмъ это ты надѣлалъ славянскія книги (богослужебныя), которыхъ не изображали ни апостолы, ни папа римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ? Намъ извѣстны только три языка, на которыхъ можно славословити Бога въ книгахъ, это языки: еврейскій, греческій и римскій.

Будто забыли отцы собора, что латинскія книги, по которымъ они совершали богослуженіе, не апостолы писали! А еврейскія книги папа римскій изобрѣлъ или Августинъ и Іеронимъ? Видно сразу что отцы эти въ наукѣ не горазды были.

Константинъ-философъ отвѣчалъ имъ пространной и вразумительной рѣчью:

— Не для всѣхъ-ли отъ Бога дождь? Не для всѣхъ-ли солнце? Не дышешъ ли мы всѣ одними воздухомъ? Какъ-же вы не стыдитесь допускати только три языка, а прочимъ народамъ велите быти и глухими, и слѣпыми? Неужели вы хотите представити Бога немощнымъ, какъ будте не могущимъ дати славянамъ письмена или завистливымъ, т. е. будто онъ не можетъ или не хочетъ дати людямъ славити Его роднымъ языкомъ? Мы, напротивъ, знаемъ много народовъ

которые имѣютъ службу Божію на своемъ родномъ языкѣ. Убѣдитесь еще отъ писанія: Давидъ говоритъ: — »Хвалите Бога вси языци, похвалите Его вси людіе«. А въ евангеліи сказано, что всѣ вѣрующіе — чада Божіи, слѣдовательно всѣмъ имъ дано право взывати къ Богу, какъ къ общему Отцу, на какомъ кто можетъ языкѣ. Между знаменіями для вѣрующихъ Спаситель поставилъ и то, что всѣ они будутъ говорити на разныхъ языкахъ, чтобы такимъ образомъ славился Христосъ на всѣхъ языкахъ, для всѣхъ и у всѣхъ народовъ. А вамъ я готовъ-бы сказати, горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ... Вы взяли ключъ разумѣнія, сами не входите и входящимъ воспрепятствуете! Но послушайте еще, что говоритъ ап. Павелъ (столь чтимый вами): — »Если я приду къ вамъ, братіе, и стану говорити вамъ на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу пользу, когда не изъяснюсь вамъ?...« Если вы произносите не вразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите? И если я не разумѣю значенія словъ говорящаго, то и я для него чужестранецъ, и онъ для меня. Если ты будешь благословляти мысленно, духомъ, то какъ стоящій подлѣ тебя простолюдинъ скажетъ: »Аминь« — при твоемъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что ты говоришь. Въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ на понятномъ языкѣ, нежели тьму словъ на непонятномъ«...

Эта ясная и вразумительная рѣчь не убѣдила, однако, отцовъ собора, которые упорствовали не по доводамъ разума, какихъ не имѣли, а по невѣжеству своему и предразсудку относительно латинскаго языка. Осрамилъ ихъ Константинъ словами: »Горе вамъ, книжникамъ, взявшимъ ключъ разумѣнія: сами не входите и входящимъ воспрепятствуете«. Справедливо сказано: они считали себя пастырями и учителями народа, но какъ-же они будутъ пасти овецъ и научати народъ словами Евангелія или назиданіемъ богослуженія, если народъ ихъ не будетъ понимати? Могутъ-ли они »едиными усты и единымъ сердцемъ« съ народомъ и народъ съ ними славити Бога?

Братья покинули Венецію и направились далѣе въ Римъ.

На папу взирали они, какъ на истиннаго представителя Западной церкви, отъ котораго ожидали справедливости и безпристрастнаго отношенія къ ихъ миссіонерской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что они везли съ собою великій даръ Риму, — мощи св. Климента, римскаго папы апостольскаго вѣка.

II.

Въ Римѣ въ то время произошли важныя перемѣны Папа Николай I-й, потребовавшій къ себѣ Константина и Меѳодія, скончался 13-о ноября 867 года. Это былъ грозный папа котораго боялись бароны, кар-

диналы, министры, митрополиты и короли. Говорятъ, будто онъ заинтересовался славянскими книгами и хотѣлъ еще воспользоватися солунскими братьями для своихъ цѣлей въ Болгаріи, которая обратилась тогда къ Риму.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года на папскій престолъ вступилъ Адріанъ II-й.

Братья прибыли въ Римъ, когда онъ уже былъ папой.

Съ торжественной процессіей, — сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ и народомъ вѣчнаго города, вышелъ папа за городъ навстрѣчу св. мощамъ. Константинъ и Меѳодій сдѣлались дорогими гостями: ихъ радушно приняли папа, римское духовенство и народъ за тотъ драгоцѣнный даръ, который они привезли Риму съ береговъ Чернаго моря. Начиная съ IV вѣка, папы съ особеннымъ усердіемъ собирали мощи и останки римскихъ первосвященниковъ. Когда императрица Константина съ угрозой требовала отъ Рима голову или ину часть мощей св. апостола Петра для новой церкви, выстроенной ею въ Византіи, папа Григорій Великій отказался выполнить ея требованіе. Съ тѣхъ поръ прошло триста лѣтъ. Число мощей римскихъ святыхъ первосвященниковъ значительно пополнилось. Чѣмъ труднѣе было найти и получить святые останки римскихъ первосвященниковъ, тѣмъ они были драгоцѣннѣе въ глазахъ папы, духовенства и на-

рода. Даръ, доставленный Риму солунскими братьями, тѣмъ болѣе былъ дорогъ, что первые два преемника ап. Петра — Линъ и Анаклетъ не удостоили Римъ своими мощами. Сохранилось преданіе, что отъ мощей св. Климента, въ день встрѣчи, послѣдовало много чудесъ: многіе больные, притекшіе въ тотъ день къ св. мощамъ, получили исцѣленіе. Понятно теперь, почему Константинъ и Меѳодій были дорогими гостями въ Римѣ.

Среди римскаго духовенства и народа солунскіе братья возбудили всеобщій интересъ. Къ нимъ являлись римляне, распрашивали о ихъ путешествіяхъ, объ обрѣтеніи мощей, о славянахъ и т. п.

Но если римляне интересовались больше событіями, касающимися священной памяти ихъ святого папы, интересовались страной, гдѣ онъ въ заточеніи провелъ послѣдніе годы жизни, то Константинъ и Меѳодій интересовались больше тѣмъ дѣломъ, которое привлекло ихъ въ Римъ, и той страной, гдѣ началась лучшая пора ихъ миссіонерской дѣятельности. Вопросъ о богослуженіи на славянскомъ языкѣ и о переводѣ на этотъ языкъ св. Писанія былъ для нихъ главнымъ и самымъ важнымъ.

Папа Адріанъ II сначала, быти можетъ, подъ впечатлѣніемъ радостнаго настроенія и расположенія къ братьямъ, относся очень сочувственно къ дѣлу славянскихъ просвѣтителей. Папа вполнѣ одобрилъ переводъ

св. Писанія на славянскій языкъ и славянскія богослужебныя книги. По сохранившимся извѣстіямъ, онъ возложилъ славянскія книги на престолъ церкви св. Маріи съ ялями, въ которой была совершена литургія на славянскомъ языкѣ; повелѣлъ епископамъ Формозу и Гавдерику посвятити славянскихъ учениковъ въ пресвитеры, діаконы и чтецы Славянское богослуженіе совершено было въ церкви св. Петра и Павла, въ церкви св. Петронилы и въ церкви св. Андрея; надъ гробомъ св. Петра совершена была литургія совмѣстно славянскими и римскими священниками во главѣ съ епископомъ Арсеніемъ.

Второй вопросъ, имѣвшій первостепенное значеніе для Моравской церкви, заключался въ разрѣшеніи притязаній зальцбургскаго архіепископа на Моравію.

Папа Адріанъ II склоненъ былъ и этотъ вопросъ разрѣшить въ пользу Моравіи, впрочемъ не потому, чтобы онъ очень благоволилъ къ славянамъ, а по соображеніямъ другого рода. Два молитва могли побудити Адріана II сдѣлати подобную уступку въ пользу Мораво-Паннонской церкви: противодѣйствіе усиленію нѣмецкаго вліянія и примѣръ болгаръ (перешедшихъ опять къ Восточной церкви, вслѣдствіе недовольства римскимъ духовенствомъ). Нѣмецкая партія въ Римѣ стѣсняла папу: нѣмецкое духовенство въ Германіи въ своихъ дѣйствіяхъ не всегда согласовалось съ видами папскаго престола. Съ другой стороны, если Адріанъ II

не хотѣлъ потеряти свою моравскую паству, какъ была утеряна для Римской церкви паства болгарская, то онъ долженъ былъ по необходимости уступити: Меѳодій, въ случаѣ неуспѣха, могъ поѣхати изъ Рима въ Византію, откуда онъ былъ посланъ и гдѣ былъ бы принять съ большимъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что въ это время византійскій тронъ занятъ былъ славяниномъ Василіемъ Македонянниномъ. И, дѣйствительно, папа согласился *) на учрежденіе самостоятельной Моравско-Паннонской епархіи, но съ условіемъ: онъ дозволилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ съ тѣмъ, чтобы на литургіи Евангеліе и Апостолъ читались сначала по латыни, а затѣмъ уже въ славянскомъ переводѣ.

Доброе отношеніе папы къ славянскимъ священнымъ и богослужебнымъ книгамъ далеко не раздѣляло высшее римское духовенство, окружавшее папскій престолъ. Нѣкоторыя лица изъ римскаго духовенства, даже епископы, возстали противъ славянскаго богослуженія. Скоро они настолько громко заявляли свое осужденіе славянскихъ богослужебныхъ книгъ, какъ противорѣчащихъ основнымъ традиціямъ западной церкви, что папа вынужденъ былъ серьезно обратити на это вниманіе и искати разрѣшенія этого вопроса на соборѣ мѣстнаго духовенства.

---

*) Бильбасовъ, »Кириллъ и Меѳодій«.

— По какому праву онъ измѣняетъ установленіе св. отцовъ, употребляя славянское пѣніе? — поставили вопросъ члены церковной коллегіи.

— Внемлите словамъ Апостола, — отвѣтилъ Константинъ-философъ: — »Не смѣйте запрещати говорити на различныхъ языкахъ«, и я, устанавливая то, слѣдовалъ апостольскому ученію, которому вы противитесь.

Споръ разговорался. Константинъ, между прочимъ, указывалъ тотъ великій успѣхъ христіанской вѣры среди моравянъ, какого онъ достигъ съ помощею Божіей, благодаря славянскимъ книгамъ.

— Написано-же, — сказалъ онъ, — »Всякое дыханіе да хвалитъ Господа«. А если всякое дыханіе, хваля, величаетъ Господа, зачѣмъ вы запрещаете мнѣ установляти пѣніе Божественной литургіи и часовъ на славянскомъ языкѣ? Если-бы я могъ тому народу какънибудь иначе, какъ прочимъ націямъ, помочи латинскимъ или греческимъ языкомъ, то я не утверждалъ-бы того, что вы вполнѣ отрицаете; но такъ какъ я ихъ нашелъ совершенно невѣждами и несвѣдущими въ путяхъ Божіихъ, то я благодатною милостію Святаго Духа, Который воодушевилъ меня, точно испыталъ, что средство, которымъ я пріобрѣлъ Господу безчисленный народъ, — есть единственное.

Константинъ и Меѳодій защитили свое великое дѣло. Папа и члены церковной коллегіи постановили, что

можно совершати богослуженіе на славянскомъ языкѣ въ тѣхъ странахъ, которыя пріобрѣтены Богу трудами сихъ мужей.

Папа изъявилъ согласіе на посвященіе въ епископскій санъ обоихъ братьевъ, но относительно Константина Богъ судилъ иначе.

III.

У постели Константина собрались ученики его. Печальные, со слезами на глазахъ окружаютъ они постель, на которой лежитъ больной ихъ учитель. Съ тревогой въ сердцѣ ждутъ они, чѣмъ кончится болѣзнь. Тяжкое горе сжимаетъ сердце каждаго изъ нихъ, точно камень давитъ его, при мысли — быти можетъ — о тяжелой утратѣ. — Нѣтъ! они этого не допускаютъ, надежда еще не покидаетъ окружающихъ больного. Но съ каждымъ днемъ злой недугъ подтачиваетъ его силы.

— Нѣтъ не слуга я болѣе ни императору, ни другому кому на землѣ, но лишь Богу Вседержителю, — говорилъ Константинъ.

Вотъ ужъ нѣсколько дней лежитъ онъ больной. Въ послѣдніе мѣсяцы слабое здоровье его пошатнулось окончательно. Еще предъ отъѣздомъ въ Моравію онъ чувствовалъ упадокъ силъ: и тогда здоровье его настолько было растроено, что императоръ обратилъ на это вниманіе, но предлагалъ ему эту миссію ради ве-

ликаго дѣла, для котораго онъ одинъ былъ наиболѣе подготовленъ. Труды въ Моравіи, непріятности отъ нѣмецкаго духовенства, враждебность высшихъ его представителей къ святому дѣлу Константина, въ которое онъ вложилъ, какъ говорится, всю свою душу, путешествіе въ далекій Римъ, — все это требовало большого напряженія физическихъ и умственныхъ силъ. Послѣднее путешествіе осенью и зимой особенно подорвало безъ того ослабѣвшее его здоровье, а здѣсь въ Римѣ, гдѣ онъ надѣяся найти безпристрастіе и справедливость, — здѣсь ему надо было напрягати всю энергію, чтобы отстояти для своей паствы то, что для нея было великимъ и драгоцѣннымъ. Развѣ это мало причинило огорченій? Мало надорвало силъ?

Чрезъ годъ по прибытіи въ Римъ, какъ-то въ началѣ февраля мѣсяца, Константинъ занемогъ и потомъ слегъ въ постель... и больше уже ему не суждено было встати. Онъ самъ чувствовалъ приближеніе роковой развязки своей болѣзни и не считалъ себя уже больше жильцомъ на землѣ. Готовясь къ смерти, онъ постригся въ монаги и принялъ имя Кирилла.

Проходили дни, — жизнь все болѣе и болѣе угасала.

Послѣдняя мысль, послѣдняя забота его была о паствѣ его, о возлюбленной ему Моравіи. О ней онъ молился и на нее призывалъ Божіе благословеніе.

»Господи Боже мой, — молился онъ со слезами

на глазахъ, воздѣвъ руки къ небу, — Ты всегда внемлешь боящимся Тебя и творящимъ волю Твою, внемли моей смиренной молитвѣ. Сохрани вѣрное Тебѣ стадо, къ которому Ты приставилъ меня, недостойнаго раба Твоего, избави его отъ поганскихъ злобъ и отъ навѣтовъ треязычниковъ. Возрасти церковь Твою множествомъ исповѣдующихъ Тя и всѣхъ утверди въ единомыслiи и въ вѣрѣ истинной. Даруй имъ быти людьми »изрянными« и вдохни въ сердца ихъ слово Твоего ученiя. Твой даръ они. Что Ты мнѣ далъ, то я передаю Тебѣ, какъ Твое. Утверди ихъ десницею Твоей сильною, покрый кровомъ крылъ Твоихъ, да всѣ восхваляютъ и славятъ имя Твое святое Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Брату Меѳодію онъ завѣщалъ не покидати своей славянской паствы, а продолжати начатый ими совмѣстно трудъ. Прощаясь въ предсмертный часъ со своимъ братомъ, онъ говорилъ ему:

— Мы, братъ, тянули съ тобой одну борозду, и вотъ я падаю на градѣ... кончаю дни свои... Ты слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ, но смотри, не покидай ты ради его наше великое служенiе... Имъ ты скорѣе можешь спастись.

Наступилъ послѣдній часъ. Онъ облобызалъ брата и своихъ учениковъ, благословилъ припавшихъ къ его одру и рыдающихъ учениковъ, и... новопостриженнаго Кирилла не стало. Славянскій первоучитель отошелъ

въ вѣчность къ сонту апостоловъ, чтобъ предстояти предъ Богомъ съ своими святыми молитвами за славянскій народъ.

Святый Кириллъ скончался 14 февраля въ 869 году, на сорокъ второмъ году своей жизни.

Меѳодій не желалъ оставити на чужбинѣ въ вѣчномъ упокоеніи останки своего любимаго брата. Исполняя завѣщаніе матери, онъ хотѣлъ увезти тѣло брата на родину для погребенія на родной землѣ. Объ этомъ онъ просилъ папу.

— Отецъ святой! Когда мы покидали родную землю ради того служенія, которое мы, съ помощью Божіею, совершили, мати, проливая горячія слезы, умоляла насъ, что если кто изъ насъ умретъ на чужбинѣ, то другой долженъ привезти тѣло умершаго брата въ его монастырь, чтобы похоронити его тамъ. Да соизволитъ твоя милость предоставити мнѣ выполнити эту обязанность, дабы я не оказался противникомъ материнскаго завѣщанія.

Папа согласился исполнити эту просьбу и благословилъ сдѣлати всѣ необходимыя приготовленія, чтобы съ подобающей честью и торжествомъ проводити въ далекій путь тѣло почившаго Кирилла, которое по распоряженію папы, положено было въ желѣзную раку заколоченную потомъ желѣзными гвоздями.

Но чрезъ нѣсколько дней, подъ вліяніемъ совѣтовъ своихъ приближенныхъ, папа измѣнилъ свое рѣшеніе.

— Такъ какъ Богъ сюда привелъ его и здѣсь взялъ душу его, то здѣсь надлежитъ и похоронити его, какъ мужа, достойнаго всякой чести, — совѣтовали папѣ римскіе епископы.

Для папы и для окружавшихъ папскій престолъ слава Рима на первомъ мѣстѣ, а эту славу увеличивали покоющіеся останки великихъ людей и мощи великихъ угодниковъ Божіихъ, къ сонму которыхъ Богу угодно было сопричислити и потрудившагося апостольскимъ трудомъ благочестиваго Кирилла, ибо »во свидѣтельство того, какая слава ожидаетъ Кирилла на небесахъ, самъ Богъ посылалъ знаменія и дѣлалъ видимое провозвѣстникомъ невиднмаго«, — какъ повѣствуетъ преданіе, записанное впослѣдствіи.

Папа рѣшилъ похоронити тѣло Кирилла въ церкви св. Петра. Это была особая честъ, которою папа хотѣлъ почтити великаго труженика на славянской нивѣ.

Когда объ этомъ рѣшеніи папы узналъ Меѳодій, онъ почелъ необгодимымъ покоритися волѣ римскаго первосвященника, но просилъ, чтобы тѣло покойнаго его брата было похоронено въ церкви св. Климента, хотя и не въ столь почетномъ мѣстѣ, какъ церковь апостола Петра, но связанномъ съ памятью объ открытіи покойнымъ мощей св. Климента.

— Если вы не послушали моей просьбы и не дали мнѣ тѣла брата для погребенія на родинѣ то пусть онъ будетъ погребенъ въ церкви св. Климента, съ мощами котораго онъ сюда пришелъ.

Папа уважилъ эту просьбу Меѳодія. Мѣсто для погребенія назначено было въ церви св. Климента, по правой сторонѣ алтаря.

Похороны были торжественныя, какія Римъ рѣдко видѣлъ. Множество духовенства римскаго и греческаго, бывшаго въ то время въ Римѣ, провожало гробъ Кирилла. Съ пѣніемъ псалмовъ и гимновъ, съ возженными свѣчами и съ ѳиміамомъ кадильницъ, сопровождаемая толпами народа, двигалась похоронная процессія по узкимъ улицамъ Рима къ Базиликѣ Латеранской, къ небольшой церкви св. Климента. Здѣсь гробъ встрѣтилъ самъ папа, и предалъ землѣ святые останки Кирилла *).

IV.

Меѳодій принялъ епископскій санъ. Папа не спѣшилъ отпустити его въ Моравію. Почему онъ медлилъ, хотя прошло довольно продолжительное время (съ 867 г.), какъ паства паннонско-моравская оставалась безъ своего пастыря, — неизвѣстно. Можетъ быти онъ колебался окончательно разрѣшити вопросъ о моравской епископской каѳедрѣ, такъ какъ этимъ пришлось бы выдѣлити Моравію изъ подъ власти архіепископа зальцбургскаго, и такимъ образомъ задѣти даже инте-

*) Въ церкви св. Климента покоятся и до сего времени мощи св. Кирилла, первоучителя славянъ.

ресы германскаго императора, державшаго сторону Зальцбурга и считавшаго Моравію принадлежащей нѣмецкому вліянію, какое прежде всего распространяли и поддерживали нѣмецкіе проповѣдники.

Папа медлилъ... Но случилось такъ, что пришлось положити конецъ этой медлительности. Изъ Панноніи князь Коцелъ прислалъ въ Римъ просьбу о возвращеніи къ нему бывшихъ у него по пути въ Римъ учителей. Онъ ждалъ ихъ долго, — наконецъ, хотѣлъ получити о нихъ.

Папа назначилъ Меѳодія архіепископомъ паннонско-моравскимъ и отпустилъ его вмѣстѣ съ славянскими священниками, поручивъ ему передати его посланіе князьямъ Коцелу, Ростиславу и Святополку.

Къ князьямъ булла папская была слѣдующаго содержанія:

»Адріанъ, епископъ и рабъ Божій, къ Ростиславу, Святополку и Коцелу. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе«.

»Мы слышали о васъ то, чего мы такъ желали и о чемъ молились, ради вашего спасенія, именно, что Господь возвеличилъ ваше сердце до стремленія къ Богу и показалъ вамъ, что Богу должно служити не только вѣрою, но и добрыми дѣлами. Вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что познали Бога, въ дѣлахъ-же своихъ не слѣдуютъ ему. Вы просили себѣ учителя не только у этого святѣй-

шаго престола, но и у благовѣрнаго императора Михаила. Императоръ послалъ вамъ блаженнаго Константина-философа вмѣстѣ съ братомъ, прежде нѣмъ мы успѣли послати кого-либо. Эти-же, принявъ во вниманіе, что область ваша по наслѣдству принадлежитъ апостольскому престолу, ничего не дѣлали противнаго канонамъ, но явились къ намъ, принеся съ собою мощи св. Климента. Мы-же, по зрѣломъ обсужденіи, съ чрезвычайной радостью постановили отослати къ вамъ посвященнаго (во епископа) Меѳодія съ его учениками, — нашего сына, мужа совершеннаго по уму и правовѣрнаго, чтобы онъ, переведшій книги на вашъ языкъ, наставилъ васъ, какъ вы о томъ просили, во всякомъ церковномъ обрядѣ и святомъ богослуженіи. Подобно тому, какъ Константинъ-философъ началъ святымъ Евангеліемъ и молитвами ко святому Клименту, такъже точно свято и угодно предъ Богомъ, нами и предъ всею каѳолическою апостольскою церковью, если кто-либо другой достойно и правильно наставитъ васъ, да познаете скорѣе заповѣди Божіи. Послѣдуйте такому обычаю, чтобы на литургіи Посланія (апостольскія) и Евангеліе прочитывались сперва на латинскомъ языкѣ, потомъ на славянскомъ, да исполнятся слова Священнаго Писанія: всѣ языки да восхвалятъ Бога, и еще: всѣ различными языками прославляютъ величіе Бога, какъ Святый Духъ, далъ имъ провѣщевати. Если-же кто изъ учителей и слушателей, которыхъ вы собрали

и изъ отпавшихъ отъ истины дерзнетъ безразумно убѣждати васъ въ чемъ-либо иномъ, порицая книги вашего языка, да будетъ онъ отлученъ и преданъ суду Церкви, пока не исправится. Тѣ бо суть волки, а не овцы; ихъ можно познати по ученію и должно избѣгати ихъ. Вы-же, возлюбенныя дѣти, послушайте блаженнаго ученія и не презрите закона Церкви, но да обратитесь, какъ почитатели истиннаго Бога, къ нашему Небесному Отцу со всѣми святыми. Аминь!«

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Сильное нѣмецкое войско, подъ предводительствомъ трехъ сыновей короля, наступало на Моравію. На этотъ разъ, кажется, нѣмцы грозили окончательно разгромить Моравское княжество.

Миръ между Ростиславомъ и нѣмцами продолжался недолго. Уже въ 868 году обѣ стороны, недовѣряя другъ другу, начали готовитися къ борьбѣ. Ростиславъ задумалъ воспользоватися силами сосѣднихъ — чешскихъ и полабскихъ славянъ, которые также давно питали ненависть къ нѣмцамъ, и при первой возможности готовы были возстати противъ ихъ политическаго господства. Ростиславу удалось возбудити этихъ славянъ противъ нѣмцевъ, и весной 869 года чешскіе полабскіе славяне заволновались.

Въ это время король лежалъ больной въ Регенсбургѣ. Ростиславъ, направляя подготовленный имъ ударъ, надѣялся, что онъ не найдетъ сильнаго сопротивленія, и потому могъ ожидати, что онъ теперь окончательно восторжествуетъ надъ своими »добрыми« сосѣдями. Но, сверхъ всякаго ожиданія, противъ славянъ двинулись съ грозной силой три сына короля: Карломанъ, Людовикъ и Карлъ.

Чеховъ нѣмцамъ удалось сломити и восторжествовати надъ ними, но съ моравянами не такъ легко было справитися. Моравяне держались прежняго способа борьбы съ сильнымъ врагомъ: они дѣлали засѣки и крѣпости, завлекали врага въ глубь страны, тревожили врага и лишали продовольствія, пока недостатокъ въ продовольствіи и изнурительные походы не заставляли нѣмцевъ отступити. Карломанъ и Карлъ значительно разорили и опустошили Моравію, но затѣмъ отступили и начали переговоры о мирѣ съ Ростиславомъ. Ни одна сторона не могла приписывати себѣ торжества, но каждая должна была утѣшитися тѣми результатами, какіе были ею достигнуты. Моравскій князь все таки могъ чувствовати то преимущество, что нѣмцамъ не удалось его унизити.

Давно нѣмцы пытались восторжествовати надъ смѣлымъ, храбрымъ и отважнымъ Моравскимъ княземъ. Нѣсколько разъ уже происходила между ними кровавая борьба, но каждый разъ королю Людовику не уда-

валось одолѣти окончательно Ростислава. Послѣдній не только оставался Моравскимъ княземъ, но еще выступалъ противъ короля, несмотря на грозную силу, какую представлялъ король, повелитель сильнаго государства.

Не могли нѣмцы погубити славнаго князя, — погубило его вѣроломство, не могли одолѣти его въ честномъ бою, — одолѣло его коварство.

Племянникъ Ростислава Святополкъ, съ которымъ Ростиславъ дѣлилъ тяжести борьбы съ нѣмцами, измѣнилъ своему дядѣ. Онъ тайно вступилъ въ переговоры съ Карломаномъ, предлагая ему выдати Ростислава. Самъ-ли онъ предложилъ свои услуги врагамъ моравскаго народа, или Карломанъ обѣщалъ ему Моравское княженіе за такую добрую пріятельскую услугу — неизвѣстно. Несомнѣнно, что одному расчетливо было промѣняти дядю на княжескій престолъ, при содѣйствіи нѣмцевъ, а другому пріятно было имѣти въ своихъ рукахъ исконнаго своего врага, тѣмъ болѣе, что это доставалось ему за такое нетяжело вознагражденіе.

Святополкъ предательски выдалъ Ростислава Карломану.

Потеряла Моравія своего славнаго защитника. Карломанъ, какъ управлявшій тогда восточной моравской (Австріей), свободно вступилъ въ Моравское княжество захватилъ замки, укрѣпленія и княжескія сокровища и во главѣ Моравіи поставилъ Святополка и двухъ нѣ-

мецкихъ графовъ Энгельскалка и Вильгельма, которымъ розданы были земли съ тѣмъ, чтобы они наблюдали за славянами восточной марки (области) и усмиряли бы ихъ въ случаѣ волненій.

Святополкъ, получившій княжескую власть изъ рукъ Карломана, долженъ былъ оставатися въ вассальномъ подчиненіи ему и волей-неволей сохраняти благоволеніе къ нѣмцамъ. Святополкъ, однако, недолго оставался у власти. Карломанъ, недовѣряя ему, схватилъ его и держалъ въ заключеніи.

Нѣмцы завладѣли Моравіей

II.

За крѣпкими стѣнами баварскаго замка томится знатный узникъ, — славный Моравскій князь Ростиславъ. Здѣсь, въ томленіи и въ мукахъ гнетущей тоски, ожидаетъ онъ выздоровленія короля Людовика, который самъ хочетъ произнести приговоръ надъ своимъ непримиримымъ врагомъ.

Душа врется въ родную Моравію, сердце, полное ярости и мощной отваги, стучится о богатырскую грудь, точно рвется на свободу. Сжаты могучіе кулаки!.. — Эхъ! кабы князю свобода... но нѣтъ, сраженъ онъ людской неправдой и коварствомъ и теперь дожидаетъ своей участи безсильнымъ узникомъ.

Двадцать четыре слишкомъ года княжилъ онъ въ Моравіи, и почти въ теченіе всего этого времени онъ

велъ упорную бурьбу съ нѣмцами за свою родную землю, — за свободу Моравіи. Не страшился онъ тогда грознаго врага. Съ своими свободолюбивыми моравянами онъ заставлялъ врага, въ нѣсколько разъ сильнѣе его рати, отступати и постыдно возвращатися домой съ пустыми руками. Сколько разъ надвигалась при немъ на Моравію грозная туча, — кажется, вотъ разразится она грозой, — зальетъ княжество ливнемъ-потокомъ, и никакая сила моравянъ не устоитъ. Но князь не страшился. Онъ умѣлъ завлечи врага въ глубь страны, укрывался въ засѣкахъ и окопахъ, изнурялъ его силы, лишалъ продовольствія, и когда врагъ послѣ всего этого поворачивалъ назадъ, онъ тогда и самъ начиналъ его выгоняти и случалось, что вслѣдъ за отступавшими нѣмцами онъ вторгался въ ихъ предѣлы. А теперь?

Онъ хотѣлъ дати своему народу проповѣдниковъ христіанской вѣры, чуждыхъ корыстныхъ расчетовъ, какими отличались нѣмецкіе благожелатели. Онъ искалъ такихъ наставниковъ и руководителей, которые были бы понятны для самого народа. Величіемъ мысли онъ понялъ превосходство для своего народа восточнаго христіанства и всѣми силами отстаивалъ и защищалъ святое дѣло Солунскихъ братьевъ отъ притязаній баварскаго высшаго духовенства, во главѣ котораго стоялъ зальцбургскій архіепископъ.

А теперь? Эхъ, кабы раздвинулись эти крѣпкія

стѣны мрачнаго замка, и выпустили его на волю! Кабы могъ онъ неестественной силой пробить себѣ отсюда свободу! Онъ полетѣлъ-бы въ свою родную Моравію, сдѣлалъ-бы кличъ своимъ моравянамъ и повелъ бы ихъ противъ нѣмцевъ, и сокрушалъ-бы, сокрушалъ все, разгромилъ-бы этихъ ненавистныхъ баварцевъ, никому не далъ-бы пощады. Но моравяне, кромѣ предателей-заговорщиковъ, не знаютъ, гдѣ ихъ князь, не знаютъ, что съ нимъ сталось. Что дѣлается теперь въ Моравіи? Мрачныя стѣны замка крѣпко держатъ грознаго узника, никакая вѣсточка съ родной земли не проникнетъ сквозь нихъ. А за этими стѣнами злые враги — нѣмцы потѣшаются надъ безсильнымъ невольникомъ. Не въ честномъ бою его одолѣли, не храбростью и отвагой взяли, а коварствомъ и измѣной — и теперь торжествуютъ свою побѣду и готовятъ своему противнику месть. Ахъ! если-бъ — свобода князю! Но крѣпкія стѣны мрачнаго замка не выпустятъ защитника Моравіи!..

Князь Ростиславъ приговоренъ былъ къ смерти. Но по милости короля казнь была замѣнена другой карой. Ростиславу выкололи глаза и заключили въ одинъ изъ баварскихъ монастырей.

III.

Громадная толпа народа окружаетъ священника

Склагамара. Толпа возбуждена, волнуется. Многіе хватаются за мечи, слышно бряцаніе остраго оружія.

— И такъ, моравяне, беритесь за оружіе, бейте поганыхъ нѣмцевъ, не давайте никому пощады, пока не прогоните ихъ изъ земли Моравской! Смерть врагамъ! — закончилъ свое воззваніе къ народу священникъ Склагамаръ.

Моравяне возстали противъ нѣмцевъ. Возстаніемъ руководилъ славянинъ — священникъ. Народное возстаніе за свою свободу, — не то, что военный походъ княжеской дружины или даже цѣлой рати. Храбрые моравяне настолько одолѣвали нѣмцевъ, что Карломанъ потерялъ всякую надежду на усмиреніе моравянъ и рѣшилъ воспользоватися услугами Святополка. Онъ заключилъ съ предателемъ такой договоръ; Святополкъ съ баварскимъ войскомъ долженъ былъ итти въ Моравію, усмирити народъ, захватити народнаго героя и патріота священника Склагамара, а въ награду за все это имѣлъ получити княжество своего дяди Ростислава.

Святополкъ согласился. Но наученный опытомъ, какъ опасно пользоватися милостью нѣмцевъ и какъ непрочно благополучіе, достигнутое при ихъ содѣйствіи, онъ на этотъ разъ измѣнилъ свою тактику. Вступивши въ Моравію, онъ соединился съ возставшимъ моравскимъ народомъ, который принялъ его, какъ своего князя. Нѣмецкое войско, какъ прибывшее

съ Святополкомъ, такъ и стоящее въ Моравіи, было перебито кромѣ тѣхъ, которые захвачены были въ плѣнъ.

Борьба между моравянами и нѣмцами продолжалась около трехъ лѣтъ. Карломанъ не могъ согласится на потерю Моравіи, и поодерживаемый королемъ, стремился возвратити политическое господство надъ Моравіей, но успѣха не могъ достигнути. Моравяне, соединившись съ чехами, отбили наступавшихъ нѣмцевъ. Святополкъ, однако, видѣлъ, что страна изнурилась въ непосильной борьбѣ за свою свободу и нуждается въ отдыхѣ. Онъ стремился заключити съ королемъ миръ, изъявляя даже ему покорность. Съ этой цѣлью послы Святополка весной 872 года явились къ королю на сеймъ въ г. Форгеймъ, но на этотъ разъ возвратились ни съ чѣмъ. Опять начались нападенія воюющихъ сторонъ другъ на друга. Въ слѣдующемъ году моравяне достигли большого успѣха въ войнѣ съ Карломаномъ, на котораго наступали очень упорно. Тогда король согласился на миръ. Онъ поспѣшилъ въ г. Регенсбургъ, куда прибыли послы Святополка и здѣсь заключенъ былъ миръ съ Моравскимъ княземъ.

IV.

Къ архіепископу зальцбургскому явился архипресвитеръ Рихтбальдъ, прибывшій изъ Паннонiи въ г. Зальцбургъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ.

Архіепископъ Адальвинъ встрѣтилъ его съ нѣкоторой тревогой на липѣ, предчувствуя недобрыя вѣсти.

— Заступись, святой отецъ за насъ: мы вынуждены оставити Паннонію и теперь прибыли сюда, — обратился къ архіепископу Рихтбальдъ грустнымъ и печальнымъ голосомъ.

— Что случилось? Развѣ опять появились эти греки или новые пришли?

— Одинъ Меѳодій возвратился изъ Рима и теперь выдаетъ себя за епископа. Онъ изгналъ латинское богослуженіе и вездѣ поетъ литургію на богопротивномъ славянскомъ языкѣ, какъ и прежде. Онъ изъ Рима привелъ много славянъ-священниковъ и самъ много рукоположилъ, — всю Паннонію ими наводнилъ. Народъ не слушаетъ нашей мессы... мы покинуты народомъ, — съ отчаяніемъ махнувъ рукою, заключилъ свою жалобу Рихтбальдъ.

— По какому-же праву онъ это дѣлаетъ? Вѣдь святѣйшій папа требовалъ этихъ грековъ къ себѣ въ Римъ. Въ Римѣ не попустятъ посрамленія латинской мессы и нарушенія нашихъ правъ.

— О, нѣтъ, святой отецъ, вышло совсѣмъ иначе. Эти греки, должно быти, ввели въ заблужденіе и святѣйшаго отца, и всѣхъ святыхъ отцовъ въ Римѣ. Святѣйшій отецъ разрѣшилъ ему пѣти литургію въ этихъ земляхъ на славянскомъ языкѣ — какъ это Господь

допустилъ! — и читати на литургіи Посланія и Евангеліе сначала на латинскомъ языкѣ, а потомъ на славянскомъ Меѳодій показываетъ буллу святѣйшаго отца, гдѣ все это написано.

Рихтбальдъ подробно изложилъ содержаніе посланія папы Адріана II на имя славянскихъ князей, въ которомъ папа достаточно ограждаетъ дѣятельность Меѳодія отъ всякаго посягательства нѣмецкаго духовенства.

— Написано въ той бумагѣ, что никто не смѣетъ порицати славянскія книги, а кто осмѣлится порицати, того святѣйшій отецъ предаетъ суду церкви: тѣ волки, — говорится, — а не овцы. Это я хорошо помню, что тамъ такъ сказано.

— Этотъ коварный грекъ теперь всѣмъ надъ смѣло показываетъ буллу святѣйшаго отца, — продолжалъ Рихбальдъ, — и мы... о! мы не молчали, мы пытались вразумити его, доказати ему, что онъ ересь распространяетъ... но онъ... Онъ уста намъ заграждаетъ буллой святѣйшаго отца-папы. Князь Коцелъ держитъ сторону Меѳодія, самъ полюбилъ славянскія книги, и помогаетъ ему во всемъ.

— Отецъ святой! лучше-бы двадцать другихъ грековъ было, только-бы не этотъ одинъ... Этотъ, сильный словомъ и умомъ, весь народъ увлекаетъ своими проповѣдями и изобрѣтенными имъ книгами... О, съ другими мы бы справились, — закончилъ съ чувствомъ Рихтбальдъ.

Вѣсти эти привели въ раздраженіе зальцбургскаго архіепископа Адальвина. Онъ не ожидалъ такого результата требованія на судъ въ Римъ Солунскихъ братьевъ. Какъ только дошла до него вѣсть о томъ, что папа потребовалъ къ себѣ на судъ двухъ братьевъ, онъ уже напередъ торжествовалъ свою побѣду; онъ нѣсколько не сомнѣвался, что въ Римѣ осудятъ славянскія богослужебныя книги и изгонятъ этихъ грековъ изъ предѣловъ зальцбургской архіепископіи, какъ еретиковъ и какъ нарушителей чужихъ правъ. И что же вышло? Не только не осуждены славянскія книги, но даже папа назначилъ Меѳодія архіепископомъ паннono-моравскимъ и этимъ отдѣлилъ славянскія земли отъ зальцбургской архіепископіи. Что-же дѣлать?

Адальвинъ не намѣренъ былъ покоритися сложившимся обстоятельствамъ и подчинитися волѣ папы. Онъ рѣшилъ прибѣгнути ко всѣмъ способамъ, чтобы избавитися отъ »ненавистнаго ему грека«, и пока для него оставалось очень сильное средство — это содѣйствіе короля и его сыновей.

Случилось такъ, что ходъ событій принялъ самый благопріятный оборотъ для интересовъ зальцбургскаго архіепископа и нѣмецкаго духовенства. Какъ извѣстно, въ то время Ростиславъ вынужденъ былъ вести усиленную борьбу съ нѣмцами. Грозное нѣмецкое войско, предводительствуемое тремя сыновьями короля, наступало на Моравію. Зальцбургское духовенство призы-

вало помощь Божію и посылало свое благословеніе нѣмецкому войску, видя въ немъ десницу Божію карающую непокорныхъ чадъ, допустившихъ къ себѣ грековъ-еретиковъ. Зальцбургскій архіепископъ со своими суффраганами: епископомъ пассавскимъ и епископомъ фрейзингейскимъ и сонмомъ низшаго духовенства, радовался такому натиску нѣмецкаго войска и ожидалъ окончательной гибели Моравскаго князя. Однако, Богъ видѣлъ правду и не по молитвамъ зальцбургскаго духовенства опредѣлилъ свою волю... Нѣмцы должны были, въ концѣ концовъ, отступити и Моравскій князь выдержалъ борьбу, — какъ вдругъ счастье улыбнулось зальцбургскому духовенству: Ростиславъ былъ измѣнически преданъ Карломану и сосланъ въ заточеніе, въ Моравіи заведены были нѣмецкіе порядки, во главѣ княжества поставленъ угодникъ нѣмцамъ князь Святополкъ и два нѣмецкихъ графа. Что могло быти лучше этого для зальцбургскаго духовенства?

Архіепископъ Адальвинъ ликовалъ, — онъ рѣшилъ погубити Меѳодія при помощи Святополка, который, какъ ему извѣстно было, по своей грубости мало понималъ сущность просвѣщенія, внесеннаго въ его страну Солунскими братьями и смотрѣлъ на это святое дѣло съ точки зрѣнія политическаго расчета и увеличенія своей власти.

Такъ какъ Меѳодій сначала по возвращеніи изъ Рима продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность въ

Панноніи, подъ защитой и покровительствомъ князя Коцела, то для противниковъ его необходимо было выждати время, чтобы начати рѣшительно дѣйствовати противъ него. Такое благопріятное для нихъ время наступило, когда Меѳодій, какъ заботливый пастырь готовый »душу свою положити за овцы«, прибылъ въ предѣлы Моравіи. Успѣхъ его проповѣди и пастырской дѣятельности здѣсь привелъ въ ярость его зальцбургскихъ враговъ, особенно, когда отголоски его пастырской дѣятельности проникли въ Чехію. Въ 871 году въ Моравію къ Святополку прибылъ чешскій князь Боривой и здѣсь принялъ крещеніе съ тридцатью своими вельможами, прибывшими вмѣстѣ съ нимъ, а возвращаясь обратно въ свое княжество, онъ взялъ съ собою много славянскихъ священниковъ изъ числа учениковъ архіепископа моравскаго Меѳодія и славянскія богослужебныя книги.

V.

Nubecula est, — transibit!
Это — тучка; она пройдетъ.

Зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ, вмѣстѣ со своими суффраганами: Германрихомъ, епископомъ пассавскимъ, и Ганноном, епископомъ фрейзингейскимъ, на общемъ совѣщаніи рѣшилъ потребовати Меѳодія къ отвѣтственности за вторженіе якобы въ чужую епархію, и при этомъ показати видъ, будто они

совершенно ничего не вѣдаютъ о папской буллѣ, давшей Меѳодію право пастырской дѣятельности въ этихъ славянскихъ странахъ. На этомъ совѣщаніи особенно яростно возставалъ противъ Меѳодія епископъ пассавскій Германрихъ, злой врагъ Меѳодія, за успѣхъ послѣдняго въ Панноніи, считавшейся въ его епархіи. Онъ требовалъ суда надъ Меѳодіемъ. Епископы сговорились прибѣгнути къ содѣйствію Карломана и настойчиво требовати помощи князя Святополка.

Своей цѣли они достигли.

Собравшись въ г. Пассавѣ, они потребовали сюда Меѳодія. Доблестный мужъ и самоотверженный паннонскій архипастырь долженъ былъ подчинитися неблагопріятному стеченію обстоятельствъ и явитися на это неправо судилище, на которомъ возсѣдалъ и князь Святополкъ. Впрочемъ, имѣя въ рукахъ буллу папы, Меѳодій могъ твердо надѣятся, что епископы, по долгу своему, покорятся волѣ святѣйшаго отца, — это было самое вѣское и самое неоспоримое доказательство правоты его, которое должно было оправдывати его въ глазахъ даже злѣйшихъ враговъ.

Но нѣмецкіе епископы напередъ рѣшили участь Меѳодія.

Едва Меѳодій вошелъ, какъ на него съ плеткой накинулся епископъ пассавскій Германрихъ, но удержанъ былъ другими.

Первое обвиненіе, съ которымъ нѣмецкіе епископы

обратились къ Меѳодію, заключалось въ томъ, — почему онъ учитъ въ ихъ епархіяхъ (они считали, попрежнему, Панноніо и Моравію въ предѣлахъ своихъ епархій).

Ты учишь въ нашихъ областяхъ! — грозно сказалъ ему архіепископъ зальцбургскій.

— Если бы зналъ, что эта область ваша, — удалился бы отсюда, но она принадлежитъ святому Петру, — отвѣтилъ имъ скромно Меѳодій, указывая этими словами на то, что онъ поставленъ архіепископомъ въ эти области римскимъ папою.

— Если вы по честолюбію преступите чужіе предѣлы, — продолжалъ онъ, и нарушите каноны, возбраняя божественное ученіе, то берегитесь, чтобы желая пробити головою желѣзную гору, не разбили себѣ лба.

Такой намекъ на незаконность притязаній епископовъ и на то, что они непремѣнно желаютъ пробитися туда, гдѣ народъ противъ нихъ, пришелся имъ не по вкусу, — они обидѣлись.

— Гнѣвно говоритъ ты, — смотри: накличешь на себя зло.

— Я истину говорю и предъ царями, — отвѣтилъ имъ Меѳодій, — и не стыжусь. А вы можете дѣлати со мной, что хотите, такъ какъ я не лучше тѣхъ, которые за истину лишились жизни при многихъ мукахъ.

Споръ былъ горячій и продолжительный Латинскіе

епископы, устроившіе это судилище, ярностно нападали на Меѳодія, какъ осы, отъ которыхъ отнимаютъ ихъ добычу — медъ. Меѳодій защищался смѣло, брося, своимъ противникамъ правду въ глаза.

Послѣ продолжительныхъ преній, когда противники Меѳодія не нашлись, что отвѣчати ему, князь Святополкъ иронически замѣтилъ:

— Не утомляйте моего Меѳодія, онъ уже вспотѣлъ, какъ будьто стоитъ у печки.

— Меѳодій отвѣтилъ ему на это:

— Да, государь! Однажды люди встрѣтили одного философа и спросили его, отчего ты потѣешь? Онъ отвѣтилъ имъ: оттого, что встрѣтился съ грубыми людьми, — съ глупцами.

Какъ и можно было предвидѣти, враги не выпустили уже Меѳодія изъ своихъ рукъ, въ которыя онъ попалъ. Его, какъ преступника, заковали въ кандалы и отправили въ Швабію. Тогда была зима, и много пришлось натерпѣтися въ пути бѣдному архіепископу моравскому. Германрихъ старался вымстити на беззащитномъ Меѳодіѣ всю свою злобу. Издѣвался надъ нимъ, въ холодные дни, во время дождя держалъ его подъ открытымъ небомъ и терзалъ суровымъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ Швабіи его заключили въ тюрьму, гдѣ онъ томился около двухъ съ половиною лѣтъ.

VI.

Въ Римѣ ничего не знали объ этомъ поступкѣ баварскихъ епископовъ, явно неканоническомъ и оскорбительномъ для власти папы. Съ перемѣной политическаго положенія въ Моравіи, баварскіе епископы могли ожидати, что Моравскій князь Святополкъ, избавившись отъ опеки Карломана и усиливши свою власть, пожелаетъ, по примѣру Ростислава, освободитися и отъ опеки нѣмецкаго духовенства, которое, конечно, не могло быти ему пріятно, и съ этой цѣлью потребуетъ возвращенія Меѳодія и обратится съ жалобой къ папѣ. Кромѣ того, изъ Панноніи, какъ можно полагати, получались вѣсти о томъ, что князь Коцелъ и ученики Меѳодія рѣшили донести папѣ о своевольномъ поступкѣ баворскихъ епископовъ. Чтобы предупредити непріятности, баварскіе епископы отправили папѣ особый меморандумъ. Въ этомъ меморандумѣ они подробно изложили права и отношенія Зальцбургскаго архіепископіи къ Моравіи и Панноніи, доказывая эти права исторической давностью и дарованіями королей, начиная съ VIII вѣка, когда Карлъ Великій предоставилъ Моравію »пастырской заботливости« зальцбургскаго архіепископа. Про учрежденіе Панноно-Моравской архіепископіи они умолчали, а упомянули лишь, что въ послѣднее время въ эти славянскія области вторгся »ка-

кой-то грекъ«, по имени Меѳодій, нарушившій права архіепископа зальцбургскаго. Ужъ не расчитывали-ли баварскіе епископы на то, что въ Римѣ былъ новый папа Іоаннъ VIII, который могъ, по ихъ предположенію, не знати Меѳодія и не искати какихъ-либо справокъ объ этомъ »какомъ-то грекѣ«? Въ заключеніе всего этого длиннаго посланія къ папѣ, баварскіе епископы писали:

»Такъ опредѣлилъ нашъ государь и король все, что тогда тѣми епископами и въ тѣхъ мѣстахъ пріобрѣтено было и что, при помощи Божіей, могли быти увеличено въ будущемъ для того, чтобы все то могло нерушимо и постоянно принадлежати престолу зальцбургскихъ епископовъ. Такъ было — пока не явился какой-то грекъ, именемъ Меѳодій, со вновь изобрѣтенными славянскими письменами, который въ своей высокомѣрной мудрости, вытѣснивъ латинскій языкъ, римское ученіе и древнеобычныя латинскія буквы, сдѣлалъ ненавистными одной части населенія той страны обѣдни, евангелія и церковныя службы тѣхъ, которые служили по-латыни... Съ того времени, когда по даренію и опредѣленію государя императора Карла, жители восточной Паннониі стали управлятися зальцбургскими первосвященниками, протекло до настоящаго времени 75 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ни одинъ епископъ, откуда бы онъ ни пришелъ, не имѣлъ духовной власти въ той опграничной землѣ, кромѣ зальцбургскихъ первосвя-

щенниковъ, и ни одинъ пресвитеръ, пришедшій изъ чужой земли, не дерзалъ болѣе трехъ мѣсяцевъ исполняти тамъ свои требы, не представивъ предварительно епископу свой отпускъ изъ другой епархіи. Такъ это тамъ соблюдалось, пока не явилось новое ученіе Меѳодія-философа«.

Кромѣ того, баварскіе епископы обратились къ королю Людовику и сыну его Карломану съ просьбой — заступитися за нихъ предъ папой.

Въ Римѣ въ то время папой былъ Іоанъ VIII, человѣкъ большого ума и тонкій политикъ. Предъ избраніемъ на папскій престолъ онъ былъ архидіакономъ римской церкви и, несомнѣнно, зналъ Меѳодія въ бытность его въ Римѣ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Іоаннъ VIII понялъ что стати на сторону баварскихъ епископовъ и невыгодно и опасно: невыгодно, конечно, упускати Паннонію и Моравію изъ непосредственнаго подчиненія римскому престолу, возставати-же противъ усилившагося Моравскаго князя опасно, потому что съ Моравіей могло случитися то-же, что не давно предъ тѣмъ съ Болгаріей, которая отказалась отъ Рима и перешла на сторону Византіи, а памятный для Рима примѣръ князя Ростислава, искавшаго христіанскихъ проповѣдниковъ въ Константинополѣ и устранившаго баварское духовенство, служилъ для Рима наглядным указаніемъ на то что съ Моравіей необходимо быти осторожнымъ. Можетъ быти, и личное знакомство съ

дѣятельностью Солунскихъ братьевъ, память о которыхъ въ Римѣ еще была очень свѣжа, располагало папу въ пользу Меѳодія.

Къ этому времени въ Римѣ получились свѣдѣнія изъ Паннонiи или изъ Моравiи о незаконномъ судѣ баварскихъ епископовъ надъ Меѳодіемъ. Это уже было явное нарушеніе правъ папы и оскорбленіе папскаго авторитета. Вѣдъ Меѳодій поставленъ архіепископомъ самимъ папой! Папа возмутился такимъ поступкомъ нѣмецкихъ епископовъ, а печальная судьба архіепископа паннono-моравскаго не могла не вызвати состраданія къ нему.

Какъ-бы тамъ ни было, папа Іоаннъ VIII рѣшилъ послати въ Германію, въ качествѣ своего легата, анконскаго епископа Павла, и написалъ кромѣ того отдѣльныя посланія королю Людовику и Карломану.

Баварскимъ епископамъ папа внушалъ помнити что для власти папскаго престола никакой давности несуществуетъ и дѣлалъ строжайшіе выговоры.

«Кто ссылается на число протекшихъ годовъ, — внушалъ папа чрезъ своего легата, — тотъ долженъ знати, что для такихъ случаевъ установленъ между христіанами извѣстный срокъ давности. Но гдѣ къ подобному вопросу примѣшивается ярость язычниковъ и невѣрныхъ, тамъ никакое число лѣтъ не уничтожаетъ правъ церкви, такъ какъ церковь не знаетъ земного оружія, и терпѣливо ожидаетъ отъ Господа, когда Ему

будетъ угодно помиловати Его церковь. Дѣйствительно, если въ подобныхъ случаяхъ обиліе годовъ имѣетъ значеніе, то самъ Господь подлежитъ порицанію за то, что освободилъ сыновъ Израиля отъ тягостной работы фараоновъ послѣ 430 лѣтъ. И самъ Спаситель вѣдь освободилъ же родъ человѣческій отъ власти ада по прошествіи столькихъ тысячелѣтній!...

»Вы безъ каноническаго приговора осудили епископа, посланнаго апостольскимъ престоломъ, бросили его въ тюрьму, били по щекамъ, отрѣшили отъ священнаго служенія... Вы сами не достойны явится на судъ, котораго вы стараетесь избѣгнути, а теперь притворяетесь, что ищете справедливости, но избѣгаете апостольскаго суда«...

Папа чрезъ своего легата отрѣшалъ противниковъ Меѳодія отъ священнослуженія за то, что они »лишили служенія достопочтеннаго мужа«. Въ случаѣ же, если они имѣютъ что-либо противъ Меѳодія, то папа предоставляетъ имъ право вмѣстѣ явится на судъ къ апостольскому престолу.

Германриху, епископу пассавскому, папа писалъ:

»Полагаемъ, что для оплакиванія твоей злобы не достало-бы и слезъ, какъ у пророка Іереміи. Своею лютою свирѣпостью ты превзошелъ злобу, не говорю, — епископа, но всякаго мірянина, даже тирана, и уподобился хищному звѣрю, когда брата и епископа нашего Меѳодія терзалъ тюремными муками, держалъ его

среди зимы, во время дождя, подъ открытымъ небомъ, отнялъ у него управленіе церковью, ему ввѣренной, и до того обезумѣлъ, что когда Меѳодій былъ привезенъ въ собраніе епископовъ, то бросился на него съ плетью, но былъ оставленъ другими... Епископскіе-ли это поступки? Именемъ Бога Всемогущаго и блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла и нашею властью лишаемъ тебя права совершати таинства и отрѣшаемъ отъ общенія со священствомъ, и если ты не явишься для отвѣта въ Римъ съ этимъ досточтимымъ епископомъ Павломъ, и съ самимъ святѣйшимъ братомъ нашимъ Меѳодіемъ, то будешь подвергнутъ наказанію, соотвѣтствующему твоимъ предступленіямъ«.

Еще строже и внушительнѣе писалъ папа фрейзингенскому епископу Ганнону, вдвойнѣ провинившемуся предъ папой:

»Наглость твоя и дерзость превосходятъ не только облака, но и самое небо. Присвоивъ себѣ власть апостольскаго престола, ты какъ какой-нибудь патріархъ, позволилъ себѣ судити архіепископа, и, что еще важнѣе, присвоилъ власть надъ братомъ своимъ архіепископомъ Меѳодіемъ, легатомъ апостольскаго престола, при чемъ дѣйствовалъ, какъ тиранъ и совсѣмъ несогласно съ канонами, чѣмъ нанесъ оскорбленіе апостольскому престолу. Когда же Меѳодій просилъ, согласно святымъ канонамъ, предстати на судъ святаго апостольскаго престола, ты ему того не дозволилъ, но со-

гласившись съ своими сообщниками и приверженцами, ты произнесъ надъ нимъ какъ бы приговоръ которымъ онъ былъ отрѣшенъ отъ священодѣйствія и ввергенутъ въ тюрьму. Мало того: называя себя слугою св. Петра охраняющимъ его достояніе въ Германіи, ты не только не извѣстилъ насъ о страданіяхъ, которыя онъ претерпѣлъ въ темницѣ, закованный въ цѣпи, — твой братъ и соепископъ, легатъ нашего престола, высшее попеченіе о которомъ принадлежитъ намъ, — но когда ты былъ спрошенъ о немъ нашими въ Римѣ, ты нагло утверждалъ, что вовсе не знаешь его, между тѣмъ ты именно и естъ виновникъ, подстрекатель и изобрѣтатель всѣхъ его страданій. Вслѣдствіе всего этого, обязанъ ты явится въ Римъ безъ промедленія, — въ противномъ же случаѣ, послѣ сентября, ты подвергнешься отлученію отъ церкви, доколѣ не явишься съ повинною«.

Къ королю Германіи папа писалъ очень рѣзко:

»Многія разнообразныя и очевидныя указанія могли бы заставити твою мудрость признати, что Паннонская епархія искони находится въ распоряженіи апостольскаго престола, если только тебѣ не чужда божеская справедливость. На это указываютъ акты; это же подтверждается историческими документами. Только военныя смуты помѣшали нѣкоторое время апостольскому престолу посылати туда первосвященниковъ, — въ справедливости этого сомнѣваются одни

неучи... Права святой римсковой церкви, который мы Божіимъ соизволеніемъ служимъ, неотчуждаемы; ихъ не уничтожаетъ никакое время, никакое раздѣленіе государства не можетъ нанести ущерба тѣмъ правамъ. Наконецъ, и досточтимое римское право опредѣляетъ давность лишь сотнею лѣтъ«...

Въ письмѣ къ Карломану, которому по раздѣлу отца было предоставлено управленіе Баваріей, папа писалъ повелительнымъ тономъ:

»Іоаннъ епископъ преславному мужу Карломану, сыну возлюбленнаго сына нашего короля Людовика. Такъ какъ епископство Паннонское снова возвращено и нами вновь возстановлено, то братъ нашъ Меѳодій, поставленный апостольскимъ престоломъ въ архіепископы той провинціи, да исполняетъ свободно, по древнему обычаю, всѣ епископскія обязанности«.

Такія рѣшительныя дѣйствія папы заставили враговъ Меѳодія дати ему свободу. Король Людовикъ и Карломанъ подчинились волѣ папы, епископы баварскіе тѣмъ болѣе вынуждены были покоритися папскому велѣнію, но никакая папская угроза не могла побудити ихъ примиритися съ »братомъ своимъ« Меѳодіемъ, какъ внушалъ имъ папа, и предоставити ему спокойную дѣятельность въ славянскихъ земляхъ. Они затаили злобу противъ него и даже князю Коцелу, находившемуся въ нѣкоторой зависимости отъ короля, они угрожали большими непріятностями, т если онъимеъпр къ себѣ Меѳодія.

VII.

Весною 874 года моравскій народъ опять встрѣчалъ своего Архипастыря, возвратившагося изъ далекаго заключенія къ своей паствѣ. Сердечная и восторженная встрѣча народа служила для безвинно страдавшаго Архипастыря моравскаго утѣшеніемъ въ его скорби и придавала ему энергіи для его пастырской дѣятельности, не взирая на козни враговъ. Всюду въ моравской землѣ, по пути въ Велеградъ, преданные моравяне съ радостью встрѣчали Меѳодія, внимали его пастырскому слову и наставленію о христіанской жизни.

Радушно принялъ Меѳодія и князь Святополкъ.

Архипастырскую дѣятельность свою Меѳодій теперь сосредоточилъ въ Моравіи. Князь Коцелъ около того времени умеръ. Послѣ его смерти Паннонское княжество перешло къ нѣмцамъ: его подчинилъ своей власти Карломанъ, а управленіе поручилъ Арнульфу. Съ этой поры нѣмецкій элементъ въ Панноніи пріобрѣлъ новую силу, славянское-же населеніе этой области было недостаточно сплочено, чтобы могло съ успѣхомъ отстаивать интересы своей народности.

Въ Моравіи архипастырская дѣятельность Меѳодія развивалась съ большимъ успѣхомъ. »Съ того времени, замѣчаетъ одинъ бытописатель — начало сильно расти ученіе Божіе и умножатися число духовныхъ во всѣхъ городахъ, и язычники стали вѣровати въ истиннаго Бога, отпали отъ своихъ заблужденій; тѣмъ

болѣе стало расширяти свои границы моравское царство и враговъ своихъ побѣждати съ полнымъ успѣхомъ«.

Среди этихъ заботъ доброму пастырю приходилось вести неустанную борьбу съ нѣмецкимъ духовенствомъ и ихъ партіей, которую они успѣли образовати даже при дворѣ князя Святополка. Какъ мы видѣли, баварское духовенство, покорившись внѣшней силѣ, вело открытую борьбу и тайную вражду съ Меѳодіемъ, стараясь ему вредити и при дворѣ князя и среди народа. Въ народѣ они потворствовали разнымъ поступкамъ, предосудительнымъ съ точки зрѣнія христіанской, противъ которыхъ возставалъ Меѳодій, и льстили и потворствовали людскимъ страстямъ, лишь бы вызвати неудовольствіе противъ него при княжескомъ дворѣ. Они успѣли повліяти на князя и притянути его на свою сторону, чего нетрудно было достигнути съ такимъ княземъ, какъ Святополкъ, который былъ сильнымъ и могучимъ въ своей власти и политической независимости но не отличился внутренней правдой и, какъ мы уже сказали, не проникался сознаніемъ величія того дѣла, надъ утвержденіемъ котораго трудился его Архипастырь. Меѳодій съ смиреніемъ сносилъ обиды и оскорбленія и часто говаривалъ среди близкихъ ему людей:

— Не сяду я въ совѣтѣ злыхъ и со злодѣями не пребуду, но присоединюсь къ невиннымъ и окружу алтарь Бога моего.

Къ довершенію всѣхъ непріятностей, папа прислалъ запрещеніе славянскаго богослуженія, а требовалъ, чтобы оно совершалось на латинскомъ или на греческомъ языкѣ, — въ оправданіе своего требованія указывалъ на то, что во всемъ мірѣ только и совершается богослуженіе на этихъ двухъ языкахъ.

Меѳодій, впрочемъ, не обращалъ вниманія на эта папское запрещеніе, а продолжалъ по прежнему совершати богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Можетъ быти, Меѳодій своимъ проницательнымъ умомъ понималъ, что это запрещеніе вытекаетъ не изъ искренняго убѣжденія папы, а заключаетъ лишь уступку немецкой партіи, такъ сказати, для успокоенія умовъ, такъ какъ конечно, небезизвѣстно было папѣ, что вовсе не во всѣхъ странахъ совершается богослуженіе только на этихъ двухъ языкахъ и что всего нѣсколько лѣтъ назадъ, папа Адріанъ, послѣ обсужденія на соборѣ епископовъ, одобрилъ славянскія богослужебныя книги.

Святость жизни Меѳодія и его безкорыстное служеніе на пользу народа снискали ему славу далеко за предѣлами Моравіи. Вѣсти и разсказы о немъ проникали къ сосѣднимъ славянскимъ племенамъ: къ чехамъ и полякамъ. и съ другой стороны — въ земли придунайскія, даже къ венграмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ переносилось къ сосѣднимъ еще языческимъ славянскимъ народамъ и христіанство и славянское богослуженіе. Просвѣтительная дѣятельность Меѳодія захватывала и эти сосѣднія славянскія земли.

Разсказываютъ, что одинъ довольно могущественный князь привислимскихъ земель (польскихъ) ругался надъ христіанами и дѣлалъ имъ пакости. Меѳодій послалъ къ нему одного своего ученика съ увѣщаніемъ принять христіанство.

— Хорошо было-бы для тебя, сынъ мой, креститися добровольно въ твоей землѣ, иначе ты будешь взятъ въ плѣнъ и принужденъ будешь креститися на чужой землѣ; помни мое слово! — велѣлъ передати ему Меѳодій.

Разсказываютъ еще, что венгерскій князь прослышавъ объ этомъ святомъ и мудромъ человѣкѣ, будучи близко границъ Моравіи, пожелалъ видѣть его. Приближенные Меѳодія, боявшіеся за судьбу своего великаго учителя, убѣждали его не ѣхать къ князю венгерскому. Но Меѳодій отправился. Венгерскій князь принялъ его почетно и съ большимъ уваженіемъ, бесѣдовалъ съ нимъ, а на прощаніи одарилъ его подарками и просилъ молитися за него;

— Поминай меня, честный отецъ, въ твоихъ святыхъ молитвахъ, — сказалъ онъ.

Особенно Меѳодій простиралъ свою просвѣтительную заботливость на сосѣднія чешскія земли, частью входившія въ составъ моравскаго княжества, частью прилегавшія къ его границамъ.

VIII.

Гой, Влетава! Что ты волны мутишь,
Сребропѣнныя что мутишь волны?
Подняла-ль тебя, Влетава, буря,
Разогнавъ съ небесъ широкую тучу?
Изъ чешской народной поэмы.

Въ чешкихъ земляхъ нѣмецкое духовенство также мало имѣло успѣха, какъ и въ Моравіи, хотя въ Чехію, какъ въ страну, соприкасающимся съ нѣмецкимъ населеніемъ, нѣмецкіе миссіонеры проникли гораздо раньше. И здѣсь западные миссіонеры прокладывали дорогу нѣмецкому владычеству и наплыву въ страну нѣмецкаго элемента, а благодатное воздѣйствіе вѣры христіанской сопровождалось грозой нѣмецкаго оружія и бурей народныхъ волненій. Когда въ 845 году четырнадцать знатныхъ чешскихъ леховъ приняли крещеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и политическое подчиненіе королю Людовику, — народъ возсталъ противъ нихъ и изгналъ ихъ. Король Людовикъ заступился за леховъ и велъ съ чехами упорную и продолжительную войну, которая продолжалась около двадцати лѣтъ. Въ Чехіи духовенство зальцбургской архіепископіи также мало проникалось сознаніемъ народной пользы и идеей безкорыстнаго служенія христіанской проповѣди.

Народъ питалъ непріязнь къ своимъ нѣмецкимъ непрошеннымъ просвѣтителямъ, а продолжительная борьба съ ними еще болѣе усиливала враждебныя народныя чувства Эти чувства народа къ пришлымъ чу-

жеземцамъ выразились въ народныхъ древнѣйшихъ поэмахъ (въ Кралеводворской и Зеленогорской рукописяхъ); такъ, въ одной поэмѣ (»Забой«) народный поэтъ говоритъ:

Нашъ отецъ ушелъ къ отцамъ
И дѣтей покинулъ малыхъ
И подругъ своихъ покинулъ,
Не сказавши никому;
Братъ! поди, поговорити ты съ ними,
Какъ отецъ съ родимою семьей!
И пришелъ чужой въ предѣлы наши;
Зашумѣлъ на насъ нужою рѣчью,
Ясныхъ кречетовъ изъ бору выгналъ
И боговъ, что на чужбинѣ,
Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
И святыя сожигать имъ жертвы;
А своимъ никто не смѣй молиться,
И въ сумракѣ приносить имъ пищу.
Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу, —
Тамъ посѣкъ онъ священныя деревья
И боговъ онъ ниспровергнулъ.

Это »чужой«, »зашумѣвшій чужой рѣчью«, — нѣмецкій проповѣдникъ, унитожившій силою оружія священныя рощи и насиліемъ привлекавшій славянина въ христіанскую вѣру, — онъ насильно ниспровергъ народныхъ боговъ и уничтожилъ священныя рощи, но онъ не далъ народу христіанской вѣры такъ, чтобы народъ могъ ее принять и усвоити. Этотъ »чужой» еще простеръ свою руку на народную свободу и его независимость, и народъ, вмѣсто мирнаго просвѣщенія христіанской вѣрою и мирной жизни съ своими нѣмецкими сосѣдями, велъ усиленную съ ними борьбу и ненавидѣлъ ихъ:

Братъ! вотъ эти лиходѣи,
Что богъ у насъ низвергли,
Порубили бощи наши,
Ясныхъ кречетовъ прогнали!
Намъ пошлютъ побѣду боги!
Братъ! ужъ вотъ она вершина,
Гдѣ намъ боги шлютъ побѣду!
Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
И порхаютъ по деревьямъ; —
Погребять пойдемъ убитыхъ,
Да боговъ своихъ покормимъ,
Принесемъ больнія жертвы
Имъ, спасителямъ народа,
Возгласимъ мы честь и славу!..

И въ дубраву другъ за другомъ шумно
Поднимались (воины), бряцая мечами.
Каждый воинъ обходилъ вершину
И богамъ провозглашалъ онъ славу;
Проходя, мечемъ не медлилъ брякнуть..

Но пора и въ битву съ супостатомъ!
На коня садись-ка ты лихого,
Да лети ты черезъ боръ оленемъ.

Народные пѣвцы, вмѣстѣ съ пѣснями разносили по странѣ силу и отвагу для отпора чужеземцамъ, — вдохновенные звуки пѣсни разжигали народное сердце и укрѣпляли духъ свободы, — только сила оружія заставляла чеховъ въ большинствѣ случаевъ покоритися, но никакой вражій мечъ не въ силахъ былъ убить духъ народный!

Иначе относились чехи къ славянскимъ наставникамъ вѣры, прибывавшимъ изъ Моравіи. Меѳодій самъ былъ въ Чехіи и часто посылалъ туда своихъ учениковъ — славянскихъ священниковъ. Князь чешскій Боривой вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Моравіи

построилъ въ г. Прагѣ церковь во имя св. Дѣвы. Церковь была окружена деревянной оградой (тыномъ). Въ этой церкви совершалось славянское богослуженіе и въ послѣдующее время она служила опорой въ національномъ чувствѣ чеховъ, стоявшихъ за свою независимость въ борьбѣ съ нѣмцами.

Но и здѣсь, какъ и въ Моравіи, баварское духовенство нагоняло съ нѣмецкой стороны буйны вѣтры, которые расшатывали устойчивость, а по мѣстамъ, совсѣмъ разносили зданіе христіанской вѣры, созидавшееся трудами славянскихъ первоучителей.

VIII.

— А вѣдь, княже, ни одинъ изъ священниковъ твоего Меѳодія не можетъ тебѣ служити, когда тебѣ случится что-либо написати, вотъ какъ теперь, — сказалъ лукаво придворный священникъ князя Святополка, венеціанецъ (итальянецъ) Іоаннъ, закончивъ письмо на латинскомъ языкѣ отъ имени князя къ Арнульфу, герцогу Каринтіи, съ которымъ князь былъ въ большой дружбѣ.

— Да что и говорити, — продолжалъ онъ, — запечатывая восковой печатью письмо, всѣ они неучи: грамоту латинскую рѣдко кто изъ нихъ знаетъ. Самъ, княже, вѣдаешь, что святѣйшій отецъ-папа повелѣлъ читати на литургіи Апостолъ и Евангеліе на священномъ латинскомъ языкѣ, а что-же! какъ начнетъ ко-

торый читати, то только Бога гнѣвитъ, а многіе совсѣмъ не читаютъ... Не слушаетъ Господь Богъ молитвъ такихъ священниковъ! съ притворнымъ умиленіемъ закончилъ Іоаннъ, и взглянулъ на князя.

— Да еще скажу, княже, что, кажется, Меѳодій не правой вѣры держится, проповѣдуетъ не такъ, какъ учитъ святая римская церковь. Объ этомъ тебѣ можетъ сказати и пресвитеръ Викингъ, котораго ты самъ уважаешь, — добавилъ, какъ-бы вскользъ, Іоаннъ съ хитрой цѣлью и съ недобрымъ намѣреніемъ...

Искра сомнѣнія пала на сердце князя Святополка. Князь, какъ мы говорили, не обладалъ возвышеннымъ пониманіемъ христіанской вѣры и просвѣщенія своего народа. Онъ больше руководствовался расчетами политической выгоды и укрѣпленіемъ своей власти.

Князь дружилъ съ нѣмцами и при дворѣ у него нѣмецкое вліяніе было довольно сильно. Съ герцогомъ Баварскимъ Карломаномъ, сыномъ короля Людовика, онъ поддерживалъ добрыя пріятельскія связи, а съ Арнульфомъ, сыномъ Карломана, былъ въ большой дружбѣ, — оба они даже покумились. Святополкъ крестилъ у него сына, который въ честь крестнаго отца названъ былъ Святополкомъ. При дворѣ князя всегда бывали представители того или другого герцога, прибывавшіе по разныхъ дѣламъ, а въ княжествѣ удерживались еще ловкіе нѣмецкіе священники, умѣвшіе снискати княжество довѣріе. Къ числу послѣднихъ при-

надлежалъ и пресвитеръ Викингъ, родомъ швабъ, который перешелъ къ Святополку, отъ герцога Арнульфа, по рекомендаціи послѣдняго.

Викингъ, конечно, былъ на сторонѣ нѣмецкихъ интересовъ и при дворѣ князя интриговалъ противъ Меѳодія. На сторонѣ этихъ интересовъ былъ также и Іоаннъ, исполнявшій порученія князя по части письменныхъ сношеній съ разными лицами, такъ какъ всѣ такіе пимсьма и документы писались въ то время на латинскомъ языкѣ. Эти лица пользовались при дворѣ князя своимъ положеніемъ, чтобы вызвати здѣсь неудовольствіе противъ Меѳодія, и при всякомъ удобномъ случаѣ старались внушити князю подозрѣніе въ законности и правильности пастырской дѣятельности Архіепископа Моравскаго.

Сторонники нѣмецкаго духовенства не упускали случаевъ льистити самолюбію и страстямъ князя и его придворныхъ и допускати всякія поблажки грубымъ наклонностямъ княжеской придворной дружины, которая такъ-же, какъ самъ суровый и грубый князь, отличалась больше доблестями на ратной полѣ и отвагой храбрыхъ воиновъ, чѣмъ христіанскими добродѣтелями. Меѳодій считалъ своимъ долгомъ говорити правду, и не потворствовать княжескому двору. Этимъ и пользовались его враги при княжескомъ дворѣ.

Князь и его знатные моравяне, состоя въ дружбѣ съ нѣмецкими герцогами, подражали въ своихъ при-

дворныхъ порядкахъ нѣмецкимъ пріятелямъ, не исключая также и богослужебной обстановки и латинскаго языка при церковномъ богослуженіи, чему, конечно способствовали два иностранныхъ придворныхъ священника: Викингъ и Іоаннъ. Постепенно и какъ-бы не замѣтно, стали ходити при дворѣ князя разговоры о заблужденіяхъ Меѳодія въ противность ученію западной церкви. Говорили, что Меѳодій и самъ не такъ вѣруетъ какъ слѣдуетъ, и другихъ неправильно учитъ.

Откуда исходили эти слуги и разговоры? Конечно, распространяли ихъ тѣ лица, которыя держались того, чему научились на западѣ или у нѣмецкихъ наставниковъ вѣры. Въ числѣ такихъ лицъ не послѣднее мѣсто занимали, баварскіе священники и Викингъ и съ ними Іоаннъ.

Чаще и чаще стали говорить князю о »еретичествѣ« Меѳодія и о его якобы вредномъ ученіи. Къ этому присоединяли еще его будто-бы непокорность святѣйшему отцу, папѣ, римскому, такъ какъ новый папа, какъ мы говорили, запретилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но этому запрещенію не слѣдовалъ Меѳодій, вѣрный святому дѣлу христіанскаго просвѣщенія моравскаго народа.

Князь сначала мало обращалъ вниманія на толки объ »еретичествѣ« своего Архіепископа. Онъ не входилъ въ эти религіозныя тонкости.

Но жалобы нѣмецкихъ епископовъ, когда князю

приходилось встрѣчатися съ ними на разныхъ съѣздахъ и сеймахъ нѣмецкихъ владѣтелей, и вліяніе придворной нѣмецкой партіи заставили князя относитися подозрительно къ моравскому Архипастырю.

— Княже, глубишь свою душу, — говорили не разъ Святополку Викингъ и Іоаннъ, возбуждая его противъ Меѳодія.

То-же твердили ему и баварцы.

Князю совѣтовали обратитися къ папѣ. Можетъ быти венеціанецъ Іоаннъ самъ первый подалъ эту мысль и можетъ быти даже вызвался услужити князю своей поѣздкой къ папѣ. Отчего-бы въ самомъ дѣлѣ не побывати на княжекія средства на родинѣ, да еще заслужити благоволеніе святѣйшаго отца!

Какъ-бы тамъ ни было, но въ одно нехорошее для Моравіи время князъ позвалъ къ себѣ Іоанна и поручилъ ему отправитися въ Римъ къ папѣ за разрѣшеніемъ его недомѣнія по церковнымъ дѣламъ Моравіи и особенно о правильности ученія Архіепископа моравскаго Меѳодія.

IX.

Въ 879 г. изъ Рима получилось въ Велеградѣ два посланія: одно къ князю Святополку, другое Меѳодію.

Папа Іоаннъ VIII писалъ князю:

»Іоаннъ епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, Свято-

полку моравскому. Мы желаемъ извѣстити Васъ, что мы, Божіею милостію, намѣстникъ князя апостостовъ, блаженнаго Петра, васъ, какъ любезнѣйшаго сына, благочестивою любовью обнимаемъ и отеческою привязанностью любимъ и въ нашихъ непрестанныхъ молитвахъ поручаемъ васъ всѣхъ Господу Іисусу Христу, молясь постоянно за васъ, да всемогущій Господь, просвѣтившій сердце ваше и наставшій васъ на путь, истины, укрѣпитъ васъ въ добрыхъ дѣлахъ и да удостоитъ довести васъ до конца въ правой вѣрѣ и при томъ изукрашеннаго добрыми дѣлами и невредимаго. Но вы колеблетесь въ доброй вѣрѣ, какъ мы узнали то изъ донесенія пресвитера Іоанна, котораго вы къ намъ прислали. Мы увѣщаемъ вашу любовь, чтобы вы были тверды въ томъ и вѣрили въ то, что святая римская церковь приняла отъ самого апостольскаго князя, неизмѣнно сохранила и сохранитъ до конца вѣка. И церковь разсылаетъ каждодневно по всему міру слова святой вѣры и истинныя сѣмена проповѣди, чему, какъ вамъ извѣстно, наши предшественники, святые представители апостольскаго престола съ самаго начала учили вашихъ отцевъ. Если-же то, вашъ-ли епископъ, или другой какой священникъ дерзнетъ иначе получити или иначе проповѣдывати, то со священнымъ рвеніемъ единодушно и единомышленно отвергните ложное ученіе, но стойте и держите преданіе апостольскаго престола. Но мы очень удивились, услышавъ, что Меѳодій, вашъ

архіепископъ, который былъ рукоположенъ и посланъ къ вамъ нашимъ предшественникомъ, именно папою Адріаномъ, иначе учитъ, чѣмъ онъ исповѣдалъ устно и письменно предъ апостольскимъ престоломъ. Поэтому-то мы послали къ нему, чтобы онъ безостановочно прибылъ къ намъ, чтобы намъ услышати изъ его устъ, такъ-ли онъ держитъ и вѣруетъ, какъ онъ исповѣдалъ, или нѣтъ. Дано въ XIV день іюльскихъ календъ, индикта XII«.

Архіепископа моравскаго папа вызывалъ къ себѣ въ Римъ на судъ. Грозное посланіе папы повелѣвало ему, »ни мало не медля«, отправитися къ апостольскому престолу.

»Іоаннъ епископъ, — писалъ папа, — рабовъ Божіихъ, досточимому Меѳодію, архіепископу Паннонской церкви. Хотя ученіями твоей проповѣди ты долженъ-бы вести къ спасенію и наставляти народъ Божій, ввѣренный тебѣ какъ духовному пастырю, однако мы слышали что ты распространяешь не то ученіе, которое святая римская церковь приняла отъ самого князя апостоловъ и которое она ежедневно проповѣдуетъ, и тѣмъ вводишь народъ въ заблужденіе. Поэтому мы симъ посланіемъ нашего апостольства тебѣ повелѣваемъ, ни мало не медля позаботитися тотчасъ явитися къ намъ, чтобы мы изъ твоихъ устъ услышали и узнали, такъ-ли ты исповѣдуешъ и такъ-ли проповѣдуешь, какъ устно и письменно обѣщалъ ты вѣрити святой римской

церкви, или нѣтъ, такъ чтобы мы точно познали твое ученіе. Также слышали мы, что ты поешь литургію на варварскомъ, то есть на славянскомъ языкѣ. Потому-то мы уже нашимъ письмомъ, отосланнымъ къ тебѣ чрезъ Павла, епископа Анконскаго, запрещали совершати божественныя службы на этомъ языкѣ, но или на латинскомъ, или на греческомъ, какъ-то поетъ церковь Божія, раздѣленная по всему земному шару и распространенная у всѣхъ народовъ; проповѣдывати-же или говорити полученія къ народу на славянскомъ языкѣ тебѣ дозволяется, такъ какъ псалмопѣвецъ увѣщеваетъ всѣ племена восхваляти Бога, и Апостолъ говоритъ: всякъ языкъ да испѣстъ яко Господь Іисусъ во славу Бога Отца. Данъ въ XIV день іюльскихъ календъ, индикта XII-е.

Печально и тяжело было Архипастырю читати это неожиданное письмо папы. Видно было, что кто-то оклеветалъ его. Не трудно было Меѳодію догадатися, откуда исходитъ эта клевета, если ему раньше неизвѣстно было все, что дѣлалось при княжескомъ дворѣ.

Не теряя напрасно времени, Меѳодій отправился въ далекій путь. Это было его второе путешествіе въ Римъ. Первое путешествіе кончилось для Моравіи благополучно. Но съ той поры много воды унесла Морава въ широкій Дунай, и Тибръ въ необъятное море, — многое измѣнилось въ Велеградѣ и въ Римѣ. Уже по запрещенію папой славянскаго богослуженія въ Мора-

вій можно было догадыватися, съ какой стороны вѣтеръ дуетъ и какія облака онъ пригонитъ. Ужъ не съ баварскихъ-ли горъ онъ дуетъ? уже не грозу-ли онъ нагонитъ?

Вмѣстѣ съ Меѳодіемъ отправился въ Римъ вассалъ моравскаго князя Симизиснъ и пресвитеръ Викингъ, котораго князя Святополкъ желалъ видѣти епископомъ.

X.

»Мы же, находя его православнымъ въ всѣмъ церковныхъ ученіяхъ и полезнымъ для всѣхъ церковныхъ надобностей, отсылаемъ его вамъ назадъ для дальнѣйшаго управленія предоставленною ему церковію, и мы приказываемъ вамъ приняти его, какъ собственнаго вашего пастыря, съ почестями, должнымъ вниманіемъ и радостью, такъ какъ мы повелѣніемъ нашей апостольской власти утвердили за нимъ привилегію его архіепископства, и опредѣлили, что это при помощи Божіей должно оставитися на вѣки нерушимымъ, подобно тому какъ властью нашихъ предшественниковъ постановлены и утверждены права и привилегіи всѣхъ церквей Бога, именно, чтобы Меѳодій старательно, какъ-бы предъ очами Бога, испольнялъ свою духовную обязанность сообразно каноническому преданію. Ибо народъ Божій вѣренъ ему и за нихъ души отдастъ онъ отчетъ Богу. Также и пресвитера, именемъ Викинга,

котораго ты прислалъ къ намъ, избравъ во епископы святой Нитранской церкви, мы рукопожили, и мы повелѣваемъ чтобы онъ во всемъ былъ послушенъ своему архіепископу, какъ то учитъ святой канонъ, и мы желаемъ, чтобы ты съ согласія и по предусмотрительному выробу самаго архіепископа прислалъ къ намъ въ удобное время и другого годнаго пресвитера или дьякона, котораго мы могли-бы также точно поставити для другой церкви, для которой по твоему усмотрѣнію необходимо епископское попеченіе, такъ чтобы вашъ вышеназванный архіепископъ могъ въ послѣдствіи, при помощи этихъ двухъ нами поставленныхъ епископовъ, посвящати согласно апостольскому опредѣленію и на другія мѣста, гдѣ епископы должны и могутъ жити съ почетомъ. Мы постановляемъ, что пресвитеры, дьяконы и клирики всякихъ чиновъ, славянскаго и другого какого-либо племени, живущіе въ предѣлахъ твоей области, должны подчинятися и во всемъ повиноватися собрату нашему, вашему архіепископу, такъ что они ничего не должны дѣлати безъ его вѣдома. Если-же упрямые и непослушные дерзнутъ произвести соблазнъ, или расколъ, и если они нисколько не исправятся послѣ перваго и второго увѣщанія, то такіе, въ силу нашего повелѣнія и въ силу тѣхъ статей, которыя мы Меѳодію передали и вамъ послали, должны быти изгнаны изъ церкви и изъ предѣловъ вашихъ, какъ сѣятели плевелъ. Наконецъ славянскія письмена, нѣкогда

изобрѣтенныя Константиномъ Философомъ для того, чтобы ими возглашати должныя хвалы Богу, мы справедливо похваляемъ, и мы приказываемъ, чтобы на этомъ языкѣ были излагаемы проповѣди и дѣянія Господа нашего Христа. Ибо не на трехъ только, но на всѣхъ языкахъ побуждаемся мы священною властью славословити Бога, властію, которая предписываетъ, говоря: хвалите Господа вси языцы и восхвалите его вси людіе. И Апостолы, исполненные Св. Духа, глаголаху всѣми языки величія Божія. Поэтому и Павелъ небесною трубою звучитъ, увѣщевая: всякъ языкъ да исповѣсть, яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца. Объ этомъ языкахъ поучаетъ и увѣщеваетъ онъ насъ обстоятельно и очевидно въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ; да глаголя языцы созиждемъ церковь Божію. И для истиной вѣры и истиннаго ученья нисколько не служитъ препятствіемъ, поются-ли литургіи на славянскомъ языкѣ, читаются-ли св. Евангеліе и Божественная чтенія Ветхаго и Новаго Завѣта, и поются-ли всѣ другіе часы, хорошо переведенные и истолкованные, на этомъ именно языкѣ: ибо Тотъ, Кто сотворилъ три главные языка, именно еврейскій, греческій и латинскій, Тотъ создалъ и всѣ другіе на хвалу и славу Себѣ. Однако-же мы повелѣваемъ, чтобы во всѣхъ церквахъ нашей области, ради большаго уваженія, Евангеліе читалось на латинскомъ языкѣ и затѣмъ возвѣщалось переведенное на славянскій языкъ

слуху народа, не понимающаго латинскихъ словъ, какъ-то, кажется, и дѣляется въ нѣкоторыхъ церквахъ. И если тебѣ и твоимъ вельможамъ нравится болѣе слушати обѣдню на латинскомъ языкѣ, то мы повелѣваемъ, чтобы для тебя служилась литургія на латинскомъ языкѣ. Данъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, индика XIII«.

Такъ писалъ папа князю Святополку.

Коварный Викингъ еще по пути въ Велеградъ пустилъ молву, что Меѳодія папа осудилъ и повелѣлъ изгнати изъ Моравіи, а его, какъ вѣрнаго ученію римской церкви, поставилъ во главѣ Паннono-Моравской Архіепископіи. Въ Велеградѣ онъ еще больше распространялъ ложныя вѣсти на счетъ Меѳодія. Онъ даже говорилъ, что у него есть особая булла папы, утверждающая его и осуждающая Меѳодія, и что-то такое въ этомъ родѣ, сочиненное имъ самимъ, кажется, показывалъ приближеннымъ князя и многимъ другимъ моравянамъ. Хитрый и льстивый швабъ, а съ нимъ и его нѣмецкіе сторонники успѣли даже навести сомнѣніе на князя, хотя у послѣдняго было несомнѣнное папское посланіе, изъ котораго истина выступала съ полной силой.

Меѳодій, узнавши все это, счелъ необходимымъ обратитися къ папѣ съ просьбой указати, дѣйствительно-ли папа писалъ князю Святополку все то, что выдаетъ его викарный Викингъ, какъ папское посланіе.

Черезъ нѣсколькою мѣсяцевъ Меѳодій получилъ

посланіе, въ которомъ папа извѣщалъ его, что ничего подобнаго ни было и не могло быти. »Вообще, не печалься о другихъ искушеніяхъ, которымъ такъ или иначе подпалъ«, утѣшалъ папа въ заключеніе.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

I.

— Прощай, Власта, пора мнѣ спѣшитъ на княжій дворъ, завтра всѣ выступаемъ изъ Велеграда, — говоритъ молодой княжескій дружинникъ, прощаясь съ своей женой.

— Не торопись! Можетъ, ты въ послѣдній разъ прощаешься со мной, можетъ, я тебя и не увижу больше...

— Нельзя, пора... Князь очень строгъ въ военномъ походѣ, а теперь онъ гнѣвенъ, сердце его пылаетъ местью къ своему недавнему другу. Вотъ такъ дружба! — усмѣхнулся Незамыслъ, — такъ назывался молодой моравянинъ.

— Я буду ходити къ священной липѣ, что на пригоркѣ на берегу Моравы, и тамъ буду за тебя молитися, какъ я съ матерью туда ходила, когда отецъ мой съ дружиной князя Ростислава воевалъ противъ нѣмцевъ.

— Нѣтъ, не ходи туда... Нехорошо это... Ты слыхала, какъ нашъ добрый отецъ Меѳодій говорилъ, что нехорошо христіанамъ туда ходити молитися... подъ липами, а надо въ церкви молитися.

— О, я буду за тебя молитися! Я буду молитися святой Дѣвѣ, о которой Меѳодій говорилъ, что она такая добрая, милостивая къ христіанамъ и молится за нихъ предъ Богомъ.. Вотъ я и буду ее умоляти, чтобъ она тебя сохранила и помогла тебѣ побити нѣмцевъ... чтобъ она возвратила тебя ко мнѣ... — сказала со слезами Власта, прощаясь со своимъ супругомъ.

Незамыслъ спѣшилъ на княжескій дворъ. Тамъ шли приготовленія къ завтрашнему походу. Отовсюду доносилось бряцаніе оружія и звукъ отрой стали, оттачиваемой заботливымъ воиномъ еще острѣе. Кто не успѣлъ или не позаботился раньше о своемъ оружіи, теперь спѣшно готовилъ его: чистили и острили мечи и бердыши, пробовали размахъ и силу удара, и въ мощныхъ рукахъ моравскихъ воиновъ и мечи и бердыши разсѣкали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ.

— Вотъ такъ, добро!! — отозвалось съ восторгомъ нѣсколько голосовъ, когда одинъ моравянинъ, пробуя силу размаха, хватилъ своимъ бердышемъ по толстому деревянному обрубку такъ, что онъ сразу раскололся на-двое.

— Вотъ бы по нѣмецкой головѣ! Добро!! — отвѣтилъ тотъ, и глаза его засверкали.

Другіе осматривали свои военные доспѣхи. Давно они лежали безъ употребленія... Лѣтъ десять, какъ войны не было съ нѣмцами... И теперь, вычищенные и блестящіе, эти неразлучные спутники воина въ битвѣ и защита отъ вражьяго удара, точно повеселѣли...

Изъ обширныхъ княжескихъ кладовыхъ и амбаровъ выносили разные продукты для войска и нагружали большія ладьи на рѣкѣ Моравѣ. Отсюда они должны были спуститися въ Дунай и по Дунаю поднятися вверхъ. Нагружали телѣги, — готовился громадный обозъ, который долженъ былъ слѣдовати за княжеской дружиной, увеличенной въ нѣсколько разъ притокомъ свѣжихъ силъ.

Князь Святополкъ, самъ отважный воинъ, проведшій многіе годы въ войнахъ съ нѣмцами въ княженіе своего дяди Ростислава, распоряжался. Въ немъ горѣлъ воинскій пылъ, а звуки военнаго оружія и вся военная обстановка заставляли сильнѣе битися его сердце, въ которомъ засѣли враждебныя чувства къ его недавнему еще другу герцогу Арнульфу. Противъ него онъ теперь собралъ много войска, а храбрыхъ моравянъ онъ знаетъ: не разъ онъ съ нимъ бывалъ въ бою и прогонялъ нѣмецкіе полки Людовика и Карломана! Почти десять лѣтъ нѣмцы не наступали войной на Моравію и, послѣ смутнаго времени, когда не стало князя Ростислава, княжество Моравское успѣло оправитися и снова окрѣпнути.

II.

Святополкъ направлялся съ войскомъ въ Восточную марку, въ область, принадлежавшую верховной власти Арнульфа.

Послѣ смерти графовъ Вильгельма и Энгильскалька, которые получили владѣнія отъ короля въ одно время съ Святополкомъ, ихъ области переданы были въ другія властныя руки, — графу Арибо. Сыновья графовъ потребовали возвращенія отцовскаго наслѣдія, но Арибо не уступалъ. Въ то время короля Людовика не было въ живыхъ: онъ еще въ 876 году отправился въ вѣчный покой, и всѣ знали, что онъ оттуда не возвратится, а потому не очень заботились о соблюденіи сдѣланныхъ имъ когда-то постановленій, особенно, когда дѣло касалось власти и доходовъ. Не было тогда на свѣтѣ и Карломана, умершаго въ 880 году. На мѣсто его сосѣдомъ Моравіи сдѣлался Людовикъ младшій, но и этотъ властелинъ скоро — чрезъ два года — оставилъ не только Баварію и сосѣдство съ Моравскимъ княжествомъ, но и сей бренный міръ, тоже чтобъ больше въ него не возвращатися, — короче сказати, — умеръ въ 882 году. Королемъ былъ Карлъ Толстый, который любилъ покой отдыхъ, спокойствіе и питаніе, — не чрезмѣрно, а посколько оно было ему необходимо. Король, хотя считался формально верховнымъ главой Моравіи, но не чувствовалъ склон-

ности проявляти какъ-либо это свое главенство, оттого Святополкъ былъ съ нимъ въ мирѣ и согласіи.

Король Карлъ поддерживалъ Арибо; Арнульфъ, владѣвшій Панноніей и Каринтіей, содѣйствовалъ сыновьямъ графа Энгильскалька. Арибо сошелся съ Святополкомъ. Послѣднему выгодно было имѣти на своей сторонѣ ближайшаго сосѣда по владѣніямъ и потому онъ оказывалъ ему помощь. Когда Арибо былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній, Святополкъ озлился на своего бывшаго пріятеля Арнульфа и въ 882 году выступилъ противъ него съ войскомъ.

На лѣвомъ берегу Дуная онъ встрѣтился съ непріятельскимъ войскомъ и разбилъ его, захватилъ въ плѣнъ двухъ графовъ Верингара и Везило — и суровый князь вымстилъ на нихъ свою злобу. Затѣмъ вторгся въ Восточную марку и, по обычаю тою времени, опустошилъ ее. Арнульфъ заступился за побѣжденныхъ сыновей графа и ихъ сторонниковъ, а Святополкъ пошелъ далѣе, уже во владѣнія Арнульфа, и сильно опустошилъ Панноніо, хотя эта страна тѣмъ только была повинна предъ нимъ, что принадлежала Арнульфу. Этотъ военный походъ тянулся весь 883 годъ. Въ 884 году Святополкъ, не получивши удовлетворенія отъ Арнульфа, снова вторгся въ Панноніо и подвергъ эту страну еще большему разоренію и бѣдствіямъ, въ отместку Арнульфу за набѣгъ на Моравію болгаръ, въ чемъ онъ винилъ своего пріятеля. Хотя Панноніа, на-

ходившаяся въ церковномъ единеніи съ Моравіей подъ архіепископскимъ управленіемъ Меѳодія, также неповинна была въ дѣяніяхъ Арнульфа и даже не справлялась, что онъ думалъ или что затѣвалъ, но по страннымъ превратностямъ судьбы должна была нести кару за тѣхъ, кому она была подвластна, и за нѣмецкія дѣянія. Къ сожалѣнію, Святополкъ не щадилъ страны, принадлежавшей его архіепископіи и населенной близкими ему славянами, а зналъ только, что она не принадлежитъ его княжеству. Впрочетъ, тогда, — какъ и раньше, какъ и послѣ, какъ и теперь бываетъ — война не различала враждебныхъ лицъ отъ подвластныхъ имъ народовъ и не различала *своихъ* и *чужихъ*, а различала тольло границы владѣній воюющихъ сторонъ.

Арнульфъ не могъ одолѣти Святополка. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта война, если бы посредникомъ не выступилъ король Карлъ Толстый. Онъ явился въ Восточную марку и пригласилъ Святополка для переговоровъ. Миръ былъ заключенъ съ выгодой для Моравскаго князя, который расширилъ границы своего княжества на счетъ Панноніи. Арнульфъ вынужденъ былъ съ этимъ согласитися, и чрезъ нѣкоторое время опять сблизился съ сильнымъ Моравскимъ княземъ. Но это сближеніе было весьма вредно для Моравіи, хотя и увеличивало могущество ея князя. Сближаясь съ нѣмцами и содѣйствуя Арнульфу, Свя-

тополкъ съ одной стороны способствовалъ возвышенію злѣйшаго врага славянскаго квяжества, а съ другой — незамѣтно для самого себя подтачивалъ основы, положенныя трудами Солунскихъ братьевъ, для укрѣпленія въ странѣ народныхъ славянскихъ силъ и обезпеченія ея національной самостоятельности.

III.

Много народа около соборной церкви, гдѣ служилъ Меѳодій по возвращеніи изъ Царьграда. Торжественная служба престарѣлаго архипастыря въ новомъ роскошномъ облаченіи, привезенномъ имъ изъ Царьграда, благолѣпіе храма, обновленнаго тоже привезенной роскошной церковной обстановкой и богослужебными принадлежностями, блескъ золота, серебра, парчи, — все это производило сильное впечатлѣніе на моравянъ. Праздничное настроеніе ихъ возвышалось еще сознаніемъ національной гордости, которую вызывали и христіанское благолѣпіе Велеградскихъ церквей и вѣсти о побѣдахъ князя Святополка надъ нѣмцами.

Народъ расходился небольшими кучками и толковалъ про то, что въ Велеградѣ давно уже служило предметомъ разныхъ толковъ и слуховъ.

— Сказывали, будто нашъ добрый пастырь не вернется, тамъ ему ужъ и конецъ будетъ... а вотъ вышла неправда.

— Да я то слыхалъ на княжьемъ дворѣ, что

папа велѣлъ изгнати нашего отца Меѳодія, да какъ вѣсть дошла до него о томъ, онъ и уѣхалъ, а тамошній царь, говорили, »гнѣвается на него, и что если найдетъ его, то не быть ему въ живыхъ«.

— А вотъ враки все... Царь и патріархъ какіе подарки дали для церквей! кабы гнѣвался, то не далъ-бы... А какъ въ церкви было хорошо... Да, что-то немощенъ становится нашъ учитель...

— Что-жъ? 70 лѣтъ старику... много трудился... Говорятъ, книги все новыя пишетъ, чтобы по нимъ въ церквахъ читали.

Подъ тѣнью вѣтвистыхъ липъ, на площади, недалеко отъ княжескаго двора, расположилось нѣсколько человѣкъ. Межъ ними одинъ старикъ, съ длинными сѣдыми усами, ведетъ разказъ, какъ онъ еще при князѣ Ростиславѣ, лѣтъ двадцать назадъ, встрѣчалъ Меѳодія, когда онъ первый разъ прибылъ въ Велеградъ съ княжествами послами.

Съ той поры много перемѣнъ произошло.

— А какъ-же это говорятъ, что папа велѣлъ изгнать Меѳодія за то, что онъ нехорошо учитъ, — не такъ, какъ надо? — спросилъ старика одинъ изъ собезесѣдниковъ.

— А намъ давно говорили, чтобъ мы къ нему въ церковь не ходили, такъ какъ только Викингъ по настоящему служитъ литургію и ему только и далъ папа настоящую власть, — прибавилъ княжескій челядинецъ.

— Неправда не вѣрится мнѣ, чтобъ такого святого деловѣка велѣлъ папа изгнати. А учитъ онъ хорошо: всѣмъ понятно и ясно, какъ онъ говоритъ... на добро наставляетъ, книги хорошія написалъ, отвѣтилъ старикъ.

— Что-же? то правда, что онъ пастырь добрый, народъ любитъ его... на всякое добро наставляетъ, корысти нѣтъ въ немъ, аль чего такого... Да сказываютъ, что въ письмѣ отъ папы такъ сказано, что Меѳодій негожъ, не настоящій пастырь, а настоящій есть Викингъ, а письмо-то у князя есть, да Викингъ самъ имѣетъ такое...

— Вретъ нѣмецъ... что-то не то! — покачалъ головой старикъ.

— А ежели и впрямь такъ написано, — недаромъ народъ баетъ — не дадимъ, братцы, Меѳодія! Не изгонимъ! — горячо заявилъ моравянинъ, размахивая рѣшительно руками, какъ будто онъ уже теперь обороняетъ своего архипастыря.

— Тутъ не разберешь: одни говорятъ, что Меѳодій не настоящій пастырь и папа велѣлъ изгнати его, а что надо почитати только Викинга, а другіе сказываютъ, что то все неправда: нѣмецъ напуталъ, чтобъ ему самому быти на мѣстѣ Меѳодія. Пустъ намъ лучше прочтутъ, что папа написалъ, и мы будемъ знати толкомъ.

— Правда, правда! Такъ-бы и надо, — отозвалось нѣсколько голосовъ.

По городу очень настойчиво распространялись слухи, пущенные коварнымъ Викингомъ Въ отсутствіе князя, занятаго войною, Викингъ пользовался случаями, чтобы смущати народъ и своего престарѣлаго Архипастыря, подъ котораго онъ давно подкапывался.

Сторонники Вихинга, подкупленные имъ или привлеченные къ нему своекрыстными расчетами, говорили, что папа далъ архипастырскую власть Викингу, а Меѳодія »велѣлъ изгнати вмѣстѣ съ его учениками«.

Пока эта молва держалась въ небольшомъ кругу придворной нѣмецкой партіи и отсюда, можетъ быти, чрезъ придворную челядь проникала въ народъ въ видѣ отголосковъ чего-то неопредѣленнаго, народъ относился недовѣрчиво и мало смущался такимъ вѣстями. Но со временемъ, воспользовались отсутствіемъ князя и отъѣдомъ Меѳодія изъ Велеграда на родину, Викингъ сталъ дѣйствовати смѣлѣе и рѣшительнѣе. Его партія пустила даже молву, что императоръ византійскій осуждаетъ Меѳодія и недоволенъ имъ, конечно, за неправое будто-бы его ученіе, и что, навѣрно, ему не избѣгнути наказаніе отъ руки императора.

Но Меѳодій возвратился съ дарами императора, а спутники сообщали всѣ подробности пребыванія въ Царьградѣ, гдѣ Меѳодій принятъ былъ съ большимъ почетомъ и патріархомъ и императоромъ.

Моравяне видѣли, что ихъ добрый и любимый Архипастырь не только возвратился къ нимъ, но еще

привезъ съ собою, какъ даръ императора и патріарха, разныя церковныя принадлежности, какихъ и не видано было въ Моравіи, и украсилъ ими велеградскіе храмы. Величіе и благолѣпіе богослуженія, совершаемое престарѣлымъ Архипастыремъ въ храмахъ, обновленныхъ роскошными дарами Царьграда, привлекало множество народа. Народъ еще болѣе привязывался къ своему Архипастырю, котораго зналъ въ теченіе двадцати лѣтъ.

Народъ относился недовѣрно ко всѣмъ клеветамъ, пущеннымъ противъ Меѳодія, хотя были и »слабые, которыхъ уносилъ съ собою хитрый врагъ, какъ вѣтеръ листья«.

Многіе моравяне, горячо любившіе своего Архипастыря, опасались, чтобы онъ не покинулъ Велеградъ и не уѣхалъ безвозвратно на родину.

Однажды народъ заволновался и потребовалъ, чтобы на общемъ сходѣ прочитано было папское посланіе, дабы всѣмъ было извѣстно, такъ-ли тамъ написано противъ Меѳодія, какъ о томъ говорятъ, и правда-ли, что Меѳодія велѣно изгнати?

Посланіе было прочитано.

»Какъ мгла, разсѣялись со стыдомъ враги Меѳодія«. Коварство Викинга и его нѣмецкихъ сторонниковъ не достигло цѣли. Обнарилось теперь, насколько противно канонамъ и долгу Викингъ интриговалъ противъ своего Архіепископа и злоупотреблялъ своею

властгю, какъ епископъ Нитранскій. Самъ князь Святополкъ былъ недоволенъ имъ, какъ сторонникомъ Арнульфа и сообщникомъ нѣмцевъ.

Викингъ не могъ теперь открыто дѣйствовати противъ Меѳодія и долженъ былъ ожидати болѣе благопріятнаго времени; нѣмецкая партія потеряла въ Моравіи свою силу на короткое время, пока Святополкъ былъ во враждѣ съ Арнульфомъ.

Но Меѳодію недолго пришлось спокойно трудитися для моравской церкви.

IV.

Въ послѣдніе два-три года, послѣ вторичнаго возвращенія своего изъ Рима, Меѳодій все болѣе и болѣе клонился долу въ старческомъ изнеможеніи; и не столько изнурилъ его протекшіе годы, сколько надорвала силы неустанная борьба съ людской крамолой и непримиримой враждой баварскаго духовенства, во главѣ съ зальцбургскимъ архіепископомъ.

Почти восемнадцать лѣтъ трудился Меѳодій на моравской нивѣ, — одинъ, послѣ смерти своего брата Кирилла. Это было тяжелое время. Въ теченіи всего этого продолжительнаго времени ему надо было бороться за правду съ сильными врагами, и внутренними, и внѣшними, — не легко было одному борцу вынести всю тяжесть этой борьбы! А возрастъ — ему было **до семидесяти лѣтъ — велъ законами естества къ концу жизненнаго поприща.**

Онъ самъ уже сознавалъ, что закатъ его жизни не далекъ.

Одно очень важное дѣло безпокоило его въ теченіе всего долгаго служенія его въ Моравіи. Это — переводъ книгъ Священнаго Писанія съ греческаго языка на славянскій. Постоянные труды на пользу паствы не оставляли ему свободнаго времени для выполненія этого перевода. Теперь, когда старческіе годы лишили его прежней бодрости и больше удерживали дома, онъ принялся за переводъ при помощи двухъ своихъ учениковъ-священниковъ, знавшихъ хорошо греческій языкъ и обладавшихъ хорошимъ почеркомъ. Переводъ этотъ потребовалъ уисиленнаго труда въ теченіе полугода. Этотъ трудъ Меѳодій считалъ завершеніемъ своей архипастырской дѣятельности не только для Моравіи, но и для всѣхъ славянъ, которые приняли или примутъ еще христіанство. Въ день окончанія перевода — 26 октября 884 г. — онъ со всѣмъ своимъ клиромъ воздалъ »славу и хвалу Богу, дающему такую благодать и поспѣхъ«.

Лѣтомъ 884 года Меѳодій освятилъ еще церковь въ городѣ Брнѣ. Освященіе было торжественное, въ присутствіи князя Святополка и при громадномъ стеченіи народа. Это былъ большой подвигъ для почтеннаго старца-архіепископа внѣ стольнаго града и, кажется послѣдній.

Осенью этого года и затѣмъ въ теченіе зимы онъ чувствовалъ себя очень плохо: жизненны силы ослабѣвали.

Окружавшіе Меѳодія его соработники на нивѣ моравской и ученики просили своего Архипастыря указати себѣ преемника:

— Кого изъ твоихъ учениковъ считаешь ты, отецъ и почтенный учитель, достойнымъ быти твоимъ преемникомъ? — спросили окружавшіе постель больного шесть его славныхъ и преданныхъ учениковъ: Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеляръ, Лаврентій и Савва.

Меѳодій указалъ на Горазда.

— Вотъ благородный мужъ земли вашей, и въ латинскихъ книгахъ прекрасно свѣдущъ и правовѣрующій, да будетъ на немъ Божья воля и ваша любовь, равно какъ и моя — сказалъ онъ.

Старецъ все больше изнемогалъ и не покидалъ постели.

Наступило Вербное воскресеніе. Меѳодій, предчувствуя свой скорый конецъ, пожелалъ преподати всѣмъ свое архистырское благословеніе и проститися съ народомъ.

Поддерживаемый, онъ вешелъ въ церковь и дрожащей рукой благословилъ князя, духовенство и народъ.

— Охраните меня, дѣти, до третьяго дня — сказалъ онъ своимъ ученикамъ, не покидайвшимъ въ по-

слѣдніе дни своего возлюбленнаго Архипастыря. Прощаясь въ предсмертный часъ со своими учениками, онъ наставлялъ ихъ быти твердыми въ православной вѣрѣ и противостояти всѣмъ неправильнымъ нововведеніямъ латинскаго духовенства, котораго оно держалось въ противность церкви восточной.

— Возлюбленные дѣти мои, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — вы знаете мощь еретиковъ въ злобѣ. Вы знаете какъ они, искажая слово Божіе, стараются напоити ближнихъ ученіемъ ложнымъ, нечистымъ. Вы знаете тѣ средства, которыя они употребляютъ, — это: убѣжденіе для простаковъ, жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь на васъ и молюсь за васъ; молюсь, да усотите противъ тѣхъ средствъ, ибо вы не увлечетесь ни убѣдительностью словъ ихъ, ни лестью не соблазнитесь, такъ какъ вы основаны на камнѣ апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ основана и церковь, ея-же врата адовы не одолѣютъ, ибо Тотъ вѣренъ, Кто обѣщалъ это, и вы не будете разрушены въ твердыняхъ сердце вашихъ никакимъ страхомъ, ибо вы знаете, что говорится въ Св. Писаніи: не страшитесь тѣхъ, которые хотя убиваютъ тѣла, но не могутъ погубить душу. Увѣщевайте и другихъ, чтобы и они хранили тотъ залогъ, который вы приняли отъ апостоловъ и отъ св. отцовъ, и который потребуется отъ васъ въ день воздаяній. Итакъ, я указалъ это вамъ, дабы вы знали и если нарушите,

то сдѣлаетесь причастными грѣгу... Я не молчалъ изъ страха, но на службѣ стража я бодрствовалъ... Смотрите: осторожно ходите, не какъ неразумные, но какъ мудрые, и со всею бдительностью старайтесь охраняти сердца ваши и братьевъ вашихъ Послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, чтобы улечи за собою народъ. Противустойте этимъ волкамъ, будьте тверды въ вѣрѣ. Это завѣщаетъ вамъ ап. Павелъ чрезъ меня. Всемогущій Господь и Отецъ, и отъ него предвѣчно рожденный Сынъ, и Святый Духъ, да научитъ васъ всякой истинѣ и да сдѣлаетъ васъ непорочными въ день Христа во имя мое.

Въ среду на Страстной недѣлѣ, на разсвѣтѣ, первый моравскій Архіепископъ мирно почилъ (6-го апрѣля 885 года).

Отпѣваніе совершалось на трехъ языкахъ: славянскомъ, греческомъ и латинскомъ.

Въ соборной церкви, за алтаремъ Пресв. Богородицы, на лѣвой сторонѣ въ стѣнѣ положенъ былъ гробъ Меѳодя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Едва добрые моравяне успѣли глаза вытерти отъ слезъ послѣ смерти своего великаго Архипастыря, а

лучшіе изъ нихъ и того еще не успѣли сдѣлати, какъ ужъ поднялась гроза... Не стало доблестнаго борца за святую истину, за правое дѣло, и баварское духовенство подняло голову, выступило съ вражьей силой, и такое пошло на Моравіи, что и Моравія съ той поры погибла. Всего хуже то, что князь опять дружилъ съ нѣмцами и слушался ихъ коварныхъ рѣчей. Кабы князь не слушалъ нѣмцевъ, да кабы изгналъ Викинга, — не то бы было...

Въ концѣ лѣта 885 года Викингъ возвратился изъ Рима, гдѣ ему не трудно было снискати довѣріе и милость папы и найти поддержку среди представителей нѣмецкой націи, окружавшихъ папскій престолъ. Онъ привезъ съ собою буллу папы, въ которой Меѳодій осуждался за славянское богослуженіе, и выше всего ставились интересы римской церкви.

Папа писалъ Моравскому князю: »Мы нашли Викинга хорошо наставленнымъ и потому отпустили его къ вамъ для управленія ввѣренною ему церковью, поелику узнали, что онъ весма преданъ тебѣ и во всемъ печется о тебѣ. Его примите, держите и любите... пусть онъ имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ у васъ. Анаѳема за презрѣніе католической вѣры падетъ на главу того, кто объявилъ его. Ты же и народъ твой, по суду Святаго Духа, будьте невинны, если только будете сохраняти вѣру, которую проповѣдуетъ римская церковь. А божественныя службы и св. таин-

ства и священнодѣйствія литургіи, которыя тотъ Меѳодій осмѣлился совершати на языкѣ славянскомъ... никоимъ образомъ впредь никто да не дерзнетъ совершати... Ибо Божіею и нашею апостольскою властью мы запрещаемъ это подъ страхомъ проклятія, за исключеніемъ лишь того, что служитъ къ назиданію простого и не разумѣющаго латинскаго языка народа, — только изложеніе евангелія и апостола знающими то людьми можетъ извѣщатися на народномъ языкѣ. На это мы даемъ разрѣшеніе, и къ этому увѣщеваемъ, и убѣждаемъ, чтобы это было, какъ можно, чаще... А упорныхъ и непослушныхъ, производящихъ вражду и соблазнь, если не исправлятся послѣ перваго и втораго увѣщанія, предписываемъ извергати изъ нѣдръ церкви.. предписываемъ обуздывати нашею властью и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ«.

По всей Моравіи поднялось преслѣдованіе священниковъ, поставленныхъ Меѳодіемъ.....

Но поставленные Меѳодіемъ священники, особенно главнѣйшіе блюстители послѣ Меѳодія моравской церкви, неуклонно держались завѣтовъ своего Архипастыря и твердо помнили его предсмертное наставленіе.

— Для чего вы до сихъ поръ держитесь словъ Меѳодія, умершаго и уже сгнившаго? — говорили нѣмецкіе священники ученникамъ Меѳодія, — а не присоединяетесь къ живому архіепископу (т. е. Викингу)?

Гораздъ и Климентъ отвѣчали имъ:

— Меѳодій еще живъ, и мы объ этомъ знаемъ отъ Господа, который говоритъ, что вѣрующій въ него, аще и умретъ, живъ будетъ, и что Онъ Богъ живыхъ, а не мертвыхъ. Итакъ, какой-же грѣхъ, съ нашей стороны, что мы имѣемъ учителя, живущаго въ Богѣ, духовно съ нами присутствующаго и противъ васъ укрѣпляющаго?

Какъ видимъ, латинское духовенство, во враждѣ своей съ славянскимъ, обличало его въ томъ же, въ чемъ прежде и Меѳодія, именно, — что они поютъ литургію на славянскомъ языкѣ...

Враги славянвкаго духовенства стали клеветати предъ княземъ и заподозривати въ его глазахъ вѣрность тѣхъ, кто расходился съ ними въ религіозныхъ взглядахъ.

— Княже, есть у тебя опасные люди, — говорили они въ удобныхъ случаяхъ. Кто не держится одной вѣры съ своимъ властелиномъ, не согласуется въ ученіи съ нимъ, тотъ притивникъ власти. Отъ такихъ людей можно всего ожидать: они могутъ возстать противъ власти, посѣять смуту въ народѣ.

— Они княже, каждый день съ нами ссорятся.

Смущали князя такія рѣчи. Надоѣли ему всѣ эти распри. Зналъ онъ также, что не безвинны тутъ и нѣмцы-священники, хотя они всячески старались себя выгородити и свалити вину на учениковъ Меѳодія. Чтобы положити конецъ всѣмъ этимъ смутамъ, князь призвалъ къ себѣ тѣхъ и другихъ и сердито сказалъ имъ:

— Что это за расколъ дѣлается между вами, и каждый день схватываетесь вы между собою, какъ

враги? Не братья-ли вы всѣ и не христіяне-ли? По чему-же вы не соглашаетесь между собою и не забо титесь объ единеніи?

— Княже, — сказалъ Гораздъ отъ лица учени кой Меѳодія, — много надобно бы намъ говорити об этомъ, ибо не о маловажномъ предметѣ и не о мало важномъ дѣлѣ предстоитъ намъ опасность, но о спасе ніи нашихъ душъ, что для насъ всего существеннѣе Но какъ незнакомство твое съ Священнымъ Писаніем не позволяетъ тебѣ выслушати болѣе продолжительны и глубокія разсужденія, то мы на твой вопросъ про сто отвѣтимъ... Если они согласатся съ Евангеліемъ св. отцами, то мы поспѣшимъ къ нимъ, какъ братьямъ бросимся въ объятія и обнимемся.

— Я признаю себя человѣкомъ совершенно неу ченымъ и не свѣдущимъ, сказасъ онъ, я человѣкъ не грамотный, по христіанства держусь и буду держа тися. А этихъ недоумѣній и споровъ, которые вы по дымаете, я не могу рѣшити на основаніи вашихъ до водовъ и различити лжеучителя отъ православнаго. Я какъ христіанинъ, разсужу васъ; я объ этомъ догмат даю такой приговоръ, какой привыкъ давати и о про чихъ дѣлахъ; кто первый придетъ и поклянется, чт онъ вѣруетъ истино, о томъ я буду судити, что он не уклоняется отъ точнаго смысла вѣры, — тому я предоставлю завѣдывати дѣлами церкви, насколько эт слѣдуетъ для пресвитера.

Плохой способъ избралъ князь для разрѣшенія спорнаго вопроса: конечно, каждый, предлагающій сво ученіе, станетъ утверждати, что онъ правъ.

Едва князь закончилъ послѣднія слова, какъ нѣ мецкіе священники громко закричали, что они правы въ своемъ ученіи и стали клястися.

— Хорошо! казалъ князь, если же теперь кто уличенъ будетъ въ томъ, что онъ вѣруетъ не такъ, какъ франки (нѣмцы), тотъ будетъ преданъ имъ въ руки, и они могутъ дѣлати съ нимъ, что хотятъ, закончилъ князь рѣшительно, не допуская никакихъ возраженій.

Баварское духовенство торжествовало.

II.

Нѣсколько воиновъ обнажонными мечами и копьями гнали впереди себя изъ Велеграда пять священниковъ. По ихъ рѣчи и насмѣшкамъ, которыми они сопровождали пинки и удары мечтами своихъ жертвъ, видно, что это нѣмцы. Принадлежатъ-ли они княжескому двору или они изъ двора новаго моравскаго Архіепископа, а можетъ быти даже и челядинцы какихъ нибудь важныхъ баварскихъ священниковъ, прибывшіе вмѣстѣ съ ними, — трудно разобрати.

Подгоняя грубо мечами и копьями несчастныхъ священниковъ, они не щадятъ словъ для издѣвательства надъ ними. Ихъ суровыя лица имѣютъ на этотъ разъ какой-то злобный видъ; казалось, ни одна черта состраданія не скользнула, хотя-бы мимолетно, по ихъ физіономіямъ. Оружіе въ рукахъ придавало имъ какую-то особенную жестокость, точно они имѣли дѣло съ злѣйшими врагами, для которыхъ не можетъ быти никакой пощады.

Всѣ пять священниковъ, между которыми замѣтны даже сѣдыя головы, имѣли очень истощенный и страдальческій видъ. На лицахъ — слѣды побоевъ, а на

рукахъ и ногахъ слѣды темничныхъ цѣпей. Несомнѣнно, этихъ страдальцевъ держали закованными въ темницѣ, гдѣ обращались съ ними далеко не почеловѣчески.

Когда они были на довольно значительномъ разстояніи отъ города, воины безцеремонно стащили съ нихъ одежду, поволокли ихъ по землѣ съ бранью и бросили.

Несчастные еле поднялись на ноги. Къ довершенію ихъ страданій, день былъ очень холодный. Едва они дотащились до ближайшаго селенія, гдѣ добрые люди пріютили ихъ.

Князя Святополка не было въ то время въ Велеградѣ. По какимъ-то надобностямъ онъ отлучился изъ своей столицы на продолжительное время. Баварское духовенство воспользовалось случаемъ, чтобы жестоко разсчитатися съ тѣми, кого оно наиболѣе ненавидѣло.

Этихъ пять страдальцевъ-священниковъ навѣрно узнали-бы моравяне даже въ отдаленныхъ городахъ княжества, они ихъ часто видѣли съ покойнымъ Архіепископомъ Меѳодіемъ, — это пять его славнѣйшихъ учениковъ — Гораздъ, Климентъ, Лаврентій, Наумъ и Ангеларій. Они должны покинути свое дорогое отечество, — въ немъ нѣтъ для нихъ мѣста, оно чуждо теперь для нихъ.

Тайкомъ пробрались они въ сосѣднюю Болгарію.

Такая участь изгнанія постигла не однихъ только этихъ пять моравскихъ священниковъ. Можетъ быти, не далѣе какъ чрезъ годъ послѣ смерти Меѳодія, нѣмецкое духовенство, во главѣ съ Викингомъ, изгнало до 200 моравскихъ священниковъ, поставленныхъ первымъ Аргіепископомъ Моравскихъ св. Меѳодіемъ.

Вихремъ пронеслась буря по Моравіи и въ короткій срокъ смела и разметала драгоцѣнный посѣвъ,

который посѣяли святые Солунскіе братья и восемнадцать лѣтъ растилъ св. Меѳодій.

Что сталось съ Моравіей? гдѣ основа, гдѣ опора ея народной силы?

III.

Моравяне ничуть не удивились-бы, если бы неожиданно прискакалъ къ нимъ какой-нибудь гонецъ и закричалъ:

— Беритесь за оружіе: франки наступаютъ!!

Едва-ли кто либо изъ нихъ усумнился бы и счелъ бы это невѣроятнымъ, хотя между Арнульфомъ и княземъ Святополькомъ давно существуютъ добрыя пріятельскія отношенія. Правда, они враждовали разъ даже тогда воевали другъ съ другомъ, но послѣ того опять сблизились, даже помогали другъ другу. Святополкъ помогалъ тогда Арнульфу добратися до королевскаго трона, а Арнульфъ не препятствовалъ Святополку раздвинути границы своего княжества. Однако-жъ, едва ли кто изъ моравянъ понадѣялся бы на эти пріятельскія отношенія и не повѣрилъ бы грозной вѣсти. Болѣе чѣмъ столѣтній опытъ сосѣдства съ франками (нѣмцами) научилъ ихъ иначе относитися къ своимъ сосѣдямъ, чѣмъ ихъ князь, и навѣрно, услышавъ такую вѣсть, каждый изъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія пустилъ бы нѣсколько мѣткихъ словъ по поводу нѣмецкой пріязни, да, пожалуй, и своего князя не забылъ бы помянути, а королю Арнульфу досталось бы столько отъ славянской острой рѣчи, что ему и на томъ свѣтѣ икалось-бы, — и принялся-бы онъ за оружіе, чтобы защищати родную землю отъ супостатовъ.

Такъ и было спустя семъ лѣтъ взаимной дружбы

Святополка и Арнульфа. По крайнемъ мѣрѣ, эти добрыя взаимныя связи замѣтны были снаружи. Арнульфъ на самомъ дѣлѣ никогда не питалъ расположенія къ славянамъ и въ душѣ былъ непримиримымъ ихъ врагомъ. Миръ съ Моравскимъ княземъ Святополкомъ ему нуженъ былъ для достиженія своихъ цѣлей. Но когда онъ занялъ королевскій тронъ, онъ сталъ смотрѣти очень косо на моравскаго князя, далеко расширившаго свое княжество и достигшаго силы и могущества. Еще въ 890 году онъ на съѣздѣ въ Омутесбергѣ (въ Паннонiи) поддерживалъ дружественный миръ съ Святополкомъ, въ виду грозившей ему опасности отъ норманновъ и угровъ, очень безпокойно закопошившихся на границѣ Восточной марки; но уже тогда между нимъ и Свяктополкомъ замѣтно было какое-то недовѣріе и охлажденіе, а за симъ потянулось и явное нерасположеніе. Нуженъ только былъ поводъ къ окончательному разрыву.

Въ 892 году Анрнульфъ, по возвращеніи своемъ съ удачнаго похода противъ норманновъ, отправился въ Восточную марку и пригласилъ сюда на свиданіе Моравскаго князя, — можетъ быти, для какихъ нибудь переговоровъ.

Святополкъ обѣщалъ но не явился. Король оскорбился. Это и послужило поводомъ къ нападенію на Моравію.

Арнульфъ не самъ нападалъ на Моравію: онъ заключилъ союзъ съ хорватскимъ княземъ Брачиславомъ и привлекъ для нападенія на Моравію угровъ (венгровъ).

Одновременно, въ томъ-же году, союзники вторгнулись въ Моравію. Но большого успѣха не имѣли. Арнульфъ пограбилъ немного страну и съ тѣмъ ушелъ,

а Святополкъ построилъ больше крѣпостей. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь досадити моравянамъ, Арнульфъ побуждалъ болгаръ не доставляти въ Моравію соли. Въ слѣдующемъ году онъ снова вторгся въ Моравію, но военная тактика и твердый характеръ князя и на этотъ разъ послужили препятствіемъ къ большому успѣху нѣмцевъ.

Въ эти печальные годы Святополкъ, какъ и слѣдовало ожидати, перемѣнилъ свои отношенія къ окружавшимъ его нѣмцамъ и возвратился на путь, который проложенъ былъ св. Солунскими братьями. Викинга уже не было въ Моравіи. Онъ поступилъ ко двору Арнульфа и здѣсь занялъ очень вліятельное положеніе. Злобствуя на Моравскаго князя и на Моравію, онъ не щадилъ словъ, чтобы возбудити противъ нихъ нѣмцемъ.

Не успѣла Моравія избавитися отъ короля Арнульфа, какъ лишилась своего мужественнаго защитника. Святополкъ умеръ въ 894 году, послѣ 24-хъ лѣтъ княженія.

При немъ Моравское княжество достигло такихъ предѣловъ и такого могущества, какихъ оно не имѣло даже при Ростиславѣ. Послѣ Святополка оно начало теряти свою самостоятельность, пока совершенно не подпало нѣмецкому владычеству.

Святополкъ раздѣлилъ свое княжество между тремя своими сыновьями. Это было началомъ разложенія и затѣмъ гибели княжества, а вслѣдъ затѣмъ и постепенной потери національной самобытности подъ воздѣйствіемъ нѣмецкаго вліянія и нѣмецкаго господства.

Вслѣдъ за германскимъ господствомъ двигалась и нѣмецкая колонизація славянскихъ земель. Славянское

населеніе почти повсемѣстно было въ служебномъ, а во многихъ мѣстахъ и еще въ худшемъ положеніи у нѣмецкой аристократіи, захватившей крупныя земельныя владѣнія. Особенно господствующее положеніе заняло нѣмецкое духовенство. Даже Кельнскій архіепископъ которому чуть-ли не мѣсяцъ надо было-бы скакати, чтобы добратися съ Рейна до Моравскій границы, — а весной и осенью, пожалуй и въ два мѣста не добрался-бы, и тотъ подалъ свой голосъ противъ Моравіи, и просилъ папу отдати эту страну — баварцамъ. Нѣмецкое духовенство служило найлучшимъ и надежнѣйшимъ проводникомъ нѣмецкаго вліянія и латинизаціи.

Съ паденіемъ крѣпкой защиты Моравіи, для баварскаго духовенстсва открылся свободный доступъ сюда, чего оно такъ упорно добивалось.